
Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2013

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей АВЕРЬЯНОВ. Коррупция, либерализм и русофобия	3
Алексей ВОЛОДИН. Куда олигархи деньги прячут	13
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	91
Михаил ХАЗИН. Мир на пороге новых времен	144
Николай БОНДАРЕНКО. Преступная деятельность по снижению рождаемости	170

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Чёрное перо серой вороны. Роман	18
Светлана ЕРЕМЕЕВА. Короткие рассказы	132

ПОЭЗИЯ

Владимир МОЛЧАНОВ. Я сижу у окна. Стихи	79
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. В ожидании метелей. Стихи ..	83
Игорь КУНИЦЫН. Провинциальные сны. Стихи	86
Стихи поэтов России	179

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий ХАТЮШИН. Либеральное мракобесие	184
Андрей САВЕЛЬЕВ. О национальном государстве	190
Александр ШУМСКИЙ. У русских хотят вырвать язык	195

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Виктор МЕЛЬНИКОВ. На острове боли . Рассказ	201
Александр АМУСИН. Орден для внука . Рассказ	226
Давид ШЕМОКМЕДЕЛИ. Измена . Рассказ	229
Наталья ВЕДЮШЕНКО. Васильковые дни . Стихи	233

ДОСЬЕ «МГ»

Николай МАЛИШЕВСКИЙ. Польский плен: как уничтожили десятки тысяч русских	236
Олег ЧУВАКИН. НАТО: сделано нацистами	244
Герман НАЗАРОВ. Десять лет спустя	250

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Любовь ПОДСВИРОВА. Софья Толстая-Есенина и «неистовые ревнители»	257
---	-----

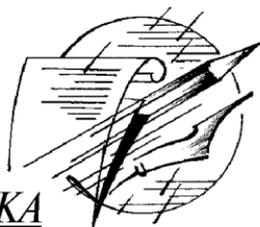
ИСКУССТВО

Анна КЛЯЙН. Свобода творчества или заказуха	272
Владимир ПРОНСКИЙ. Две встречи	283

КОРРУПЦИЯ, ЛИБЕРАЛИЗМ И РУСОФОБИЯ

Много десятилетий враги России пугали мир «русским коммунизмом». Нарочито не упоминая о том, что коммунистический каток первым прошел именно по России и по русским. Тем более не упоминая о том, что никаких «русских корней» у коммунизма не было — это чисто западная идеология, рожденная «эпохой Просвещения». Как и либерализм.

Теперь о коммунизме уже почти не вспоминают. Одна из главных русофобских «страшилок» — «русская коррупция». Четыре влиятельных члена Сената США — республиканцы Джон Маккейн, Роджер Уикер, демократ Бенджамин Кардин и независимый сенатор Джозеф Либерман (все известны как отъявленные русофобы) «согласились» на отмену «допотопной», но до сих пор действующей поправки Джексона—Вэника, связанной с эмиграцией советских (!) евреев, но лишь «в обмен» на принятие Сенатом «списка Магнитского», сообщает агентство Associated Press. Сенаторы написали соответствующее письмо главе финансового комитета Сената Максу Бакусу. *«Мы создадим препятствия для поездок за рубеж наиболее кор-*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

группированным россиянам, а также для перемещения туда их личного состояния, добытого нечестным путем», — говорится в их письме.

Обвинения русских в «тотальной коррупции» — это, конечно, лишь частный случай охватившей весь «цивилизованный мир» русофобии, о причинах которой еще Император Александр III говорил Наследнику, будущему Императору Николаю II: «Нашей огромности бояться».

Однако вспомним историю. «Откуда есть пошла» современная «российская коррупция»? В отличие от Запада, складывавшегося по парадигме «собственность первична, власть вторична», в России, как, впрочем, и издревле на всех «больших пространствах» — от Египта до Китая — все обстояло противоположным образом. Экономические отношения не определяли тип государства, но, напротив, определялись ими. Эти естественно-природные условия стократ усиливались тысячелетней Православной верой Русского народа, изначально ставившей экономику и проблемы собственности — без их манихейского отрицания — на второе место по отношению к нематериальному фактору.

Вопреки первоначальным устремлениям коммунистических идеологов — прежде всего самого Ульянова (Ленина), логика Русской истории привела к тому, что к середине 30-х годов были, по сути, восстановлены (разумеется, с иной, но в чем-то еще более жесткой идеологией) основные геополитически необходимые параметры Русской исторической государственности с ее приматом общего над частным, «военно-тягловым» строем и определенным моральным аскетизмом (хотя, в силу декларируемого атеизма, и оторванным от своего корня). Такому положению способствовало также и введение после войны самообеспечения советского рубля «всеми национальными богатствами СССР», то есть отвязывание его от международной финансовой системы, и строжайший контроль за доходами номенклатуры (при предоставлении ряда льгот, не подлежавших при этом процентному увеличению).

Однако после XX съезда КПСС в сознание людей стал постепенно внедряться «принцип наслаждения» в самом широком смысле слова — многое из прежде запретного уже к концу 50-х — началу 60-х годов стало если не поощряемым, то терпимым. Распространению в обществе гедонизма и моральной терпимости способствовали с размахом организованные под эгидой ЦК КПСС Международные фестивали молодежи и студентов, затем — Московские международные кинофестивали. Советский человек «открыл для себя» «за-

падный образ жизни», что, безусловно, размывало аскетический идеал конца 30-х — начала 50-х, так или иначе сплывавший, в том числе и номенклатуру. Характерно при этом, что новая атеистическая кампания, затеянная Хрущевым, на самом деле, хотели того или не хотели, ударила также и по партийной аскезе — она вполне шла в одном ключе с «либерализацией» социальной жизни. В 70-е годы к обогащению номенклатуры за счет «загранкомандировок» добавляется налаживание ее связей с т.н. «теневой экономикой». По некоторым данным, к началу 80-х годов обороты «теневой экономики» составляли около 40% финансовых оборотов СССР, и значительная часть номенклатуры, прежде всего, партийной, от ЦК до райкомов, оберегала многочисленных теневых дельцов, кстати, уже тогда объединившихся в этнические мафии, и имела от теневой экономики доходы, многократно превышавшие «номенклатурные льготы». Это уже была прямая коррупция, хотя пока еще советского, точнее, позднесоветского, типа. А далее идея конвертации власти в собственность, ставшая основой формирования «новой России» как части мировой политико-экономической — евроатлантической — системы не могла не привести к ее сначала тайному, а затем явному союзу с либеральной интеллигенцией. Наступила эпоха «легальной коррупции», которая стала следствием «дерусификации» (прежде всего в духовном и идеологическом, хотя и не только, смысле) и либерализации господствовавшей идеологии, а затем и прямой ее смены идеологией либеральной.

Русский человек, столетиями воспитанный на православной этике нестяжательства, воздержания, отсечения греховных помыслов, а затем воспринявший т.н. «Моральный кодекс строителя коммунизма», в котором провозглашается (хотя и применяется к достижению ложных целей) та же самая этика, в принципе не может понять т.н. «либеральных ценностей», возникших исключительно на почве протестантизма (даже католики в этом смысле нам понятнее).

Что такое коррупция в принципе? Как можно определить это общественное явление? «Коррупция» («*corruptio*») на латыни означает «распад», «гниение», «разложение», «разрыв органических связей» — указывает профессор А.Г.Дугин. Этот термин прилагается к процессу гниения трупов — они разлагаются, «коррумпируются». Так теневые схемы, распилы, откаты и хищения разлагают органические связи хозяйства, нормальное функционирование экономики и вертикали власти — на каждом уровне любое начинание превращается в «тему» (то есть в процесс хищения, незаконных побо-

ров, получения взяток и распила бюджета). Хозяйство гниет. Но и гниение есть своеобразная жизненная среда — она притягивает хищников, пожирающих падаль, дает жизнь червям, бактериям, насекомым, питает и удобряет, в конце концов, почву. Наше общество прекрасно адаптировалось к коррупционным процессам, научилось жить в состоянии разложения. Тем более массовая культура сегодня как никогда способствует этому — низкопробный юмор, дегенеративные сериалы и узколобые развлечения составляют основу информационной среды — особенно в пространстве телевидения. Это своего рода «телекоррупция», на которой процветают извращенцы и лгуны, нарциссические эгоисты и хищные акулы шоубизнеса.

Дугин прав. Коррупция, рождаясь из разложения, сама порождает его все новые проявления — в геометрической прогрессии или, если угодно, как раковая опухоль.

Очень важной вехой осмысления губительности либеральной идеологии в России и ее «коррупционности» был организованный Фондом им. Питирима Сорокина «круглый стол» «Преодоление либерализма» (Москва, МГУ, 30 мая 2007). Один из руководителей Фонда, декан социологического факультета МГУ Владимир Добренков призвал экспертов ответить на вопросы: «Соответствует ли либерализм отечественному национальному сознанию? Насколько он учитывает фактор традиционных ценностей? Почему российский либерализм отвергается обществом? Каковы перспективы «диалога идеологий» в России?».

Депутат Государственной Думы Сергей Глазьев заявил о невозможности успешной реализации в российском социуме либеральной идеи. В новейшей истории России либерализм, по словам С. Глазьева, «понимался как некая вольница», и это стало его драмой. Депутат подверг критике российские реформы начала 1990-х, которые, проходя под либеральными лозунгами, «стали примером извращенной реализации псевдолиберальной идеологии и обернулись крупномасштабным воровством». Либеральная идеология осознанно использовалась ее носителями «как ширма оправдания коррупции и расхищения государственного имущества». С. Глазьев отметил, что такое «примитивное извращение либеральной идеологии» вызвало отторжение даже у классиков либерализма, например, Милтона Фридмана, отказавших нашим реформаторам в звании либералов.

Политолог, главный редактор журнала «Профиль» Михаил Леонтьев поддержал Сергея Глазьева в том, что реальный социально-экономический смысл либеральных реформ в

России заключался в «легализации воровства». Главным маяком для отечественных младореформаторов, по его словам, всегда была «геополитическая ориентация и преданность флагу звездно-полосатой окраски», ради которой они готовы были «поступить любыми ценностями».

Политолог Александр Ципко отметил, что «смердяковщина», презрение к национальной традиции, «стремление сломать традиционный архетип» являлись характерными чертами российских либералов в начале 90-х годов. Причем, по мнению эксперта, такого рода позиция отдельных представителей либерального лагеря является ничем иным, как социал-дарвинизмом, который вкупе со «смердяковщиной» является «очень опасным мировоззрением».

Оставим на совести уважаемого Сергея Глазьева его вольные или невольные попытки «отмыть» идеологию либерализма как таковую. Пусть это останется предметом научной дискуссии. Он прав в главном: современная «российская коррупция» — порождение либеральной экономики и идеологии. Однако все было бы проще, если речь шла просто о внутренней и добровольной рецепции «принципов либерализма». Речь идет о том, что эти «принципы» были нам навязаны, причем совершенно сознательно и умышленно.

Экономический аспект проблемы хорошо высветил известный германский теоретик экономической науки XIX в. Фридрих Лист (1789— 846). Он доказывал, что страны, уже давно идущие путем рыночной (либеральной) экономики, неизменно выигрывают от восприятия этой модели странами, которые имели иные хозяйственные модели. На примере Англии он показал, что взаимная либеральная открытость стран двух обществ выгодна тому обществу, которое имеет более развитую рыночную инфраструктуру. А те государства, которые по каким-то причинам развивали свою экономику на другой основе, в случае перехода к рыночному либерализму обречены на зависимое положение. Причем «нерыночные» экономики не синоним экономик отсталых. Новейшая история подтверждает правоту Ф. Листа: богатые (западные) страны богатеют, их разрыв со странами «третьего мира» увеличивается. Западу просто выгодно экономически навязывать рыночную экономику — это легчайший инструмент его господства.

То, о чем писал выдающийся германский ученый позапрошлого века, чьи труды при определенных (более благоприятных) исторических условиях вполне могли бы стать реальной альтернативой марксизму, безусловно и бесповоротно подтверждается реалиями нашего времени. Еще в 2000 г. в

книге «Рыночный капитализм против государственности» Борис Хореев писал: «Когда говорят, что-де у нас нет капитализма, а есть ворократия, то на самом деле извращают проблему, не понимая, что хотя у нас действительно нет (и не будет!) развитого капитализма, как на Западе, но капитализм зависимого типа уже налицо, а ворократия и криминалитет — это его родовые черты, так же как перманентная депрессия и разложение. Сложившийся у нас капитал, как правило, в сильной и процветающей государственности никак не заинтересован и именно поэтому продолжает настаивать на рыночно-либеральном курсе (при всех его оттенках — от черных до розовых). Он ощущает себя частью глобальной либеральной экономики и поступает согласно рецептам МВФ, Всемирного банка и прочих выразителей интересов мировых центров силы. Его эгоистическим интересам отвечает именно сегодняшнее состояние российского общества, приводящее к необратимому экономическому закабалению России и превращению ее в еще более жестко эксплуатируемую полуколонию».

Далее автор пытается «структурировать» формы «работающего» в России капитала и приходит к следующему. Во-первых, это капитал международный, которому нужно всемерное ослабление российской государственности. Во-вторых, это теневой капитал, какой ассоциируют с криминальным. По официальной оценке — до 40 процентов российского производства. Это, собственно, и есть экономическая база коррупции. В-третьих, капитал «законный», т.е. вполне легальный, какой как раз и является порождением курса либеральных реформ, является спекулятивным, посредническим, обслуживающим Запад, неизбежно компрадорским. Это основная база политического либерализма — от «Яблока» и «Правого дела» до «белоленточников» и псевдонационалистов-сепаратистов.

И, наконец, так называемый «национально-ориентированный» капитал. Когда говорят об «отечественных товаропроизводителях», о «реальном секторе» экономики как производящем, а не спекулирующем, то имеют в виду именно его. Но именно ему и мешает либеральный курс. Даже лучшие из русских предпринимателей и директоров заводов, дабы держать предприятия на плаву, вынуждены играть по правилам, диктуемым правилами МВФ и финансовыми воротилами. А теперь вот еще на нас навалились и правила ВТО. Но коррупция, пусть даже и не все сектора капитала ее порождают, проникает во все сферы экономики, политики и жизни, делая нас бессильными не только экономически, но

и политически. Решение о вступлении в ВТО было «продавлено» вопреки явному его неприятию не только трудящимся, но и предпринимательским классом.

Обобщая, можно сказать: свободно распоряжаясь национальными богатствами и ресурсами, либералы формируют коррупционные схемы, развращая чиновничий аппарат и общественных лидеров, закладывая тем самым государственность в коррупционный залог, ради контроля над ресурсами и производством. Именно поэтому большинство стран с «развивающейся экономикой», развивающихся под контролем заокеанских апологетов либеральной экономики, так страдают от коррупции. Коррупция — это инструмент либералов для контроля над нелиберальными экономиками.

Вот только один пример того, как «либеральные принципы» сами по себе порождают коррупцию. Пример общественных отношений, хорошо всем известных, — жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). Павел Крашенинников, убежденный либерал и один из авторов Жилищного кодекса на этапе его вступления в действие утверждал, что новый кодекс антикоррупционен. Все на самом деле оказывается строго противоположным.

Вот одна «схема»: теперь муниципальное жилье дают только «малоимущим». Остальные — как хотите, «по законам рынка». Но поскольку Кодекс детально не прописывает, что значит малоимущие, определение того, является ваша семья малоимущей или нет, остается за местным чиновником. Как показывает опыт трех лет работы Жилищного кодекса, малоимущими, т.е. имеющими право постановки на очередь на получение жилья, за это время практически никто не был признан. Оно и понятно — откуда у малоимущих средства на подношение чиновникам, тем более, что даже в случае получения данного статуса и постановки на очередь, ждать жилье придется очень долго. Вторая возможность: Жилищный кодекс практически поручает местным чиновникам определять, кого выселять за неуплату. Пока данный раздел Кодекса широко не применяется, но все еще впереди. Нет денег за долги ЖКХ — сделай подношение чиновнику и тебя не признают злостным должником или твои долги признают уважительными.

Сторонники жилищно-коммунальной реформы считают, что одна из главных проблем сферы ЖКХ — монополизм предоставления услуг, т.е. существование ЖЭКов, ДЭЗов и так далее, предоставляющих услуги. Жилищный кодекс формально разрушает данный монополизм, так как вводит управляющие компании, обслуживающие компании и непос-

редственное управление. Но посмотрим, что происходит на деле. Управляющие компании в основном создаются на базе тех же ДЭЗов в принудительном порядке. Никакого рыночного механизма тут не закладывается. Все свелось к акционированию существующих государственных и муниципальных структур. Малому и среднему бизнесу здесь места нет и не будет. Во времена государственной монополии государство было заинтересовано в поддержании жилищного фонда, потому что в конечном счете государству самому нужно было обеспечивать жильем население. Коммерческие структуры будут заинтересованы в разрушении жилищного фонда, особенно в центре городов и престижных районах, чтобы коренных жителей потом выселить в отдаленные районы в некачественное новое жилье, а то и вовсе на улицу. А на месте рухнувших домов построить элитное дорогое жилье или офисы. От этого можно получить гораздо больше, чем от ЖКХ.

Тарифы на услуги ЖКХ, которые формируются местными властями в каждом отдельном населенном пункте, также порождают коррупцию. Те же тарифы на электроэнергию, на услуги телефонных компаний, на услуги за газ, тепло, воду и так далее диктуют местные монополисты, а местные чиновники утверждают. Как проходит процесс утверждения, никто не знает. Монополисты руководствуются средней нормой прибыли, а как ведутся расчеты, остается тайной. И это создает поле для коррупции.

Еще одна возможность для коррупции в сфере предоставления услуг ЖКХ — это постоянные отключения воды, газа, электричества, отопления, которые происходят даже в центре Москвы и тем более по всей России. Какая порой бывает экономия, а мы за все платим. Так что ЖКХ таит в себе немало способов получить деньги, ничего не делая для потребителей и уж точно никак не улучшая качество предоставляемых услуг.

А вот самый простой случай. В жилищно-коммунальной сфере Москвы работают нелегалы из Киргизии. Уровень квалификации никакой. Они живут там же, где работают. Но официально оформлены коренные москвичи. Работники зарплату получают в конверте. И она у них гораздо ниже, чем положено. А куда уходит разница? Конечно, не на содержание домов.

Конечно, ЖКХ это только частный, хотя и самый понятный всем людям случай. Так происходит всюду и везде, причем схемы одни и те же.

Современная коррупция — порождение либеральной экономики и идеологии. Агентам либеральных экономических

ценностей позволено создавать схемы и механизмы по контролю и распределению национальных богатств и ресурсов на «варварской» территории с «чуждой» идеологией. Для либеральных идеологов действует принцип — носитель либеральных ценностей превыше всего, для завоевания пространства, возможно всё! Заинтересованы ли те же самые чиновники ЖКХ в строительстве в рамках своего хозяйства школ, больниц, поликлиник, предприятий, в том числе самых что ни на есть частных? Нет, конечно. Они будут заинтересованы в создании на своей территории всевозможных филиалов международных банков, финансовых центров, а также ночных клубов, сомнительных развлекательных заведений и всего прочего, что вместе и составляет «инфраструктуру либеральных ценностей». Вот так чиновник, Акакий Акакиевич, становится «иностранным агентом»!

Вот суждение известного публициста Геннадия Водолеева: *«Непомерно раздувшееся чиновничество (в сравнении с периодом СССР в пересчете на численность населения РФ число их выросло, по данным социологов, в 11 раз), одержимое стремлением обогащаться и потреблять все по высшим мировым стандартам, с готовностью позволяет любым «деловым людям» заниматься любым противозаконным, запрещенным «бизнесом», действуя за взятки. Эти совместные усилия предпринимателей и чиновничества в современной российской действительности явились одной из главных причин, спровоцировавших выморочные и деграционные циклы российского населения, создали России репутацию страны, куда можно сбывать любую лежалую, непригодную продукцию, любое очевидное товарное дерьмо. В мировом научном представлении создано мнение, что население нашей страны является одним большим социальным организмом, на котором одновременно испытываются все сущие экологические опасности. Сговорчивое за мзду чиновничество позволяет истреблять реликтовые леса, застраивать природоохранные зоны, заповедники. Регулярные и высокие проплаты всевозможным должностным лицам включаются в виде постоянной статьи в сметы расходов зарубежных и отечественных фирм, корпораций, банков и включаются затем в стоимость производимой продукции и услуг. То есть взимаются опять же с населения, ухудшая его и без того неважное жизнеобеспечение».*

Коррупция своими метастазами поражает здоровье государственной общественной ткани, формирует спрос на жизнь класса люкс. Расхищая национальные богатства и достоинства, кичась своей «успешностью» и близостью к вершинам контроля над национальными богатствами, эти чиновники

создают ощущение безнаказанности и вседозволенности, привнося в пожираемое ими общество отголоски «сытой» либеральной жизни, психологически пытаясь легализоваться в глазах своих «заокеанских наставников». Акакий Акакиевич уже отдыхает только на «цивилизованном Западе», там же хранит свои сбережения и там же учатся его дети. Чему учатся?

Российское чиновничество становится заложником Запада. Именно поэтому заокеанским борцам за гражданские права так легко, подобно карточному шулеру, незаметно вытаскивающему туз из рукава, закатывать коррупционный скандал на нелиберальной территории. Коррупционеры с удовольствием хранят «уведённое» на счетах зарубежных банков, а, когда выбиваются с уровня Акакия Акакиевича выше, уже приобретают недвижимую, яхты, футбольные клубы в странах с «развитой экономикой». А затем, при наличии «политической необходимости», раздувая очередной скандал, «ревнители гражданских свобод» с легкостью сдают своих патронируемых, «раскрывая» тайну вкладов и историю несправедливого обогащения, ставя в вину «варварской территории» необузданные нравы эпохи первоначального накопления капитала. Почему? Ну, конечно же, русские виноваты, русские все такие. Даже если «разоблаченный» носит фамилию Рабинович (условно) или Усамов (тоже условно). Это никому не важно и никого там не интересует. Русофобия, как говорится, «рулит».

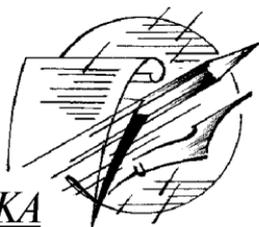
Победить коррупцию в условиях заражения государства и общества паразитирующим либерализмом невозможно. Необходимы два, скажем так, предварительных условия. Первое: выход российского руководства из-под могущественного контроля извне или, в крайнем случае, достижения в этом вопросе некоего первоначального компромисса. Разумеется, с опорой на военную силу (что вовсе не обязательно означает ее применения). Второе: политико-идеологические перемены. Либерализм как идеология должен быть отброшен. Только объединение народа на основе Православной веры и верности собственной истории во всей ее полноте может принести исцеление.

Победить коррупцию, победить русофобию и победить либеральную идеологию — это одна и та же задача.

КУДА ОЛИГАРХИ ДЕНЬГИ ПРЯЧУТ

Мир уже который год лихорадят волны экономических кризисов. Складывается впечатление, что всему человечеству приходится жить на достаточно небольших островах посреди огромного кризисного океана, на котором с завидным постоянством свирепствуют бури и шторма, порождающие финансово-экономические цунами, способные смывать не только людей, но и даже землю, на которой эти люди (мы с вами) обитают.

Вместе с тем финансовые аналитики регулярно пытаются найти ответ на вопрос о том, а что же, собственно, порождает все эти кризисные валы. Ведь вроде бы человек хуже работать не стал, производственная сфера развивается во многих странах достаточно активно, ежегодно те или иные сырьевые компании рапортуют об увеличении процента добычи нефти, газа, металлов и прочих полезных ископаемых. Но если так, то встает извечный вопрос: а куда же уходят все эти деньги, если долги даже таких производственных и торговых гигантов, как США, Германия или Япония, растут будто бы на дрожжах? Чтобы увидеть эту долговую воронку, дос-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

таточно просто постоять несколько минут перед монитором, на котором в режиме реального времени показывается общий совокупный долг Соединенных Штатов: всего за несколько секунд эта цифра меняется на миллион долларов. Страшно представить: несколько секунд — и долг вырос на такое весомое значение! Сегодня средневзвешенный американский госдолг составляет более 15,8 триллионов долларов! Как говорится в одной известной рекламе: это фантастика!

Если же развернуть общую карту мировых долгов, то фантастика превращается в какую-то малопонятную фантастику, когда все страны оказываются кому-то должны. Где-то они должны друг другу, где-то они должны каким-то банкам, где-то сами банки должны другим банкам. В итоге создается впечатление, что эта глобальная финансовая путаница отражает не столько реальное положение вещей в мировой экономике, сколько своей первоочередной целью ставит покрывательство некой глобальной черной дыры. Эта воронка буквально засасывает денежные средства из бюджетов государств, на основании чего увеличивается в размерах, а потом требует для поддержания своих новых форм новых и новых финансовых вливаний.

Свое расследование провели специалисты независимой (или, по крайней мере, считающей себя независимой) фирмы Tax Justice Network. Эта компания выступает как сторонний мировой налоговый инспектор, старающийся выявить направление как поступающих налогов, так и тех средств, которые налогами должны были стать, но вместо этого оказались вовсе не в государственной казне. Итак, специалисты TJN установили, что сегодня колоссальная доля средств, которые обходят все налоговые институты и нигде не декларируются, оседают в офшорах. Это особые финансовые центры, привлекающие капиталы со всего мира путем определенных налоговых или иных преференций для владельцев этих капиталов. Для простоты понимания сути офшоров можно привести следующий пример: вы в течение месяца заработали энную сумму денег, налог на эту сумму зафиксирован на отметке 13%. В то же время есть некий сосед, который предлагает вам зарегистрировать ваше дело на его территории, а за это он будет с вас брать не 13%, а, к примеру, 3%. Если речь идет о среднестатистическом гражданине, который в качестве ежемесячного дохода имеет 10—15 тысяч рублей, то ему такое предложение особых барышей, естественно, не принесет. А вот когда доходы лица исчисляются числами с шестью-семью нулями, то предложение от «соседа» выглядит очень даже заманчивым.

После расчетов сотрудников компании Tax Justice Network выяснилось, что в тех самых офшорах сегодня может быть сосредоточенной просто фантастическая цифра, способная превысить 30 триллионов долларов!

Для ведения расчетных операций специалисты TJN использовали достаточно простой способ: они анализировали отчетную документацию по приходу инвестиционных средств самыми крупными офшорами мира, и полученные данные экстраполировали на всю мировую финансовую систему. При этом в числе самых крупных офшоров в мире на сей момент находятся такие государства и территориальные образования, как Люксембург, Швейцария, Гонконг, Каймановы острова, Тринидад и Тобаго.

Для наглядности можно представить, какую роль иностранные капиталы играют в жизни перечисленных территориальных объектов. К примеру, в таком государстве, как Тринидад и Тобаго, где хотя и развита нефте- и газодобывающая промышленность, но далеко не так интенсивно, как в России, ВВП на душу населения составляет почти на 38% выше, чем аналогичный показатель с ВВП в нашей стране. Но в плане островного Тринидада и Тобаго удивляет не только это.

Дело в том, что упомянутое государство после активного начала своей офшорной деятельности неожиданно перешло в разряд полностью свободных с международной точки зрения государств. Индекс «полной свободы» присвоили Тринидаду американцы, несмотря на то, что здесь уже долгие годы сохраняется высокий уровень коррупции в судебной системе, существует запрет на столь милые сердцу некоторых вашингтонских покровителей гомосексуальные отношения, в наличие проблема гражданской активности женской части населения, используется смертная казнь и даже телесные наказания. Однако, оказывается, это вовсе никак не влияет на «свободу» страны. Главное достижение правительства Тринидада и Тобаго в том, что оно разрешило работать, скажем так, по существенно оптимизированному налоговому кодексу иностранным компаниям, большую часть которых представляют компании именно из США. Так вот, оказывается, где зарыта собака свободы по-американски. Предоставь нам землю и ячейки для хранения денег, из которых можешь взять себе самую малость, и мы объявим твою страну свободной...

В общем, Тринидад нашел свое место в этом мире, и вряд ли у кого-то хватит смелости упрекнуть его в этом...

В аналогичной ситуации и Каймановы острова, которые являются заморским владением Великобритании. Уровень

ВВП на душу населения здесь почти на 20% выше, чем в самой метрополии — удивительный показатель для колонии, не правда ли? А все дело в том, что именно Каймановы острова, расположенные в Карибском море, давно облюбовали бизнесмены из США и Соединенного Королевства, оставляя в здешних кубышках непосильным трудом заработанные сотни миллиардов долларов. По данным Tax Justice Network, на этих островах существует некий финансовый центр, в стенах которого зарегистрировано, ни много ни мало, 12 000 корпораций из США. Если учесть, что офис каждой корпорации занимает площадь пусть даже не самой большой «однушки», то общая площадь этого финансового центра должна составлять около полумиллиона квадратных метров. Для сравнения, общая площадь внутренних помещений американского Эмпайр Стэйт Билдинга составляет чуть более 250 тысяч кв. метров. Другими словами, на Каймановых островах должно располагаться некое грандиозное сооружение таких размеров, как два нью-йоркских небоскреба вместе взятых. Только вот при всем желании мы не найдем здесь ничего подобного. Да если бы такое здание здесь и появилось, то Каймановы острова под его тяжестью точно ушли бы под воду Карибского моря. Но тогда что же это за странный финансовый центр? Да просто это те самые «Рога и копыта» в планетарных масштабах, где прокручиваются даже не миллионы, а сотни миллиардов долларов ежегодно. Благо, что местные жители имеют от этого прокручивания свою «трудовую копейку»...

Если уж офшорная жизнь бьет ключом на Кайманах и в Тринидаде, то что говорить о таких государствах, как Люксембург и Швейцария. А ведь это излюбленные места для «работы» средств российских бизнесменов и чиновников различных уровней.

По подсчетам аналитиков из TJN, Россия сегодня занимает второе место по объемам средств, выводящихся из страны с помощью офшоров. За последние 20 лет из Российской Федерации выведено в зарубежные офшоры 800 миллиардов долларов! Это просто фантастическая цифра, которая могла бы (если бы, конечно, осталась внутри России) превратить нашу страну если не в райские куши, то сделать жизнь рядовых россиян существенно лучше. Но это всё мечты, мечты... Кто ж нам эти 800 миллиардов-то преподнесет?..

Кстати, по объемам вывода средств в зарубежные офшоры лидирует Китай. Его уровень на 50% выше, чем российский, но уровень этот рассчитан не за 20, а за 30 лет. Выходит, что при переводе в абсолютные цифры наши олигархи ноздря в ноздю идут с олигархами китайскими.

Если же говорить об общем объеме средств, вывезенных в обход государственных налоговых органов в зарубежные офшоры (нужно напомнить число, которое может быть более 30 триллионов долларов), то такие объемы могли бы решить все имеющиеся финансовые мировые проблемы вместе взятые. Тут и США погасили бы свой долг и стали бы жить производством, а не просто печатным станком, тут и старушка Европа вздохнула бы свободно, уже меньше кляня пресловутых греков за их безудержные траты, тут и в России бы не думали, куда направить остатки со стола финансовых акул — на оборону или на образование...

Выходит, что мировой финансовый кризис, когда все кому-то что-то должны, — это закономерный исход бесконечных накоплений достаточно ограниченной горстки людей. Только вот раньше если об этом и догадывались, то молчали: куда выгоднее было все свалить на среднестатистического грека или итальянца, которые якобы совсем не хотят работать... Теперь же благодаря откровениям TJN тайное стало явным.

Барак Обама после оглашенной информации тут же пообещал «найти» ту самую «кайманову финансовую пирамиду», британские власти пообещали провести тотальную проверку бизнеса своих компаний в офшорных зонах, Германия высказала озабоченность указанными в отчетах TJN цифрами. Россия своих комментариев не дает...

Да и показные озабоченности западных лидеров — на самом деле не более чем сотрясение воздуха. Ну, неужели президент тех же Соединенных Штатов сегодня обладает такими инструментами, чтобы помешать крупным компаниям выводить свои средства в офшоры. Извините, кишка тонка. Да и часто бывает так, что средства из тех самых офшоров дают самим политикам место для разворота хоть на 180 градусов. А если так, то откровения Tax Justice Network — это не более чем сказ о том, о чем все и так догадывались. Мало того, совсем уж оптимистичным было бы считать, что сейчас мировые лидеры возьмут, да и прикажут вывести финансовым магнатам свои средства из офшоров и вернуть на родину. Ну да, ну да... — ответят магнаты и продолжают заниматься своим делом...

ЧЁРНОЕ ПЕРО СЕРОЙ ВОРОНЫ

РОМАН

Глава 1

В производственном корпусе, сооруженном из серых железобетонных блоков, не было ни единого окна. Из-за своей непомерной длины и ширины он казался очень низким, и даже поддерживающие потолок квадратные двенадцатиметровые колонны не делали его выше. Под этим серым потолком, в свете неоновых ламп ползли, извиваясь, клацая и чавкая, звенья конвейеров, в желобах которых бесконечной чередой проплывали разноцветные пластмассовые бутылки, банки и картонные коробки, наполняемые моющими, очищающими, растворяющими и прочими жидкостями и порошками. Они обрастали разноцветными наклейками, назойливо и однообразно прославляющими эти моющие, очищающие, растворяющие жидкости и порошки. За каждой фразой качалось, пританцовывая, одно лишь единственное слово: «Купите! Купите! Купите!»

По узкому проходу между двумя конвейерами шли двое в синих халатах. Один, довольно рослый, лет сорока пяти, плечистый, с холодны-

ПРОЗА

ми серо-зелеными глазами, которые можно было бы с полным правом назвать за свою неподвижность змеиными. Так вот, этот самый человек был владельцем этих конвейеров, а в целом — фасовочно-упаковочного комбината, прозванного местными остроловами ФУКалкой, и звали его Семеном Ивановичем Осевкиным. Другой, невысокий, с выпирающим брюшком, лысый, с вислым носом и черными глазами, не способными задерживаться на длительное время на каком-нибудь отдельном предмете, то ли неделю не бритый, то ли отпускающий бороду, отчего казался значительно старше своих пятидесяти лет, был некогда просто одесским евреем Аароном Давидовичем Нескиным, а нынче представлял немецкий химический концерн «Блюменталь унд К⁰». Этот концерн гнал из Германии в Россию цистерны с химией, которую здесь, в небольшом подмосковном городке Угорске, расфасовывали по бутылкам, банкам и коробкам и развозили куда только можно.

Осевкин и Нескин шли ровно посредине корпуса. И лампы из-под потолка освещали только середину, гасли за их спиной на некотором удалении и на таком же удалении загорались впереди, так что все остальное огромное пространство тонуло в шевелящейся таинственной темноте. Конечно, можно было бы ради такого случая включить свет во всем корпусе и не ставить его на автоматику ради грошовой экономии электроэнергии, но на одной из линий разливалась водка, приготовляемая из спирта-ректификата здесь же, на комбинате. Поэтому Осевкин полагал, что эту часть его деятельности Нескину знать не обязательно: все-таки эти стены и конвейеры почти наполовину принадлежат братьям Блюменталам, которые могут на вполне законном основании потребовать свою долю.

Они шли, шаркая подошвами по бетонному полу. Темные пространства с двух сторон и сзади направляли, сдавливая и подгоняя, их движение в полумрак, откуда доносились живые хлюпающие звуки. И казалось, что эти двое очутились в желудке какого-то огромного животного, пожирающего бутылки, банки и коробки. И стоит им зазеваться, как и сами они будут расчленены, размолоты и переварены, затем извергнуты из прямой кишки прожорливого животного, упакованы в большую коробку, погружены на электрокар и отправлены на склад готовой продукции, откуда через равные промежутки времени выползает тяжелая фура. Она, рыча, подъезжает к стальным воротам, водитель протягивает охраннику с бульдожьим лицом бумагу, тот ставит на ней штамп, ворота открываются, и фура через несколько минут

вливается в бесконечный поток легковых и грузовых машин, стремящихся к Москве или в противоположную от нее сторону.

— Что ж, неплохо, неплохо, — говорил Нескин, слегка грасируя и кивая головой, точно расставляя знаки препинания в своих фразах. — Рад, что я в тебе, Сеня, не ошибся. Хватка у тебя имеется. Руководство концерна тебя ценит. Теперь я окончательно убедился, что эта работа значительно лучшее применение твоим способностям.

— А как тебе освещение? — спросил Осевкин, останавливаясь и поводя рукой. — У вас небось такого нету?

— Не знаю, не интересовался. Но поинтересуюсь обязательно, — без особого энтузиазма ответил Нескин. И добавил, передернув жирными плечами: — Жутковато как-то.

— Зато освещает лишь то место, где работают наладчики. Но если надо, то и весь корпус. У меня все продумано, — похвастался Осевкин.

— Вижу, вижу. Хвалю, — покровительственно потрепал Нескин плечо своего более рослого партнера, продолжая в то же время размышлять над тем, что уже знал и без полного освещения конвейерного корпуса.

В последнее время у братьев Блюменталь закралось подозрение, что Осевкин стал жульничать, то есть утаивать часть прибыли, которую должен получать концерн. Поэтому Нескина и прислали сюда разобраться и сделать выводы. А при необходимости принять соответствующие меры. Приехав в Москву, Нескин не сразу отправился в гости к Осевкину. Собираясь ревизовать комбинат, он загодя послал сюда одну изворотливую даму, работающую частным юрисконсультom, которую хорошо знал по прошлым годам, велел ей все выведать, представившись гастарбайтершей, ищущей работу. Так вот, от нее он уже знал и о линии по разливу разбавленного спирта, и о порядках, какие завел на комбинате Осевкин, и как к этому относятся его работники, и даже кое-что об отношениях в его семье. И теперь размышлял, как ему поступить: информировать об этом свое начальство или самому влезть к Осевкину в долю? Для Блюменталей навар с водки будет небольшой, хотя важнее не сам навар, а цивилизованный порядок на предприятии, сорок девять процентов акций которого им принадлежит. Но они сами из бывших совков, и, как доподлинно было известно Нескину, утаивают от компаньонов часть дивиденда, то есть ему, Нескину, не полностью выплачивают его долю с получаемой прибыли. Отсюда вывод: если кто-то обманывает тебя, то не грех обмануть обманывающего. А с другой стороны, Блюментали мо-

гут за правдивую информацию проникнуться большим доверием к своему младшему партнеру, поднять его, Нескина, на ступеньку выше, повысить долю в прибылях, ввести в свой круг. Но если второе предположительно, имея в виду скаредность братьев, то первое вполне реально. Нескин еще не решил, какой из двух вариантов выбрать, но исключительно потому, что не знал, через какую дыру Осевкин черпает неучтенный капитал. А потому перевел разговор на другую тему:

— А как братва? Не пристаёт? Не требует вобщак?

— Кто приставал, тех уж нет, — хохотнул Осевкин, при этом в глазах его почти ничего не изменилось: они смотрели все так же холодно и будто бы даже с недоверием к словам представителя. — Времена нынче, Арончик, другие, — добавил он. — Это раньше все было общее. Теперь у каждого свое. Пора уж и угомониться.

— Это ты верно подметил, Сеня, — подхватил Нескин. — Давно пора. Но криминальный мир живуч. И пробует урвать где только можно. Без связи с ментами... или как теперь у вас тут? — с полицией, пентами, что ли? — без них не обойтись.

— Мне один хрен: милиция или полиция, менты или фараоны. Все они мусора, лягавые. Кстати, я читал где-то, что до революции полицейских называли фараонами, — пояснил, коротко хохотнув, Осевкин. — Так пусть будут фараоны. Но, как ни назови, а мурло, оно и есть мурло. Им, сукам, дай палец — руку отхватят. Местных я держу на коротком поводке, чтобы знали свою кормушку и чужих к ней не подпускали. А когда начинают зарываться, включаю связи в Москве, — похвастался он. И заключил почти философски: — Лягавый должен исполнять свою должность и не заглядывать в мой карман.

— Чувствуется моя школа, чувствуется, — удовлетворенно поддержал партнера Нескин. — Растешь-таки, Сеня, растешь! И это хорошо. Это очень даже правильно. В нашем деле стоять на месте — задавят. Давить надо самому, тогда и будешь наверху. Старая истина. Стара, как весь этот мир. Были-таки идиоты, которые пытались изменить естественные законы этого мира. Были. И что из этого уже вышло? Вышел уже чистый пшик. И какая отсюда мораль? А такая, что надо следить, очень пристально следить, чтобы новые идиоты сидели тихо и не рыпались.

— У меня не порыпаются, — произнес Осевкин с кривой ухмылкой и выставил вперед чугунный кулак с набитыми на костяшках пальцев мозолями.

— Ну, крепкий кулак — дело, конечно, хорошее, — осторожно возразил Нескин. — Однако, Сеня, и мозгами шеве-

лить в этом направлении тоже не мешает. Шибко-то прижимать своих работников не стоит. Паровой котел до тех пор работает исправно, пока в нем поддерживается нормальное давление конкуренции между человеческими особями. Тогда никаких эксцессов не будет и спать можно спокойно. Если бы в России при царе придерживались этого святого правила, никаких революций бы не понадобилось.

— Это у вас там, на Западе, нормальная конкуренция между особями. А тут Россия. Не забыл еще, откуда ты родом? Нам ихнюю демократию ни к заднице, ни к переднице не прилепишь. Когда все держишь в своем кулаке, тогда и порядок, — все с той же ухмылкой гнул свою линию Осевкин. — У меня, Арончик, никто не рыпается. Пусть кто-нибудь только попробует — в бараний рог скручу. Кто им работу дает? Осевкин! Без меня они все бы здесь, в этом паршивом городишке, передохли с голодухи. Башмаки мои лизать должны. И лизут. Так вот у нас делается, — заключил он, со снисходительностью сытой змеи глянув сверху вниз на Нескина.

Тот возражать не стал, подумав, что как был этот Осевкин бандитом, так им и остался. Не самый глупый из них, но и не самый умный. Да и где их возьмешь, чтобы и умный, и деловой, и хорошо знающий российский полукриминальный бизнес? С теми, что поумнее, лучше не связываться: заговорят любое дело. Да и за душой у них ничего не осталось: старые принципы они предали, новых не набрались.

Глава 2

Когда-то Нескин с Осевкиным учились в Московском университете на юрфаке. Нескин заканчивал учебу, Осевкин только начинал. Вместе занимались спекуляцией заграничными шмотками, валютой и наркотой. Для Нескина это занятие было почти наследственным бизнесом, хотя и подпольным; для Осевкина — удовлетворением своего честолюбия. Да и то сказать: одни ходят в джинсе и кожаных куртках, водят своих чувих по ресторанам, а у тебя ни денег, ни шмоток, ни длинноногой чувихи, на которую бы заглядывались другие, ни родителей, которые бы давали тебе на карманные расходы столько, чтобы не стыдно было доставать их из кошелька. Да и откуда у родителей деньги: мать учительница, отец инженер — просто инженер с соответствующей зарплатой. Вот это и свело боксера-перворазрядника Осевкина с бизнесменом со стажем Нескиным по кличке Арончик. Вскоре и у Осевкина появилась кликуха: сперва Юрист — не прижилась почему-то, потом Змий — за тяже-

лый неподвижный взгляд серо-зеленых глаз. Окончательно же закрепилась кличка Студент.

В восемьдесят девятом они проходили по одному делу: наркотики, валюта. И это при том, что Нескин уже сидел в адвокатской конторе и неплохо зарабатывал. Но неплохо — это на чей взгляд. На взгляд самого Нескина — гроши. Ему хотелось много. Очень много. Вместе они и сели. Правда, на разные сроки. Осевкин в ту пору ходил у Нескина в шестерках. Ему и срок дали небольшой, и выпустили раньше — именно тогда, когда у кормила власти один самонадеянный и честолюбивый дурак сменил другого. Потом объявили амнистию и выпустили на свободу Нескина и ему подобных, назвав их жертвами тоталитарного режима. К тому времени Осевкин уже командовал бандой рэкетиоров, которая подмяла в одном из московских районов под себя нарождающихся предпринимателей и всех прочих, кто зарабатывал деньги более-менее честным трудом. Выйдя на свободу, Нескин, однако, в рэкет не полез, он лишь со стороны присматривался к своему бывшему подельнику, предвидя, что такой способ изъятия денег у населения перспективы не имеет, а рэкетиры рано или поздно передавят. Он крутился вокруг тех, кто прибирал к рукам нефтепромыслы, заводы по производству алюминия, стального проката, шахты, прииски, подбирая крохи, упавшие со стола новоявленных хозяев России. На самый верх Нескина не пускали из-за его криминального прошлого, но нарождающейся олигархии нужны были Нескины, чтобы быстро и наиболее доступными способами решать свои дела, устраняя конкурентов, пришедших со стороны. Нескин брался за любую работу, и капитал его рос. Не миллиарды, конечно, но несколько миллионов «зеленых» через три года уже лежало в одном из швейцарских банков. Оставалось выскочить из порочного круга, в который он попал, и эти миллионы вложить в прибыльное дело. Тут как раз в Германии возник химический концерн братьев Блюменталей, с которыми Нескин был знаком еще по Одессе. Для них Россия представлялась особенно выгодным рынком сбыта продукции своего концерна. Для этого им нужны были там свои люди, своя устойчивая база, не подверженная никаким случайностям. Тем более что возить химию в бутылках из Германии было крайне невыгодно. Лучше цистернами, а фасовать на месте. Создать такую базу и поручили Нескину.

Нескин приехал в Москву, в которой не был четыре года. Нашел, хотя и не без труда, Осевкина, надеясь на его знание местных условий. К тому времени банда Осевкина была почти полностью истреблена конкурентами и милицией, сам

Осевкин жил на полуполюгальном положении. Встретились за городом, так, чтобы не на виду. Потолковали о том о сем, вспомнили прошлое. Осевкин в планах Нескина не значился. Он рассчитывал привлечь к делу одного из «красных директоров», список которых у него имелся. Но через час беседы за коньяком Нескину показалось, что перед ним сидит совсем другой человек, внешне похожий на прошлого Осевкина, но рассуждающий вполне здраво, хотя и на воровском жаргоне. И в голову само по себе пришло: а чего искать? Те директора, на которых он рассчитывал, первое, что сделали, когда их отпустили на волю вольную, обокрали свои заводы и фабрики, своих рабочих и служащих, а потом досиживали в своих креслах, надеясь, что все образуется само собой. Может, среди них и найдется толковый человек, но копать в этом дерьме в поисках жемчужины, которая может задрать нос и сверху вниз взирать на своего благодетеля, значит терять время, когда — вот же он, нужный ему человек, проверенный в деле. И знания кое-какие имеются — как никак, а за плечами три курса юридического. Не попался бы в восемьдесят седьмом с наркотой и валютой, имел бы диплом и все остальное-прочее. Главное его преимущество, что он теперь никто, а с помощью Нескина может стать человеком. И он предложил Осевкину взять на себя управление дышащим на ладан деревообрабатывающим комбинатом, из всей обширной в прошлом номенклатуры изделий выпускающим лишь древесно-стружечные плиты. Комбинат этот был расположен в Угорске, одном из небольших городков менее чем в ста километрах от Москвы.

— И что я буду с этого иметь? — спросил Осевкин, щуря свои змеиные глаза, взгляд которых не каждый мог вынести.

— Для начала получишь десять процентов акций. Дальше — все, что заработаешь. Все, Сеня, на твоей инициативе. Плюс независимое положение.

— Десять процентов? Десять мало. Двадцать пять, — отрезал Осевкин, и таким тоном, будто знал дословно инструкцию, полученную Нескиным от братьев Блюменталь.

— Хорошо, пятнадцать — и ни процента больше, — решительно прекратил торг Нескин. Затем, несколько сбавив тон, пояснил: — Я и так рискую. Еще неизвестно, получится у тебя или нет. Рассуди сам.

— Ладно, — кивнул головой Осевкин. — Заметано.

— Заметано-то заметано, а только тебе надо в первую очередь научиться говорить на нормальном языке. Сам понимаешь, с какими людьми придется иметь дело. Чуть запахнет от тебя уголовщиной, пиши пропало. И более всего за пределами России. Там особенно чтят внешние приличия — ты это

заруби себе на носу. Это первое. Второе — религия. Тут тоже надо определиться. Я не призываю каждый день ходить в церковь. Но люди должны видеть, что ты с Богом, следовательно, и Бог с тобой тоже. Время такое, Сеня. Нельзя отставать от времени. Так-то вот, брат мой во Христе.

— А ты что, Арончик, в православные заделался? — усмехнулся Осевкин.

— Я, Сеня, ради дела могу заделаться кем угодно: хоть буддистом, хоть баптистом, хоть магометанином, хоть язычником. Бог, если он существует, один на всех, а как его зовут, не имеет значения.

— А-а... Ну что ж, это не трудно, — согласился Осевкин. — Это я тоже могу.

Они довольно быстро сколотили группу из тех людей, которые за деньги берутся за любое дело, состряпали документы и провели через суд одного из отдаленных районов решение о банкротстве комбината по производству древесно-стружечных плит и передаче его новым хозяевам. Затем ворвались на этот комбинат, скрутили охрану, вытолкали вшащей старое руководство и начали перестройку комбината под новое производство.

Нет, не ошибся Нескин в Осевкине: широко тот размахнулся на деньги концерна, гонит хорошую прибыль.

Глава 3

— Да, все хорошо, — снова заговорил Нескин, осторожно подбирая слова, чтобы не выдать своей информированности и тем самым не спугнуть Осевкина. — Однако, Сева, меня беспокоит тот факт, что в последнее время ты снизил динамику расширения круга потребителей нашей продукции. Концерн планирует выпуск с перспективой на будущее, с учетом роста поставок нефти и газа из России, а перспективы на твоём конкретном участке не слишком впечатляющи.

— Кризис, — буркнул Осевкин. — Люди стали меньше покупать. Сам знаешь.

— Но они же, твои люди, жрут каждый день, гадят, пачкаются и пачкают, следовательно, моют посуду, стирают, сами моются, чистятся и так далее! — воскликнул Нескин. — Значит, дело не в кризисе, а в чем-то другом. В чем?

— В том, что они стали экономнее. У меня жена — и та на мойку посуды стала тратить меньше этого вашего дерьма.

— Это почему же — дерьма? — возмутился Нескин.

— А потому, что по телеку сказали, что от него и рак можно заработать, и экзему, и еще прорву всяких болезней. Вот они и стали меньше покупать...

— Так это же происки конкурентов! — воскликнул Нескин с таким жаром, что даже подпрыгнул на месте. — Известное дело! Надо на эти происки отвечать адекватными контрмерами.

— Вот и займись, — отпарировал Осевкин. И пояснил: — Что от меня зависит, я делаю. Но исключительно на местном уровне. А надо на всероссийском. А это уже забота твоих братьев.

Сзади погасла очередная порция ламп, такая же порция вспыхнула впереди, осветив бетонную стену с черными дырами, куда бесконечными удавами уползали конвейеры, из темноты выступили широкие ворота, выкрашенные в ярко-красный цвет, с белыми в них дверьми.

— Об этом я позабочусь, — согласился Нескин. — Но и ты должен проявлять инициативу: одно дело делаем.

— Я и говорю: на своем уровне я проявляю, — начал было Осевкин, — а только...

И вдруг замолчал, остановившись с задранной головой, точно налетел на стеклянную стену, на которой нет ни одного предупреждающего знака. Жесткие серо-зеленые глаза его уставились на выведенную огромными черными буквами надпись на голой бетонной стене, да еще под самым потолком, куда забраться можно только по большой лестнице.

Нескин тоже остановился и тоже задрал голову. И прочитал вслух:

— «Осевок-паскуда! Отдай рабочим заработанные ими деньги! Иначе будет хуже!»

— Аххх ссс-суки! — выдохнул Осевкин, и лицо его сперва побелело, затем вспыхнуло и пошло фиолетовыми пятнами. — Да я из них шашлыки понаделаю! Да я их!.. Да они у меня!.. — Он задыхался от ненависти и дергал себя за красный галстук, то затыгивая его, то распуская.

Нескин тут же отметил, что на такое изменение цветовой гаммы лица способны разве что хамелеоны и осьминоги. Ну и еще какие-то там рыбы. И что раньше за Осевкиным подобное вроде бы не водилось. Однако атмосфера, судя по этой надписи, на комбинате далеко не такая безоблачная, какой кажется на первый взгляд.

— Сеня, не пори горячку! — вскрикнул Нескин, зная взрывной характер Осевкина и его способность действовать подчас настолько безрассудно, что потом придется долго все разгребать и заглаживать, ничего не добившись, а лишь усугубив положение еще больше. И добавил: — Ведь ты же не знаешь, кто это сделал. Да и угроза эта пустая. На испуг берут. Не более того. А деньги... деньги надо работникам платить. Когда у человека нет денег, он и купить ничего не может.

— Да мне плевать на то, кто это сделал! Плевать, могут они или нет! — выкрикнул Осевкин в лицо Нескину вместе с каплями слюны. — Они мне грозить! Мне! Осевкину! Мразь! Холопы! Совки! Удавлю!

Однако с места Осевкин не сдвинулся, а только оглядывался по сторонам, точно надеялся увидеть тех, кто сотворил эту надпись и теперь все еще прячется среди конвейеров в чернильной темноте. Но огромное бетонное помещение было пусто: здесь все делала автоматика, управляемая из компьютерного центра.

Нет, Осевкин был уже не тот, каким когда-то знал его Нескин. Теперь он не кидался очертя голову в драку, а спускал пар на своих ближайших помощниках, а уж потом, все обдумав и взвесив, все выгнав, начинал действовать. Тем более что, действительно, на кого спускать собак, если злоумышленников не видно и не слышно? Только на своих. За то, что допустили, недоглядели, прохлопали ушами, проморгали глазами.

Что-то говорил относительно профсоюза Нескин, но Осевкин не слышал. Он топтался на месте, морща свой широкий и низкий лоб, прикрытый короткой челкой, затем рванул на себе ворот рубахи, взъерошил русые с рыжинкой у висков волосы и кинулся к двери.

А за дверью его ждал генеральный директор комбината Дмитрий Степанович Косолобов, опытный инженер-химик, лет под сорок от роду, в очках, с бородкой клинышком. Его Осевкин два года назад соблазнил стотысячной зарплатой, премиальными, бесплатной квартирой, шикарной машиной и прочими благами, и как раз тогда, когда Косолобов прозябал на одном из подмосковных химкомбинатов в должности технолога цеха, получая гроши — и те не каждый месяц, живя в коммуналке с семьей из пяти человек. Правда, зарплата на новом месте оказалась не в сто тысяч, а в семьдесят, минус вычеты за всякие вольные и невольные упущения, квартира не пятикомнатная, а трех, машина — подержанные «Жигули», а премиальные вообще оказались жалкими подачками. Но Косолобову деваться было некуда, и он терпел, как терпели всю жизнь его родители, не смея перечить властям. Однако с той разницей, что терпели они ради идеи. Пусть и призрачной, пусть неосуществимой, но все-таки идеи. А у Косолобова идеи не было никакой, если не считать идеей крепкую, вполне обеспеченную семью. Он просто-напросто не сумел найти новую идею в том бедламе, который образовался в восьмидесятые и девяностые годы прошлого века. Говорить же о наличии какой бы то ни было идеи у Осевкина и

вообще язык не поворачивается. Зато у него имелась цель — побольше нахапать. И можно бы Косолобову не терпеть его хамства, но... но Косолобов не был борцом, за себя постоять не умел, перед нахрапистой сволочью пасовал, оправдывая свое поведение тем, что эта сволочь способна на любую жестокость, если пойти против ее воли. Тем более что Осевкин при случае умел выглядеть вполне доброжелательным, не скупился на обещания, да и Косолобов, ошарашенный посулами, слишком поздно разглядел его змеиный взгляд, таящийся меж густыми ресницами.

Открыв белую железную дверь и по инерции пробежав несколько шагов мимо своих телохранителей и директора, Осевкин остановился и, тяжело дыша, будто бежал как минимум стометровку, огляделся, заметил директора, подскочил к нему, схватил за отвороты пиджака, рванул на себя, приподнял, заорал в лицо, брызжа слюной:

— Я тебе, паскуда, за что деньги плачу? Чтобы ты ушами хлопал? Чтобы ты в конторе штаны протирал? — Затем, оттолкнув Косолобова, кинулся к начальнику охраны, оставшему кагэбэшнику Щуплякову, но хватать его за грудки поостерегся: однажды схватил и тут же оказался на полу, сильно ударившись об него затылком. — А ты чего бельма выпучил? Где твоя безопасность? Куда твои дармоеды смотрят? Мать вашу всех!.. — И, снова кинувшись к Косолобову, схватил его за рукав и поволок за дверь, там, развернув его лицом к стене, заорал, дергая за ворот пиджака: — Вот твоя работа! Вот за что вы все получаете от меня деньги! Чтоб через... чтоб через час этого не было! И выяснить, кто это сделал! Иначе накажу на полную зарплату! — И выбежал из цеха.

Только в своем кабинете Осевкин перестал дышать зананной лошадью, снял с себя рубаху, позвал секретаршу, велел пришить пуговицы, вырванные с мясом, из шкафа достал новую, надел, уселся в кресло за свой стол и, глянув с кривой ухмылкой на развалившегося в кресле Нескина, произнес:

— Как я их? А?

— Большой артист в тебе пропадает, Сеня, — ответил тот, раскуривая тонкую сигару. — Но, как говаривали в добрые старые времена, все это дешевка. Она хороша в камере перед салагами, а тут... Они тебя не любят. Более того, скажу тебе, как другу: ненавидят. Когда-нибудь ты заплатишься за свои фокусы.

— А мне плевать! Меня сам Сильвестр побаивался. А его, как тебе известно, боялась вся Москва. И где теперь Сильвестр? Кокнули. А я все живой и живой. Можно сказать:

живее всех живых. Ха-ха! У нас, Арончик, все на страхе держится. В России иначе нельзя. Да. А нынешние... Я вот прижму их зарплатой, в следующий раз землю носом рыть будут, а такого не допустят. А допустят — найду новых.

— Если бы там были телекамеры, и напрягаться не нужно. А вообще, все это чепуха! Все это до поры до времени. Рано или поздно тебе придется менять подходы, — уверенно заключил Нескин.

— На мой век хватит.

— А детям твоим? Им придется платить по счетам своего отца. И, смею заметить, с большими процентами. На чем погорел Николашка Второй? Знаешь? Вот на этом самом и погорел — на пренебрежении к людям. И все эти Хрущевы-Брежневые-Горбачевы-Ельцины на том же самом. Зажрались, на всех сверху поплевывали, а в результате...

— Зато Николашка возведен в ранг святых, — перебил Нескина Осевкин, кривя узкие губы.

— Это все политика, Сеня. Политика — и ничего больше. Мол, какие бы ни были правители, а все они даны народу Богом. Неважно каким. Кроме, конечно, советских: эти — от дьявола. Горбачева и Ельцина в цивилизованной стране отдали бы под суд, а у вас им ставят памятники. Поскольку они от Бога, трогать их нельзя. Все это, конечно, шито белыми нитками, но кое на кого действует. Особенно на баб. Потому что бабы — дуры. Все! Даже умнейшие из них. Это не я говорю, это классика. Впрочем, ты ведь классику не читал.

— Ты, что ли, читал? Так, нахватался вершков... Сам же признавался.

— Мне читать некогда было. А вершки тоже кое-чего стоят. Если в них хорошенько вдуматься. Ты вот против создания профсоюза на своей фирме. А я так думаю, что эта твоя политика не учитывает перспективу. А в перспективе какой-нибудь профсоюз твоих работников к рукам приберет, и тогда ты попрыгаешь. Умные люди, Сеня, работают на опережение...

— Это олигархи, что ли? Это они создают свои профсоюзы? Это они, что ли, содержат их на свои деньги? Да они удавятся, а на это дело ни копейки не дадут. Разве что отстегнут на какую-нибудь дешевую благотворительность. Чтобы пустить пыль в глаза. Да и правительству на хрена профсоюзы? Чтобы они выводили на улицы всяких люмпенов?

— И олигархи в том числе. Которые поумней. Деньги не такие уж большие, зато профсоюз будет ходить на твоём поводе. И таких надписей на комбинате не появится.

— Появятся. Чтобы написать такую дрянь, много ума не надо. И денег тоже. У меня банда на что была сплоченной и

проверенной, а все равно кто-нибудь да взбрыкивал. Таких людишек надо выявлять и — к ногтю. Вот это и будет правильная политика.

— Ну вот, договорился до точки, — сокрушенно вздохнул Нескин, разведя короткопалыми руками. — А я подумал было, что ты поумнел. Нет, ты, конечно, поумнел, но не настолько, чтобы правильно оценивать события. В этом твоя беда. А может, не только твоя, но и еще многих и многих.

— Мудришь ты, Арончик, мудришь. Все вы, жида, любите напустить туману. А чуть что — в кусты, — ершился Осевкин. — Ты вот драпанул на Запад, купаешься там в ихней демократии, собираешь с нее свой дивиденд. А мне тут жить и дело делать, и детей своих на ноги ставить, и смотреть в оба, чтобы свои же не сожрали. Ты приехал, поумничал и уехал, а мне разгребай. И я разгребая. Как умею. И пока получается... Или ты не согласен?

— Почему же? Я согласен, что именно пока. А дальше? Дальше ты не смотришь. Или не хочешь, или не способен смотреть. Вот ты церковь построил при комбинате. Хвалю. А как ты ее используешь?

— Как я ее использую? Хожу по большим праздникам. Жена детей моих туда водит, старухи ходят, старики, мои управленцы. Попробовали бы не ходить... Там, между прочим, при входе бронзовая доска имеется, а на ней моя фамилия: мол, моими радениями и прочее. Люди смотрят, мотают на ус.

— А ты знаешь, что именно они мотают?.. Ага-а, не знаешь, — удовлетворенно заключил Нескин, заметив едва заметное движение плечами Осевкина. — А не знаешь потому, что твой поп сам по себе, а ты со своим делом сам по себе. А твой поп должен молить за тебя бога, петь тебе осанну... или как там она у них называется... Он должен внушать своей пастве, что ты есть для нее благодетель. Я бы на твоём месте выпустил грошовые акции, раздал их работникам комбината, — и тому же попу! — платил бы по ним проценты — пусть чувствуют себя как бы ответственными за общее дело. Издержки копеечные, а навар для тебя же значительный.

— А для тебя, Арончик?

— И для меня само собой. Если бы тут не было моей доли, думаешь, я бы сидел тут с тобой и решал, как лучше поставить дело? Да на кой ляд мне это нужно! Учти, Сеня, мы с тобой повязаны одной веревочкой. Одна нитка в ней лопнет — и все наши конкуренты тут же завопят, что у нас не все ладно, акции упадут, начнут рваться другие нити — м полная хана. Так что все, что у тебя делается, очень даже меня касается. И всего концерна «Блюменталь унд компани».

Из кармана Осевкина зазвучала игривая мелодия из оперетты Легара «Веселая вдова», он сунул в карман руку, достал мобильник, приложил к уху, стал слушать. Лицо его снова стало менять окраску, скулы затвердели, кулаки сжались. Щелкнув крышечкой, он произнес охрипшим от напряжения голосом:

— Только что сообщили: на гаражах, что у Гнилого оврага, обнаружены точно такие же надписи. Ну-ну с-суки! Удавлю.

И тут же стал куда-то звонить. На этот раз в голосе его звучала сталь:

— Послать к гаражам у Гнилого оврага маляров! Чтобы через час там не было ни одной надписи!

Новый звонок и новая интонация голоса — твердая, но не командная, и с некоторой долей иронии, чего Нескин от своего коллеги никак не ожидал:

— Аркадьич! Привет! Слушай, выявился непорядок на подвластной тебе территории. Можно даже сказать, прокол... Как какой прокол? Натуральный! Какая-то мразь исписала гаражи провокационными надписями. Народ ходит, смотрит, похикивает, а главный городской полицейский ни сном ни духом... Вот это другое дело, Аркадьич. Я туда маляров послал. Твое дело — искать злоумышленников... Ну, бывай! Успехов! — Положив трубку, Осевкин глянул на Нескина своим тяжелым неподвижным взглядом, точно Нескин и был во всем виноват, пожевал губами, произнес: — А дело-то керосином пахнет.

— Преувеличиваешь, Сеня, — дернулся Нескин. — Но первый звонок прозвенел. Делай выводы.

— Ладно, сделаю, — пообещал Осевкин и, потянувшись до хруста в костях: — Не люблю я вашей жидовской философии. От нее у меня шарики за ролики заходят. А жизнь — она проста, как выеденное яйцо: ты на меня косо посмотрел — получи в морду! Раз получишь, другой — станешь радостно улыбаться, даже если я тебе приснюсь... Кстати! Сегодня у нашего городского головы Андрея Чебакова... Помнишь такого? Все крутился около, когда мы комбинат создавали? А потом просунули его в мэры... — Нескин кивнул головой, подтверждая, что помнит, и выпустил густую струю дыма из ноздрей. Осевкин продолжил: — Теперь он — шишка, теперь он Бонапартом смотрит... Так вот, у него сегодня праздник: отцу его, генералу в отставке, восемьдесят пять стукнуло. Так что давай, Арончик, приводи себя в божеский вид, и поехали. А дерьмо пусть пока разгребают другие.

— Далекое?

— Да нет, не очень. Километров десять. У него дача на берегу озера. Там, кстати, и моя ферма. Сегодня у Чебаковых

вся местная верхушка собирается. Посмотришь, с кем мне приходится иметь дело. Все — сволочь на сволочи. Клейма ставить некуда. С любого ларька, с любой развалюхи имеют долю. Я в свое время брал меньше, чем они — не более двадцати процентов. А эти за пятьдесят зашкаливают. А ты говоришь о каких-то там перспективах, прогрессе и прочей чепухе. Нет никакого прогресса! Наше правительство ни на что не способно. Только языком молоть да всякие бесполезные реформы сочинять. А ты хочешь, чтобы я разводил тут западную демократию и либерализм.

— А стоит ли, Сеня, мне лезть в этот ваш гадюшник?

— Стоит. Одно только то, что ты являешься представителем германского концерна, заставит их разинуть свои беззубые рты и относиться к нашему комбинату с большим почтением... — Хохотнул, спросил, щуря змеиные глаза: — Как я, по-твоему, владею светским языком?

— Было бы удивительно, если бы бывший студент юрфака им не владел.

— То-то же. Тогда собирайся. А я заскочу в церковь, накручу хвост своему попу и через сороку минут заеду за тобой.

Глава 4

Тихий летний вечер опускался на землю, растягивая тени от домов и деревьев, прижимая поближе к земле неугомных ласточек и стрижей, насылая на притихший городок Угорск, окруженный лесами и болотами, огромных комаров с длинными лапами и кровососущим хоботком. Время от времени то с одной стороны, то с другой нарастал гул несущейся к городку электрички, долго стонали тормоза, сдерживая разогнавшиеся вагоны, на минуту все затихало, затем снова нарастал гул и удалялся, замирая вдали.

Покинувшие электричку, вернувшиеся — в основном из Москвы — сравнительно молодые жители городка, — как, впрочем, и молодые без всякого сравнения, — расходились по своим пятиэтажкам, прозванным «хрущебами», не задумываясь над тем, что их отцам и дедам эти «хрущебы» когда-то казались раем в сравнении с переполненными бараками и жалкими лачугами. Пятиэтажки строили народным методом, получившим название «горьковского», — по имени города Горького, где это движение будто бы зародилось. Нынешняя молодежь не видела, а иные даже представить себе не могут, с какими слезами радости вселялись люди в эти тесные жилища с низкими потолками, с туалетом, совмещенным с ванной, с газонагревательными колонками и мусорными бака-

ми во дворе. Они искренне верили, что коммунизм к восьмидесятому году не такая уж утопия, а вполне объективная реальность, как раз и начинающаяся с этих пятиэтажных домов. Да и то сказать, со дня окончания разрушительной и жестокой войны, каковой не выдержало бы ни одно другое государство, прошло всего-навсего пятнадцать лет. Еще во многих городах чернели безжизненные глыбы развалин, большинство граждан ели досыта далеко не каждый день, одевались скромно, работали шесть дней в неделю, а в конце месяца и все семь.

Впрочем, не будем углубляться в прошлое. Те времена канули в Лету, новые времена диктуют людям другие задачи, навязывают новые нравы, и старые дома уже никого не устраивают. Даже их первых поселенцев. Тем более, что за последние годы в городке возник поселок под названием Ручеек из вполне современных многоэтажных домов. Мало кто из насельников «хрущев» переселился в новые дома, мало кто из них поймал за сверкающий хвост свою жар-птицу. И, разумеется, не в этом городке, куда жар-птицы не залетают и где не останавливаются пассажирские поезда дальнего следования. Они проносятся мимо с бешеным перестуком колес в промежутках между электричками, оглашая окрестности хриплыми гудками электровазов, мелькают мимо вагоны, еще быстрее мелькают их окна с белыми занавесками и смутными пятнами лиц пассажиров. И никому из них нет дела до Угорска и его жителей.

— Черт знает, и откуда такие комары у нас появились! — воскликнул Иван Владимирович Будников, сорокалетний наладчик с фасовочно-упаковочного комбината, хлопнув себя по лбу и раздавив на нем насосавшееся крови насекомое. — Прямо-таки наказание Господне, да и только. — И, поглядев на своего напарника, приставил к извилистой линии черных костяшек домино свою, предварительно стукнув ею по столу.

— По ящику говорили, будто птицы заносят из Африки, — ответил ему сорокатрехлетний Артем Сорокин, бригадир наладчиков, напарник Будникова не только в домино, но и по работе. — А еще говорили, что эти... как его?... мутанты. Кли-мат меняется — все от этого.

Четверо стучали костяшками по доскам стола, еще человек шесть ждали своей очереди и, заглядывая из-за спин играющих в их растопыренные ладони, болели, вскрикивая время от времени от переполняющих чувств, хотя и площадь стола позволяла, и наличие коробок с домино, чтобы самим устроиться рядом. Однако не устраивались, потому что не

интересно, потому что игра превращается в простое передвижение костяшек, без всякого азарта и всего прочего.

А чуть поодаль на лавочках сидели старушки и молодые мамы, следя за своими отпрысками, возящимися в песочнице, обходя всякого, мимо проходящего, и любой громкий звук, достигающий их слуха.

— Московский идет, — произнесла одна из старушек, слышав звук приближающегося поезда.

— И ездят же люди, — удивилась не впервой другая. — Ездют и ездют. И деньги откудова-то берутся.

— Нужда людей гонит, — пояснила более рассудительная из них (небось из бывших учительниц), в аккуратном платье с отложным воротничком, с весьма скромным декольте, в строгих очках, с короткой прической и благородной сединой. — Без нужды человек с места не снимется. А какие по своей охоте, так те на самолетах летают.

— И-и! А как в наше-то время было! Война еще не кончилась, а нас, девчонок сопливых, погнали на восстановление порушенного. Мы с Марьей Комаровой, царствие ей небесное, в Сталинград угодили. Уж натерпелись мы там, уж натерпе-ели-ись... не приведи ос-споди, — и старушка мелко перекрестила свой оплывший живот, прикрытый выцветшим ситцевым платьем.

— Чего уж тут вспоминать — всем досталось, — вздохнула рассудительная.

И все остальные поддержали ее своими вздохами.

А за столом среди «козлятников» свои разговоры.

— Слыхали, мужики, что сегодня на конвейерном участке приключилось? — воскликнул Дениска Кочнев, совсем еще молодой парень, работающий на складе готовой продукции водителем электрокара.

— И чего там такого могло приключиться? — насторожился Будников и раздавил пляжной вьетнамкой, из которой торчали пальцы с черными ногтями, недокуренную до конца сигарету.

— Да вроде кто-то будто написал на стенке во втором корпусе что-то такое, что сам Осевок выскочил оттуда и набил морду нашему директору Косолобову. Не слышали? — настырничал Дениска, заглядывая в глаза своих старших товарищей, в которых, впрочем, не находил ничего, кроме скуки. — Вы ж там сегодня работали! — изумился он по поводу такого всеобщего равнодушия.

— Чем меньше знаешь, тем спокойнее спишь, — произнес Будников и потянулся, как кот после сытного обеда. И даже зевнул, широко раззявив рот. — Наше дело — конвейера, — пояснил он. — А они на полу стоят. На стены нам глазеть некогда.

— Не, я понимаю, что это самое, а только сегодня всех вызывали к начальнику охраны Щуплякову и трясли, кто, мол, написал, когда и так далее, — не унимался Дениска. — Меня тоже вызывали: не видал ли я кого из посторонних, кто бы вошел или выходил.

— И что? — подал голос четвертый игрок, пенсионер Терентий Емельянович Негрудин, круглая голова которого была сплошь покрыта седой щетиной, и, подумав, поставил дупель шесть, громко при этом крякнув.

— Как что? Откудова ж мне увидеть, если я за рулем? Может, кто и заходил. Не сама же она, эта надпись, образовалась. Одному ее не сделать. Тут и лестницу надо приставить, и передвинуть ее, и отнести потом, и стоять на шухере. Тут двоим-троим едва управиться. Да и не днем они делали — в этом вся штука. И не кистью, а из баллончика. Стал быть, охране и отвечать.

— Оставит их Осевек без зарплаты — попрыгают тогда, — заметил один из болельщиков.

— Это точно. Это как пить дать, — согласились остальные, кто кивком головы, кто голосом.

— Можно подумать, что мы ее каждый месяц получаем, — огрызнулся Будников и на всякий случай огляделся по сторонам.

И кое-кто тоже огляделся и даже неодобрительно посмотрел на Будникова.

На некоторое время разговоры замерли, слышался лишь стук костяшек, но уже без бывшего азарта: каждый прикидывал, чем нынешнее происшествие отзовется на них самих, потому что у Осевкина такое правило: если кто из бригады, отдела или там еще откуда, допустил какой промах, в ответе и все остальные. Круговая порука — вот как это называется. Чтобы каждый следил за каждым. Как в тридцать седьмом. И даже хуже.

Ясное дело, у Осевкина все схвачено: у него и суд, и местная полиция, и выборная власть по струнке ходят. Сам мэр Чебаков к нему в кабинет на доклад является, все под его дудку пляшут. А к работникам своего комбината Осевкин относится как к собственным рабам, месяцами не выплачивая зарплату, и не потому, что нет денег, а потому, что всегда находит упущения в работе. Или так загрузит человека всякими обязанностями, что тот и рад бы их осилить, да не потянуть одному то, что под силу десятерым. А Осевкину только того и надо. Он ходит, окруженный своими костоломами, да скалится, да лезет в каждую дырку, не доверяя никому. Даже при советской власти ничего подобного не случилось. Быва-

ло, что и ночами работали, и в праздники вкалывали, и платили за сверхурочку гроши, но чтобы оставлять людей совсем без зарплаты — до такого не доходило. Вот и думай, что лучше: прошлое или нынешнее? То вроде бы не очень-то, а нынешнее так и совсем ни в какие ворота. И что в таком случае делать? Ну, написал кто-то там что-то... А принесет ли эта писанина пользу? Если и принесет, то лишь одному Осевкину.

В осевкинской церкви, единственной на весь город, потому что все прочие были разрушены, какие в двадцатые, какие во время войны, зазвонили к вечерне.

Все головы повернулись в сторону сквера перед воротами комбината и плывущим над верхушками еще молодых деревьев синим куполам с золочеными крестами. Но никто с места не сдвинулся. Хотя, кто его знает, может, встать надо, как при исполнении гимна в общественном месте? Или перестать тасовать костяшки? Даже вот так вот — без особого шума, осторожноненько шевеля руками, будто рядом в коляске спит ребенок. Ну до того странная жизнь пошла, что не знаешь, где можно чихнуть, а где и дышать не моги в полную силу. И что делать в подобных случаях? Правда, время от времени по ящику показывают, как где-то доведенные до отчаяния люди пытаются перекрыть дороги, где-то устроить демонстрацию или объявить голодовку, а только власти быстро всех приводят к соответствию с помощью вездесущего омона. Мол, смотрите, и с вами будет то же, если вздумаете брыкаться. Неужто во всех иных местах терпят и молчат? И как долго еще терпеть? И что за люди служат в этом чертовом омоне-опоне, не знающем жалости ни к старикам, ни к женщинам? А еще поговаривают, что после того, как переименовали милицию в полицию, омон тоже переименоуют — и будто бы даже в жандармерию. Дожились, мать их растак и разэдак! Видать, власть решила стереть даже воспоминания о революции и советском периоде жизни и показать народу, что всякая попытка изменить снизу существующие порядки — пустая трата времени и сил. И очень для того же народа вредная и опасная.

А перезвон колоколов все тек и тек над Угорском, сзывая верующих в божий храм.

И вот уже опустели лавочки, занимаемые бабушками с внучатами, захлопали подпружиненные двери подъездов «хрущев», из них стали выходить пожилые женщины и выползать древние старухи, повязанные косынками. Не так уж много, но все-таки, все-таки...

— Емельяныч! — толкнул локтем Негрудина Артем Сорокин. — Гля, твоя Матвеевна пошкандыляла.

Негрудин повернул свою шетинистую голову. Некоторое время смотрел вслед своей жене, затем, аккуратно положив остатки домино на стол, принялся, кряхтя, помогая руками, перекидывать ноги через лавку.

— Ты б хоть партию-то доиграл! — возмутился Дениска Кочнев. — Вот и садись с тобой!

— Ничо, Михалыч доиграет, — буркнул Негрудин и тоже потопал в сторону церкви, отмахивая руками, будто генерал на параде.

Михалыч, — он же Кузьма Михайлович Руканов, — пятидесятилетний слесарь ремонтных мастерских, с готовностью занял освободившееся место. Но не успел он поставить и двух костяшек, как Сорокин шлепнул по столу и возгласил «рыбу».

Все загалдели, кто от радости, кто от огорчения.

Как раз в это время подошел к играющим, позванивая ключами от машины, Антон Печнев, длинноногий нескладный парень лет тридцати, с бородой и усами скобочкой, с лохматой прядью волос, перевязанной шнурком от ботинка и спадающей на спину. Было известно, что он работает в Москве продавцом в магазине автозапчастей и будто бы (похвастался как-то) неплохо зарабатывает. Неплохо, а машина у него старая — «Москвич-семерка», доставшаяся от отца, и одевается он в потертые джинсы и куртку. А там кто его знает. Народ нынче пошел такой, что слова не скажет, чтобы не соврать.

— Мужики! — воскликнул Антон. И еще раз повторил: — Мужики!

— Ну что — мужики? — спросил Дениска Кочнев. — Нинка твоя родила, что ли?

— Не! Вот вы тут сидите, и вам хоть бы хрен по деревне, а на гаражах у Гнилого оврага, промежду прочим, такое написано, такое, что если бы Осевкин прочитал, его бы кондрашка хватил — это уж как пить дать.

— И что там такое написано? — напрягся почему-то Артем Сорокин.

— А вот поди туда и почитай. Пока маляры не замазали, — нагнетал еще большее напряжение Печнев. Но не выдержал и продекламировал, и даже с выражением: — «Осевок-паскуда! Отдай рабочим заработанные ими деньги! Иначе будет хуже!» Вот что там написано.

— Да ты что? — изумился кто-то.

— А вот вам и что, — наслаждался Печнев. — Вот такими вот буквами, почти от самой от крыши до самой земли! — показал он руками.

И все полезли из-за стола. И гурьбой двинули к гаражам. Только Сорокин развел руками, виновато пояснив:

— А мне, мужики, домой надо. Жена велела хлеба купить. Тем более что завтра с утра опять на работу. Бывайте здоровы!

— И тебе не хворать, — ответил кто-то.

— Все в субботу отдыхают, а у нас все не как у людей, — проворчал Будников, работающий в бригаде Сорокина, которому тоже завтра с утра идти на работу. Он переглянулся с бригадиром и, будто оправдываясь перед ним: — Пойду гляну. — И пустился следом за всеми.

Глава 5

Негрудин шел в церковь не потому, что на старости лет бывший член партии поверил в Бога, а потому что... а он и сам не знал, зачем туда ходит время от времени. Когда его, семнадцатилетнего парнишку, едва закончившего десятый класс, тощего от недоедания, призвали в начале сорок четвертого в армию и послали на ускоренные курсы артиллерийского училища, о Боге он даже и не думал. И в поезде, увозившем его на фронт по железной дороге, вдоль которой тянулись страшные раны, оставленные на земле пронесшейся по ней войной, никто о нем не вспоминал. Да и о ком вспоминать, если никакой сверхъестественной силы не существует, а есть человек и законы природы, открытые учеными? Но впервые попав со своей батареей под бомбежку на Третьем Белорусском в районе Кёнигсберга, о Боге Негрудин вспомнил, и, лежа в воронке, твердил одно и то же: «Господи Иисусе! Господи Иисусе!» — забыв от страха, зачем тревожит того, кого как бы нет для него в природе. И чем ближе падали бомбы, тем чаще соскакивали с его языка эти два слова, при этом сам Негрудин был уверен, что в адском грохоте, вое и визге никто из его товарищей или, тем более, командиров и политруков, не расслышит его, офицера и комсомольца, отчаянных молитв. Потому что в те мгновения просить о милости было больше некого, а так вроде бы и не очень страшно, и остается какая-то надежда, что вдруг Он все-таки существует и услышит. И поскольку Негрудин остался жив и даже не был ранен, то, как ни крути, а что-то его спасло. Или кто-то. Может, и Бог.

И вот, когда жизнь почти прожита и явно подходит к концу, что-то опять сдвинулось в душе Терентия Емельяновича, тем более, что ни комсомола, ни партии, ни той страны, что он защищал мальчишкой, ничего этого не осталось, и не к кому пойти и поделиться своими сомнениями. А в церкви...

не то чтобы есть с кем поделиться, а сам будто бы раздваиваешься и делишься сам же с собой, пытаешься пристегнуть еще что-то, тебе непонятное, а потому и притягательное. Умирать, как ни крути, скоро, а хочется, чтобы умереть не с пустотой в душе, образовавшейся в последние годы, а с каким-то наполнением.

Перед папертью Негрудин вытер о траву свои потрепанные босоножки, преодолел несколько ступенек и, как всегда, обратил внимание на бронзовую доску, на которой рельефно выступали буквы и слова, сообщавшие всем желающим: «Сей храм Божий воздвигнут радением и любовью к ближнему раба Божия Осевкина Семена Ивановича, преисполненного истинной веры во всемогущество Господа нашего, Иисуса Христа, и освещен митрополитом Илларионом в 2008 году от рождества Христова». Не обратить внимания на эту доску не было никакой возможности, потому что прикреплена она сбоку от входа, всегда начищена до блеска, так и притягивает взгляд любого, кто приближается к двери. И всякий раз Терентию Емельяновичу хочется сделать что-нибудь такое... плюнуть на эту доску или еще что, но он воздерживается, торопливо крестится на лепную и раскрашенную икону над дверью, изображающую лик Христа-Спасителя. При этом не может отделаться от ощущения, что крестится не на икону, а на сияющую бронзовую доску с фамилией человека, ненавидимого всем Угорском, и оттого с тяжелым сердцем переступает порог храма.

Купив свечку у стоящей при входе старушки и отметив с досадой, что свечки подорожали, Негрудин зажигает ее от других свечей и проходит поближе к алтарю, вокруг которого в ожидании начала службы уже плотно сгрудились кофты и косынки.

Вот просеменил мимо и скрылся за дверью притвора маленький седенький дьячок в черной рясе. Его до самого притвора сопровождал невысокий, но плотный молодец в монашеском уборе, с косым шрамом на щеке. Молодец смиренно подпер крутым плечом одну из колонн и замер, кося по стонам.

Наконец умолкли колокола, из-за алтаря появился священник, настоятель церкви, отец Иосиф, человек сравнительно молодой, с окладистой завитой бородой и длинными, тоже явно завитыми, волосами, покоящимися на его плечах. На груди его сверкает большой крест — говорят, из чистого золота — с разноцветными камнями. Взойдя на амвон и благословив паству, он начал проповедь густым баритоном, тщательно выговаривая каждое слово:

— Нынче величаем равноапостольную Ольгу, Великую княгиню Российскую, во святом крещении Елену. — Помолчал немного и продолжил нараспев: — Величаем ты, святая равноапостольная княгиня Ольга, яко зарю утреннюю в земли нашей возсиявшую и свет веры православных народу своему предвозвестившую, претерпевшую гонения и нечестия от язычников, представшую пред Господом нашим в сиянии света любви и благочестия...

Терентий Афанасьевич не вникал в смысл произносимых попом слов. Да и чего в них вникать, если они повторяются изо дня в день, разве что упоминаются другие святые, которые жили века тому назад и тогда же прославились воздержанием и усердными молитвами. Вот и эта Ольга... Кто она такая? Великая княгиня? С какой стати он должен молиться за нее? Это, скорее всего, одна из дочерей царя Николая Второго, убитого в Свердловске. Там и другие дочери были, и никто из них, конечно, не виноват, что их отец оказался таким никудышным царем, профукавшим свое царство, но борьба за власть не разбирает хороших и плохих. И во всех странах случалось не раз, что королям и королевам рубили головы, а их отпрысков гноили в узилищах. Вот и нынешняя власть взошла на престол не святыми молитвами, и на ее совести не одна загубленная жизнь, и никакого за это с нее спроса. Даже наоборот: памятники ставят, по телику прославляют. А он, как ничего-то раньше не мог, так и теперь весь зависит от людей, обладающих властью: и какую пенсию ему положат, и льготы, и сколько сдерут за воду, электричество или газ, и когда сделают ремонт в его квартире, и прочее, и прочее. Ну а эти-то, Осевкин и прочие, от Бога как зависят? О чем его молят? И молят ли о чем, зная, что тот же Негрудин целиком и полностью зависит именно от них? Моли не моли Бога, чтобы повлиял на них, не докличешься.

Так что для Негрудина эти проповеди все равно что обязательные политзанятия в минувшие времена, проводившиеся раз в неделю с разъяснениями новых и новейших решений партии и правительства, с уверениями, что все идет так, как предсказывали классики марксизма-ленинизма, а возникающие трудности существуют по причине происков мирового империализма и его пособников. От частого повторения одного и того же слова эти теряли смысл, нагоняя сон, тем более что верхи жили и продолжают жить совсем не так, как низы, то есть, можно сказать, при коммунизме, а все остальные непонятно в каком времени и состоянии.

Негрудин вновь стал вникать в слова проповеди.

— В то же время некоторые несознательные граждане, отринув Бога з своей души и впустив в нее дьявола, нарушают

установленный трудами радетелей наших порядок, пишут непотребные слова на заборах и строениях, хулящие уважаемых в нашем городе людей. Я обращаюсь к вам, любящим и чтящим Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятую деву Марию: образуйте чад своих неразумных! Наставьте их на путь истины! Введите их в храм божий, как вводили чад своих неразумных под его чертоги ваши предки, на чем стояла и крепла спокон веку святая Русь. Да благословит вас Всевышний! Аминь.

— Аминь, — подхватили молящиеся, и потянулись к руке настоятеля и к золотому кресту на его груди. А вместе с ними и жена Терентия Емельяновича. Уж кто-кто, а он-то знал, о чем она молила Бога: исключительно о детях и внуках, чтобы не хворали, чтобы в доме была полная чаша. О том, чтобы дети ее поверили в Бога, она давно не помышляет, уверенная, что сама за них отмолит положенное.

Негрудин целовал руку попу никак не мог себя заставить. Понятно — крест. Но руку... С чего бы это вдруг? Он и женщинам-то никогда руки не целовал, а чтобы этому... Вон и большое начальство тоже не целует — по телику показывали. А почему? То ли в Бога верят не до конца, как сам Негрудин, то ли вообще не верят. И Терентий Емельянович, тихонько развернувшись, по-за колоннами, по-за колоннами — и к выходу. Ему хотелось побыть одному и разобраться в том, что творилось в его душе после такой проповеди. Ясно было, что поп с Осевкиным и за Осевкина, что для него важнее его деньги, чем страдания и муки обыкновенных людей. А где же христианское человеколюбие? Где же «Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый попадет в рай»? Получалось, что надпись во втором корпусе действительно была, хотя и непонятно о чем именно. И что же делать в таком случае бывшему коммунисту, бывшему лейтенанту Негрудину?

Встретив по дороге домой Дениску Кочнева и узнав от него про гаражи, Терентий Емельянович направился к Гнилому оврагу, расположенному на окраине Угорска, где и были эти самые гаражи. Он шел не по дороге, а дворами, потом тропинкой через лесок: так было ближе. Издавна местные мальчишки выбрали железобетонные стены гаражей для своих художеств. Иные надписи и рисунки отличались выдумкой и даже некоторым изяществом. Но большинство были просто мазней. Раньше один из домов в центре городка именовался Домом пионеров, а в нем имелись всякие секции. В том числе и такие, где ребятишки рисовали и лепили. Дом этот еще в девяностых заняли под ресторан и магазин, нынче, поговаривают, там бордель завели и казино, а ходят туда ис-

ключительно те, кто правит этим городом. При этом нового взамен они ничего не создали, вот и упражняется ребяшня на стенах и заборах. Известное дело: сломать легко, а построить — надобны и ум, и умение, и желание. Но ничего подобного, куда ни погляди, не наблюдается в нынешнее бестолковое время.

Имелся свой гараж и у Терентия Емельяновича, но «Запорожец», который ему дали и как ветерану Великой войны, и как ударнику комтруда еще аж при советской власти, разбил его сын Петька, другой они так и не приобрели. Зато в гараже можно теперь хранить всякие соленья-варенья.

Гравийная дорога, постоянно разбиваемая и подновляемая, на которую вышел Негрудин, делала крутой поворот, расширилась и как бы втекла в межгаражное пространство, наполненное невнятным зудением небольшой толпы, сгрудившейся почти что в самом его центре. Однако на собрание гаражного кооператива эта толпа не походила, тем более что чуть сбоку от нее он разглядел двух полицейских, которые, конечно, могли быть членами кооператива, но тогда бы они вели себя совсем по-другому, во всяком случае, не в качестве равнодушных наблюдателей.

Один из блюстеров или блюстов, — придумают же чертенята! — как называет полицейских правнук Петруша, произведя это слово от «блюститель порядка», так вот, младший сержант Юдинов, едва закончивший девять классов, увидев Негрудина, замахал на него руками.

— Чего, Емельяныч, тебе тут надо? Иди домой! Неча тут делать!

— Так я тебя, Степка, и спросил, есть мне чего тут делать или нет, — проворчал Терентий Емельянович, подойдя вплотную к небольшой кучке людей, издалека показавшейся ему толпой. Затем поинтересовался, ни к кому не обращаясь в особенности, будто ни о чем не знал и не догадывался: — Украл что?

— Да вон, — сказал, отступив в сторону и как бы открывая видимость, живущий в соседнем доме слесарь-сантехник.

Две женщины в серых комбинезонах, макая валики в ведро с краской, забеливали черные надписи, идущие по гаражам: «Осевок-паскуда! Отдай рабочим заработанные ими деньги! Иначе будет хуже!».

Однако белая краска черные надписи почти не брала.

— Жидковата краска-то, — заметил кто-то не без злорадства. — Тут раз пять—шесть красить придется, чтобы не было видно.

А еще кто-то, весело и озорно:

— Вы, бабоньки, все подряд красьте! А то, что же получается? Грязь и ничего больше!

— А нам на все подряд краски не выдали, — ответила одна из бабонек. — Сами докрасите.

По лицам всех присутствующих, даже полицейских, можно было догадаться, что они очень довольны и надписями и результатами покраски.

Глава 6

Гаражи вытянулись в две линии вдоль глубокого оврага, прозванного Гнилым, что вполне соответствовало действительности. По его дну протекал ленивый ручей, заваленный старыми крышками, ржавым железом, в котором можно было узнать двери от машин, капоты и даже целые кузова, а также банками, бутылками и прочим мусором; сюда же кидали дохлых собак и кошек. Там, где ручей в половодье отводил себе пространство пошире, над ним среди зарослей крапивы и осоки в дремотной задумчивости склонялись старые ивы. Овраг со своим содержимым и серые гаражи являли собой удручающе целое, неотделимые друг от друга, как неотделим человек от своей эпохи, с ее достоинствами и недостатками, с ее мерзостями и взлетами высоких чувств и поступков. И будто в укор всему этому, а более всего — человеку, на другой стороне оврага высились могучие дубы, широко раскинув в стороны корявые ветви, и гроздья светло-зеленых желудей ярко светились в лучах закатного солнца на фоне темно-зеленой листвы.

На одном из дубов таились четверо мальчишек лет четырнадцать—пятнадцать. Они сквозь густую листву наблюдали за тем, что происходит между гаражами. Им хорошо видны две женщины в испачканных краской серых комбинезонах, и как они, замазывая надписи, катают валики на длинных ручках по стенам и металлическим дверям, время от времени окуная их в ведра с краской. Видна и часть толпы, и сизые дымки от сигарет, поднимающиеся над нею, и два милиционера... то есть полицейских, стоящих наособицу, то ли следящих за порядком, то ли охраняющих женщин-маляров. Глядя на все это, мальчишки, отцы которых, а у некоторых и матери, работают на ФУКе, время от времени переглядывались с довольным видом, все более осознавая, что они не зря проделали свою работу, если начальство так засуетилось, что прислало сюда малярш и даже стражей порядка, чтобы как можно меньше народу смогло прочесть надписи, выполненные ими на гаражах. Эти надписи вполне отвечали их формирующемуся под влиянием жизненных обстоятельств сознанию, они удовлетворяли мальчишеское понимание окру-

жающего мира, а в этот мир входили не только школа, дворы и улицы города, но и места работы их отцов и матерей. Тем более что дома почти все разговоры вертелись вокруг этой работы, зарплаты, которую не платят им какой уж месяц подряд, инфляции, растущей дороговизны, а хозяйина ФУКа Осевкина поминали не иначе как в сопровождении крепких словечек и проклятий.

— Эх, — вздохнул один из мальчишек, худенький, бело-брысый, давно не стриженный, с тонким девичьим лицом, длинными густыми ресницами и большими голубыми глазами, которые смотрели на мир с таким изумлением, точно мальчишка только что появился на свет. На нем были обрешанные до размеров шорт потрепанные джинсы, темная, выгоревшая на солнце футболка, украшенная черепом и костями, кое-где с облупившейся краской, и старые кроссовки. — Надо было и на стене рынка написать то же самое, — добавил он. И пояснил: — А то не все прочитают.

— Ага, напиши, попробуй — враз застукают, — возразил ему другой, с чеканными чертами лица и дерзкими черными глазами, — похоже, главный заводила в этой мальчишеской компании. Он, как, впрочем, и все остальные, тоже был одет в потрепанные джинсы, правда, не обрешанные, в футболку и кроссовки. — Из окон полицейки как раз вся стена видна, — пояснил он. — И камеры наблюдения там есть — сам видел.

— А если за углом? Угол-то не виден.

— А тогда какой толк от этого? Угол-то на болото выходит.

— Зато его видно из окон Ручейка. Если написать во всю стену, то очень хорошо будет видно, — не сдавался белобрысый.

— Ты, Пашка, не выдумывай, чего не след. В Ручейке одни буржуи живут. Позвонят охране рынка или в полицейку — тебя тут же и сапают.

— А что, пацаны, если написать на перроне? А? — вступил в разговор третий мальчишка, несколько рыхловатый и одетый поновее других. — Прямо на стенках этих... как его?... ну, где лавочки. Люди едут на поезде, читают, в голове мысли возникают. Может, из Москвы какой-нибудь журналист поедет мимо, увидит, вернется и напишет в газете. Нет, правда, Серый! — все более воодушевлялся мальчишка. — Может, даже президент узнает и заставит Осевкина заплатить сразу за все месяцы.

— Щас, разбежался, — презрительно хмыкнул мальчишка с дерзкими глазами, которого называли Серым. — Ты, Петька, сперва бы подумал своей головой, а потом говорил. Во-первых, там всегда народ, а ночью фонари светят. Во-вто-

рых, на фиг президенту лезть в дела какого-то Угорска. Отец говорил, что в Москве на эти дела смотрят сквозь пальцы. Рынок — вот что это такое. А на наш рынок пойдешь, так там тебе или дерьмо всучат, или сдачу дадут неправильно. В-третьих... — Серый прихлопнул комара, подумал и решил, что хватит «во-первых» и «во-вторых». И никто его не переспросил, что осталось недосказанным «в-третьих».

А недосказанным было то, что Серому (Сережке Сорокину) отец, Артем Александрович, строго-настрого запретил всякую самодеятельность, согласившись, и то после долгого приставания сына, лишь на гаражи.

Впрочем, сама идея угрожающей надписи принадлежала Сережке же, и по этому поводу они долго спорили с отцом из-за каждого слова, в результате чего и сложилась известная теперь всему городу надпись. Она же точь-в-точь повторилась и на комбинате, исключительно из тех соображений, что Осевкин наверняка воспримет ее как проявление деятельности некой организации, перетрусит и расплатится со своими рабочими.

Однако Артем Александрович, бывший спецназовец, далеко не сразу поддался на уговоры сына. Одно дело воевать в Чечне, где видно, кто друг, а кто враг, и командиры думают за тебя, и совсем другое дело выступать за свои права в своем же городе, когда не знаешь, на кого можешь положиться, а кого лучше обойти стороной. Особенно опасно, когда не видно и не слышно тех, кто действует исподтишка. Не успеешь рта раскрыть, как тебя не станет, или куда-нибудь увезут, что одно и то же. Сколько уже такого было, а никого не поймали, не арестовали, и, разумеется, не осудили. А главное, ты не имеешь права легально создать нечто такое. Что может противостать нелегально организованной бандитской шайке Осевкина. Тем более что местной власти до фонаря, платит Осевкин зарплату своим работникам или нет. Для нее важно, что он платит налоги в городскую казну. И еще, если верить слухам, что-то сверх налога в конвертах местным чиновникам. Но и это еще надо доказать. А кто будет доказывать? Если в самой Москве убивают журналистов и не могут поймать убийц, то что же говорить о каком-то задрипанном Угорске.

— И долго вы будете терпеть такое к себе отношение? — спрашивал у отца Сережка в отсутствие матери, работающей главным бухгалтером жилищно-коммунального хозяйства города.

Вот ведь штука — раньше не спрашивал, а тут вдруг откуда что взялось. То ли начитался книг каких непутевых, то ли

набрался чего подобного в Интернете. Или подбил кто из взрослых. Уследи попробуй-ка за ними. Вот и семнадцатилетняя Надюшка туда же, будто сговорились:

— Получается, папа, что мы только на мамину зарплату и живем, — корила она отца. — У нее, между прочим, сапоги совсем из моды вышли, а она ведь женщина, к ней люди ходят, она с начальниками общается, с самим мэром. Люди подумают, что раз она так обута и одета, значит, работать совсем не умеет.

— Да, папа, — поддерживала старшую двенадцатилетняя Любаша, с укором глядя на отца большими серыми — в отца — глазами.

— Купим что-нибудь, — отбивался от своих детей Артем Александрович, а по сердцу кошки так и когтили, так и скребли. И потому что домой уже полгода не приносит ни копейки, и потому что жена два года назад вдруг неожиданно полезла в гору, из рядового бухгалтера превратившись в главного, и оклад ее теперь вдвое больше своего мужа. Отчего жена вдруг сделала столь стремительный рывок, Артем Александрович старался не думать и, тем более, эту тему с женой не обсуждать. Да и она о своей работе говорила редко и неохотно. Ну, задержится иногда на работе, ну, там, сабантуйчик устроят на работе или на природе, но не так уж и часто, а в основном с работы приходит вовремя, от своих семейных обязанностей не отлынивает, то есть в семье все идет не хуже, чем у других.

Но о чем Артем Александрович и подумать не мог, так что собственные дети начнут укорять его, будто он бездельник и тунеядец. Потому и согласился, что стыдно стало за свое долготерпение и бездеятельность. Решил: ладно, так и быть, попробуем, а там будет видно. И троих их своей бригады подбил на то, чтобы то же самое написать на стене Второго корпуса. Авось не дознаются.

Но раньше, чем окончательно прийти к такому решению, Сорокин встретился со своим бывшим командиром, проживающим на соседней улице, с которым воевал в Чечне. Тот решение одобрил, и каждый шаг в этом направлении они, склонившись над столом, расписали буквально по минутам, и так, чтобы ничто не указывало на кого-то конкретно: ни отпечатки пальцев, ни время написания, ни следы на чем бы то ни было.

— А что, ребя, если сфотографировать наши надписи и опубликовать в Интернете? Вот было бы здорово! Уж тогда бы точно Осевкин раскошелится! — вступил в разговор молчавший до сих пор четвертый мальчишка, самый, пожалуй, юный из всех.

— Классная идея! — отозвался Серый. — Вот ты, Костян, возьми и сфотографируй. У тебя ведь есть цифровик?

— Сфотографировать-то что! А вот в Интернет — тут же засекут, — возразил тот, кого назвали Костяном. — Разве что поехать в Москву и там пойти в интернет-кафе и выложить на президентский сайт. Может, не найдут.

Никто не мог сказать, найдут или нет, а потому на дубе на какое-то время утихли все разговоры.

— Эх, ребя! — после продолжительного молчания произнес Пашка. — Вот была бы снайперская винтовка. Засел на повороте к озеру Долгому. Осевкин поехал — бац! — и кранты!

— Размечтался, — презрительно фыркнул Серый.

— А вот, ребя, есть идея, — перевел разговор в другую плоскость неугомонный Костян. — Вот, предположим, издал наш мэр какой-нибудь указ, а ты, скажем, не согласен. Или сам президент. И что делать? Идти на улицу? Тут тебя омон быстро раздраконит. А если вывесить флаг? Скажем, не согласен — вывешиваешь красный или черный, согласен — зеленый, начхать на все — желтый. Как в светофоре. Тогда и ходить никуда не надо. Вывесил — все видят, кто за что. Здорово? А? Весь город во флагах!

— Сам придумал или слышал от кого? — спросил Серый.

— Ну-у, не то чтобы слышал, а так — батя говорил. Но не о флагах, а так... про всякое. Вот я и подумал.

— А откуда они узнают, чего ради вывесили эти флаги? — допытывался Серый, которому идея показалась интересной.

— Я ж и говорю: закон. Или указ. А можно и просто так. Ведь нигде же не сказано, что вывешивать флаги нельзя. Поначалу, конечно, будут путаться, а потом, когда привыкнут, тогда всё путем, — вновь воодушевился Костян. — Вроде референдума. А то развелось всяких институтов общественного мнения — плюнуть некуда. Раз как-то снял трубку, а там тетка и говорит: здрасти, я из института общественного мнения. Скажите, говорит, какие программы смотрят сейчас в вашей семье? Я и говорю: все сразу. Так, говорит, не бывает. Вот кто у вас, спрашивает, сейчас из взрослых смотрит телевизор? Нашла дурака! Так я ей и сказал, что дома я один, и никто не смотрит. Еще узнают, придут, стукнут по башке и всё вынесут. Взял и положил трубку. А тут и звонить не надо. Тут глянул — весь город в красных флагах... Или в зеленых — и всё ясно, — убежденно закончил он.

— Мне ясно одно, — заговорил Серый с усмешкой на узких губах, — что у тебя от твоих фантазий скоро голова лопнет. Или волосы вылезут, как у нашего мэра.

Все весело рассмеялись, и Костян залиvistее других. И тут же, едва отсмеявшись, предложил совсем другое:

— А давайте завтра с утречка закатымся на рыбалку! Сейчас окунь хорошо на червя берет у старой плотины.

— Не-е, завтра не могу, — качнул головой Серый. — Батя велел картошку окучивать. Да и колорады собирать надо. А то зима придет, жрать нечего будет.

— Мне то же самое, — вздохнул Петька.

Решили, что рыбалка подождет.

Между тем у гаражей почти никого не осталось. Вот и тет-ки-малярши сложили свои валики в ведра и, сопровождаемые блюстителем порядка, потопали восвояси. Лишь изредка какая-нибудь машина заворачивала к гаражам, слышался грохот железной двери, рокот мотора, затем снова грохот, и наступала тишина.

— Еще немного подождем и пойдем, — тихо распорядился Серый. — Значит, так. Костян, ты — на шухере. Чуть что — свисти. Остальные подновляют надписи. Я начинаю слева, Петька — ты в середине, Пашка — справа. Шибко густо краску не кладите — и так видно будет. И чуть что — Пашка и Петька лезут на крышу первые, я — следом. И сразу же затаскиваем лестницы. Усекли?

Мальчишки покивали головами.

Подождали еще немного, затем ловко соскользнули с дерева и бесшумными тенями пропали среди зарослей ивняка и крапивы. Потом появились возле задней стены сплошной линии гаражей, приставили к ней два сухих бревна толщиной сантиметров в десять с прибитыми к ним небольшими пере-кладинами в качестве опоры для ног, быстро, один за другим, залезли на крышу одного из гаражей и там легли — снизу не увидишь. Серый чуть высунулся за край крыши, огляделся, не заметил ничего подозрительного — махнул рукой. Бревнышки подняли на крышу и спустили с другой стороны вниз, но не столько для того, чтобы удобнее слезать, как для того, чтобы можно было, в случае опасности, быстро залезть на крышу, затащить легкие бревна и... далее по обстоятельствам.

Подновление надписей — инициатива Серого, не согласованная с отцом. Да и зачем согласовывать? Что они — маленькие, что ли? Серый, например, в этом году пойдет в десятый, остальные в девятый. Пора и своей головой думать, а не только повторять каждое слово за взрослыми. И хотя Серый не посвятил своих друзей в тайну разговора с отцом, его друзья и без того догадывались, что без дяди Артема здесь не обошлось. Потому что дядя Артем — бывший спецназовец, воевал в Чечне, у него награды и два ранения.

Костян, сидя на крыше гаража, неотрывно смотрел в ту сторону, откуда дорога поворачивала к гаражам. Внизу сгушались тени, солнце уже катилось по кромке холма, цепляя сплюснутым диском зубчатые края далекого леса. Снизу слышалось шипение выбрасываемой из баллончиков краски.

Пацаны работали быстро, сноровисто. На этот раз использовали не черную краску, а красную, синюю и оранжевую, нанося ее по черной, проступающей сквозь белую. Сначала работали без помех. Затем раздался пронзительный свист Костяна — и все трое, не тратя лишних слов, кинулись к лестницам, как кошки взлетели наверх, выдернули бревнышки и, распластавшись на крыше, замерли в ожидании.

Уже слышно урчание нескольких моторов, а более всего бухающие звуки из приемников, включенных на полную мощь. Вот свет фар взлетел к дубам на той стороне оврага, пробежал по ним и улегся в длинное пространство между гаражами. За первой машиной вторая, за второй третья. Все три проехали мимо и остановились в самом конце гаражей. Захлопали дверцы, бухающие звуки метнулись в еще голубое небо, радостные мужские и женские крики смешались с музыкой и разогнали таящуюся в овраге тишину.

— Это надолго, — произнес Серый. — Айда по домам. Завтра вечером допишем.

Глава 7

Сергей Петрович Чебаков, генерал-полковник в отставке, возвращался из Москвы, где в кругу товарищей-генералов отмечал свой восьмидесятипятилетний юбилей, и был очень недоволен тем, что его личный праздник совместили с перывыборами председателя Комитета общества памяти прославленных во время Отечественной войны маршалов и адмиралов флота. Среди членов комитета не было ни одного, кто не дослужился на действительной хотя бы до генерал-майора, а о рядовых и упоминать нечего, хотя в самом обществе таковых имелось порядочно. Да и о чем говорить с рядовыми? Не о чем. Не о продуктовых же пайках, выдаваемых в собесах по тому или иному случаю. И не о новых реформах, которые привели российскую армию к полной непригодности: они в этом ни черта не смыслят. Права пословица: каждый сверчок должен знать свой шесток. Вот и пусть сидят на своих шестках и обсуждают эти свои жалкие продпайки с макаронами, постным маслом и гречкой.

Забыл генерал, выкинул из памяти, что корни его покоятся в вологодской деревне, что было время во время войны и

после, когда его мысли не поднимались даже до макарон и гречки, а кусок черняшки со всякими малосъедобными добавками, политый постным маслом и посыпанный крупной серой солью, казался пирожным. И даже тогда, когда он, окончив общевоинское училище и едва нацепив лейтенантские погоны, начинал служить в армии. В ту пору он на генералов смотрел снизу вверх, будто их головы парили в облаках, а на тех, кто этими генералами командовал, — и даже не на них самих, а только на их портреты, — как на небожителей, до которых даже мыслью не дотянешься. За минувшие годы много воды утекло из разных рек в разные моря, на берегах которых доводилось служить Чебакову, и когда в его голове произошел крутой поворот, он уж и не упомнит. Ему кажется, что он всю жизнь пребывал в генералах и всю жизнь смотрел сверху вниз на всех, кто стоял ниже. Наверное, потому, что те, нижестоящие, не сумели достичь его высот, что их вполне устраивало быть нижестоящими по отношению к Чебакову. Лишь зависть, страх и недальновидность вышестоящих не позволили Чебакову достичь вершины в виде широких погон с большими звездами и кресла министра обороны. А мог бы, вполне мог, если бы обстоятельства и люди оказались другими. Вот и в комитете то же самое: ни разу не предложили его кандидатуру на пост председателя. Не иначе как из боязни, что он все повернет по-своему. Как именно — не столь уж и важно. Но по-своему. А теперь, что ж, теперь поздно. Даже если бы предложили. И возраст дает о себе знать, и болезни, и вообще — все пустое и ни к чему не ведет. Одно лишь притягивает в этот Комитет, собираемый три-четыре раза в год — побывать в кругу себе подобных, выговориться, отвести душу. Впрочем, и это уже в прошлом. Молодые генералы слеплены совсем из другого теста, их меньше всего интересует славное прошлое, у них на уме деньги и только деньги. И когда собрались протестовать против непродуманного реформирования армии, молодых в толпе генералов почти не было, а стариков омон быстро рассовал по машинам, так что они ни вякнуть не успели, ни глазом моргнуть.

«Эх, — печалились они потом, — надо было всю эту сволочь в девяносто первом и даже раньше перестрелять, как в Китае перестреляли студентов на главной площади в Пекине, тогда бы не было всего этого бардака, и страна не распалась бы, и реформы провели бы, какие нужно. А теперь что ж, теперь поезд ушел, нечего кулаками махать после не состоявшейся драки».

Прежний председатель Комитета, генерал армии Лиманский, почти единственный из нынешних генералов, кто вое-

вал с фашистами, да и то с февраля по май сорок пятого, давно отошел от дел, последние полгода не покидал санаторий для участников ВОВ, и, похоже, жить ему оставалось немного. Можно было бы и подождать с перевыборами из уважения к ветерану. Но молодые генералы, которых сократили из армии за ненадобностью, зараженные дяляческим духом, ждать не желали.

Что совместили перевыборы с юбилеем, это еще не самое страшное. Дело, как говорится, пяти минут. Неприятно, даже отвратительно другое — это уже третья попытка выбрать нового председателя, потому что первые две закончились ничем, не предоставив кандидатам большинства голосов. Сперва не избрали генерал-полковника Резниченко: его заблокировали генерал-майоры и генерал-лейтенанты на том основании, что возраст генерала не позволит ему успешно справляться с обязанностями председателя. Со второй попытки «зарезали» генерал-майора — против были генералы с тремя и четырьмя звездами на погонах. На этот раз кандидат выдвигался генерал-лейтенант Круглов, человек деловой, энергичный, в последнее время вполне успешно замещавший Лиманского.

Неожиданно для Сергея Петровича, как и для большинства комитетчиков, выборы затянулись. Оказалось, что у Круглова появился конкурент, человек мало кому известный, а именно генерал-майор Колобков. Да еще из интендантов. И, разумеется, старики заволновались: хотя председатель Комитета — фигура не официальная, к тому же выборная, однако... как же без субординации? На гражданке, которую генералы презирали всеми фибрами своей души, и то существует определенная иерархия, а тут — армия! — и такое, можно сказать, унижение для старших чинов. Если бы этому Колобкову сегодня же дали генерал-полковника, не меняя ничего в его сущности, тогда другое дело — пусть командует, а то ведь майоришка — смешно сказать. К тому же, поговаривают, генеральскую звезду получил, уже выходя в отставку. Как, каким образом? А вот так — получил и все тут. Нынче все можно купить: и звезду на погоны, и должность, и даже дворянство. Может, конечно, и врут в отношении Колобкова, но есть примеры вполне достоверные. Вот ведь до чего докатились — стыд и позор, а не армия.

Стали, как водится, слушать автобиографии. Оба кандидата, один перед другим, как два петуха: все «я да я», и то «я». Круглов выпячивал знание задач и проблем, стоящих перед Комитетом и обществом в целом, свой опыт, проделанную работу: там-то выступали, туда-то писали, высказывая свое

мнение, на те или иные решения Министерства обороны повлияли. Колобков давил связями в том же министерстве, с деловыми кругами, а более всего тем, что и деньги у Комитета появятся, и возможности, и прочее-прочее-прочее. Что за этими «прочее» стоит, не сказал, но было ясно: у майоришки деньжата действительно водятся, а откуда они у него взялись, можно лишь догадываться, и Комитет ему нужен именно поэтому. То есть черт его знает, почему! Тем более что большинство комитетчиков в экономике ничего не смыслили: ни в социалистической, ни в капиталистической. А уж в нынешней, где экономикой даже и не пахнет, а ее разбазариванием — хоть носы затыкай, и подавно.

И вот, странное дело, большинство стало склоняться к Колобкову. И не только майоры и лейтенанты, но и те, что повыше. То есть ровня самому Чебакову. А последнюю точку в этом споре поставил бывший генерал армии Семибратов, лишь на год старше Чебакова, имевший постоянное место в президиуме заседаний:

— Вы меня знаете, — начал он свою речь сильным старческим голосом, пододвинув к себе микрофон. Пожевав съжившимися губами, укладывая по местам вставные челюсти, из-под косматых бровей оглядел собравшихся, решил, что знают его не все. Или не очень подробно. Решил уточнить: — Да. Я в Комитете со дня основания общества памяти маршалов и адмиралов. Свои звезды на погоны, как вам известно, добывал собственной кровью. Египет, Ангола, Куба и так далее. Да... И никому задницу не лизал! — повысил он голос, и далее с каждым словом голос его возносился все выше и выше. — Потому и выгугурили! А мог бы еще, так сказать, послужить и приносить пользу. Да! В девяносто третьем оказался на Дальнем Востоке... А то бы, если бы в Москве, сидел бы в Белом доме. Да... И не крал! — вскрикнул он, сорвавшись до петушиного клетота, подняв вверх указательный палец. И продолжил на той же петушиной ноте: — И дач себе не строил! И солдат не обворовывал! Ездил на «москвичах» и бэтэрах! И партбилета не рвал! Да! Я присягал народу, а не всяким там разным... — после чего последовал неопределенный жест растопыренными пальцами, и генерал как-то вдруг сник, нахохлился, потянулся к графину с водой.

Все присутствующие сидели безмолвно, не шевелясь.

Придвинув графин к себе, Семибратов налил в стакан воды, и слышно было, как дребезжит горлышко графина о стакан. Потом стал пить, громко втягивая воду между вставными челюстями.

В небольшом помещении, плотно заполненном генералами в форме, висела выжидательная тишина.

Отставив стакан и отдышавшись, Семибратов продолжил уже более-менее спокойным голосом:

— И вот что я вам скажу, товарищи мои дорогие: в том, что сегодня в стране происходит, я ни черта не смыслю. И те, что служили в прошлые годы, когда все было ясно, тоже ни черта не смыслят. А вот они! — Генерал ткнул пальцем в сидящих отдельной кучкой молодых отставников, — они смыслят. Хорошо ли смыслят, плохо ли, не знаю. Я им не судья, не экзаменатор. Но я знаю, что мы с вами все последние годы занимались одной лишь говорильней. Потому и выбросили нас из армии в полном уме и здравии и ничего не предложили взамен. Им наш опыт не нужен. Они всё поставили на коммерческую основу. Может, в нынешних условиях так и надо. Может, у них что-то получится. А не получится... — Он помолчал, отыскивая нужные слова, покачивая седой головой, затем продолжил: — Так у нас, в России, всегда так: пока морду себе не раскровяним, за ум не возьмемся. Так что если этому суждено быть, пусть будет. И чем скорее, тем лучше. Поэтому — пусть! Пусть будет Колобков! Пусть, как в той сказке, катится и катится... Кхе-кхе-кхе, — заперхал Семибратов, сморщив свое лицо так, что оно все собралось к носу глубокими складками. И майоришки тоже заперхали: так им понравилась солдатская шутка генерала армии. — Может, и не съедят его, кхе-кхе-кхе, — добавил Семибратов с той же складчатой усмешкой. — А мы поглядим... поглядим, чем это кончится. Если доживем... Такое вот мое мнение, — закончил он, и лицо его расправилось и посуровело.

Зато у стариков отвисли челюсти и повисли носы: такого от Семибратова не ожидали. Возражать? А что возразишь? Возразить нечего. Не начинать же все сызнова, когда и без того ясно, чем закончатся перевыборы. Вот ведь жизнь пошла — ничего не поймешь!

И, едва проголосовали («за» — большинство, остальные воздержались), как кто-то из молодых выскочил из помещения, а Колобков, поблагодарив за избрание, принялся рассуждать о планах работы Комитета в соответствии с новыми веяниями, явно затягивая время. Затем выскочивший майор вернулся, что-то нашептал на ухо новоиспеченному председателю, и тот, скомкав свою речь, пригласил всех присутствующих в ресторан, чтобы по-русски отметить юбилей всеми уважаемого генерал-полковника Сергея Петровича Чебакова... чем бог послал.

Все поднялись, испытывая явное облегчение, что дело наконец-то благополучно завершилось, и двинулись, соблюдая субординацию, в соседний зал. А там уж и столы накры-

ты, и чего только на них бог генерал-майора Колобкова ни послал: и черную икру, и красную, и всякие холодные закуски, и коньяки самые что ни есть дорогие, и виски, и водки разных сортов, и вина. И всем стало ясно, что если бы Колобкова не избрали, все было бы обставлено значительно скромнее.

Когда расселись, Колобков, без малейшего смущения взяв на себя роль главнокомандующего, от имени Комитета поднес Сергею Петровичу «адрес» в красной папке с поздравлениями, с автографами, фотографию всего Комитета в рамке под стеклом; потом дорогую саблю с позолотой и разноцветными камнями на эфесе и ножнах, и тоже с дарственной надписью; кинжал с рукоятью из чистого серебра, тоже потянувший на кругленькую сумму. А потом уж посыпались и чьи-то мемуары, и даже стихи, и что-то еще и еще. И опять же: не избрали бы Колобкова, наверняка такой сабли и такого кинжала не было бы.

Едва выпили по первой за здоровье новорожденного, подали жареного поросенка с гречневой кашей, обложенного зеленью. Разделались с поросенком — вот тебе осетр метровой длины на огромном блюде. И молодежь с восторгом провозносит тосты за именинника, за Комитет, за все хорошее, и смотрит Чебаков на эту молодежь и всех остальных, пригубливает, потому что пить-то ему категорически нельзя, и понять не может, что сегодня празднуют: его юбилей или победу Колобкова.

Рюмки, между тем, снова наполнились. Чебаков налил в свою минералки, продолжая трезвыми глазами оглядывать стол. Но тут его внимание привлек спор между сидящими рядом Семибратовым и контр-адмиралом Будаковым. И спор этот все накалялся, грозя втянуть в себя всех присутствующих.

— И что это у нас за армия! — возмущался моряк. — Что за командование, которое с какой-то Грузией не проиграло войну только потому, что армия Грузии и ее командование оказались еще менее способными к войне! Это ж только представить себе, и то в голове не умещается: министра обороны найти не могут. Генштаб затеял ремонт и полностью отключился от внешнего мира, у солдат все те же «калаши» с прицелами времен Ивана Грозного, собственных миротворцев бросили на произвол судьбы, по существу, на истребление. Связь по мобильным телефонам... А реформа? За эталон берут американцев, а те за всю свою историю выиграли всего одну войну — с Мексикой.

— А что, у вас на флоте лучше, что ли? — вступился за сухопутные войска Семибратов.

— Конечно, лучше! И дисциплина выше, и дедовщины практически не наблюдается, и на корабли всякий сброд не берем. И тех же грузин на море приструнили так, что они больше не рыпались.

— Еще бы: ракетные катеришки против ракетного крейсера! — поддел моряка Семибратов.

— А в сорок первом! — загорячился тот. — В сорок первом флот немцев встретил в полной боевой готовности. И ни одного корабля не потерял. Если бы не сухопутное командование...

— Постой, постой, Николай Трофимыч! — вмешался Чебаков. — Война с немцем — это давняя история. И корабли там теряли, можно сказать, попусту, так что хвастаться особо нечем. А вот война с Грузией, между прочим, проливает кое-какой свет и на прошлое. Вот ты говоришь: премьер на Олимпиаде, президент на даче, министр обороны черт-те где. Согласен. Знало наше руководство о том, что нападут грузины? Уверен — знало. Иначе бы жители Южной Осетии сидели дома. А они почти все выехали в Северную Осетию. Остались те, кто не поверил, что будет война... Нет, ты помолчи и послушай! — остановил открывшего было рот адмирала Чебаков. — Более того, скажу тебе, не только знало, но и подталкивало грузин к войне. Мол, пользуйтесь моментом: и Генштаб у нас в разгоне, и премьера нет, и того, и другого, и третьего. А почему? А потому, скажу я тебе, что нам нужна была очевидность грузинской агрессии против Южной Осетии. А уж потом поднимать армию и делать решительные шаги по дипломатической линии. И тифлисские дурачки на эту дохлую лягушку клюнули. И американцы, которым очень хотелось, чтобы мы влипли в длительный конфликт. А потому клюнули, что были уверены: у русских бардак — самое их нормальное состояние. Слава богу, нам не пришлось придумывать предлог вроде того, что придумали американцы перед вторжением в Ирак. Нас потом и так клевали со всех сторон, обвиняли в агрессии, превышении ответных мер и прочих грехах. В чем-чем, а в этом случае я нашему руководству готов поаплодировать. Но не шибко громко. Потому что выиграть в эпизоде еще не значит выиграть вообще. А что армия наша доведена до ручки, с этим я полностью согласен. Так в этом и наша с вами вина имеется: жалованье получали хорошее, ордена и звезды на погоны за выслугу лет не задерживали, поэтому сидели и сопели в две дырки, уверенные, что наверху виднее, что делать и как.

— Что ж, может, ты и прав... насчет войны с Грузией, — пожал плечами адмирал. — Но чтобы до такого цинизма...

— Согласен: цинизм! — слегка повысил голос Чебаков. — Но политика без цинизма не бывает. Наверху, между прочим, сидят не самые глупые головы и просчитывают, в каком случае выигрышь больше и потерь меньше, а в каком наоборот. А теперь давай с этих позиций глянем на сорок первый, — продолжал плести свою нить генерал, будто с кафедры военной истории, которой некогда заведовал в академии. — Что армия к тому времени у нас тоже была не на высоте, Сталин знал: финская война показала. Если бы Жуков проиграл японцам на Халхин-Голе, прозрение наступило бы раньше почти на год, но вряд ли что изменило. Зато Жукова мы бы потеряли. Более того, скажу тебе: победа Жукова над непобедимыми японцами сыграла с нашим Генштабом и Наркоматом обороны злую шутку: мол, если япошек, то каких-то там финнов шапками закидаем. Сталин, между прочим, в то время в военных делах разбирался слабо, верил своим генералам, а те очень любили пустить пыль ему в глаза — как у нас всегда водилось и водится до сих пор. Да. Лишь к концу сорок третьего года Сталин кое-чему научился. Как и многие будущие маршалы. Если глянуть с нынешних позиций, то договор с Гитлером и так называемый «пакт Риббентроп—Молотов» в тридцать девятом году говорит о том, что Сталин боялся начинать войну с Гитлером, заигрывал с ним, делал все, чтобы войну как-нибудь оттянуть. Иногда и такое допускал, что теперь нам кажется первостатейной глупостью...

Тут кто-то перебил Чебакова, предложив тост за то, чтобы Волгограду вернули имя Сталина, на Лубянку — памятник Дзержинскому. И что-то там еще. Выпили и за это.

Потом языки развязались, заговорили о том, что как же так: в Свердловской области, например, поставили памятник расстрелянной там по приказу того же Свердлова царской семье, то есть поставили на один постамент палача и жертву, и все довольны, будто так и должно быть. Или те же города Рощаль, Ногинск! Или тот же Бауман... Кто такой этот Бауман? Чем таким прославился? Самый настоящий провокатор. Всех переименовали, а этих оставили. Почему? А потому что... сами знаете, почему.

И много еще чего было сказано — всего и не упомнишь. Да и нет нужды. Однако все эти передряги настроение Чебакову испортили. И теперь, когда генерал ехал на свою дачу, где его ждут родственники и гости, он все еще переживал переборы, свое ненужное и даже вредное откровение с адмиралом, и чувствовал себя таким уставшим, что ему ничего не хотелось, а только понять, что сегодня произошло и чем оно отзовется в будущем.

Два тяжелых джипа, хищно оскалившись никелированными трубами «кенгурятников», выпучив на дорогу с полдюжины фар над кабиной, с тихим гулом хорошо отлаженных моторов неслись один за другим по узкому шоссе, над которым кое-где смыкались кроны деревьев, близко стоящих к дороге с обеих ее сторон. Июльский день клонился к закату, но солнце стояло еще высоко. От него истекал зной, но не такой изнурительный, как в городе среди бетона, кирпича, железа и асфальта. Пахло грибами, земляникой, но более всего сосновой смолой. В открытые окна врывался ветер, кукование кукушки.

Осевкин и Нескин сидели сзади, лениво поглядывая по сторонам. Оба в белых рубашках с расстегнутыми воротами, в белых штанах и башмаках. Белые пиджаки висели на плечиках сзади вместе с красными галстуками, искрящимися золотистым шитьем.

— Мне эта дорога напоминает Ухту, Вуктыл, Печору, — произнес Нескин. — Только машины были другие... И асфальтом не пахло.

— Да-а, было время, — мечтательно протянул Осевкин, и глаза его заволокло туманом. — И должен сказать тебе, Арончик, оно пролетело не зря. Не-ет, не зря-аа.

— Умного и час учит, дуракам и полжизни мало, — глубокомысленно изрек Нескин.

— Это ты на что намекаешь? — насторожился Осевкин.

— Ни на что. Я лишь констатирую известную мудрость.

— А-а, ну-ну. Мудрость — это хорошо, — усмехнулся Осевкин, и взгляд его опять заледенел. — Как говаривали древние: ад узум интэрнум — для внутреннего употребления. Но в таких случаях констатируют молча. Иначе не все поймут. А неправильно понятая мысль ведет к непредсказуемым последствиям.

— Ты еще что-то помнишь из латыни? — делано удивился Нескин, глянув на Осевкина и проигнорировав все остальное.

— Так, запало кое-что в голову.

Дорога раздвоилась: одна пошла направо, другая налево. Машины свернули налево. Мимо потянулись дачи. Самые разнообразные по архитектуре и стоимости. И все за высокими заборами с колючей проволокой, с железными воротами. Иногда справа между деревьями мелькала озерная гладь. Проехали с километр — новая развилка: одна дорога ушла куда-то в лес, другая, на которую и свернули, через пару со-

тен метров уткнулась в массивные ворота с будкой охраны. Ворота раздвинулись — машины въехали внутрь.

Элитный дачный поселок районного масштаба располагался на берегу озера Долгое вдали от цивилизации. Зарождался поселок не на пустом месте: в пятидесятые годы километрах в десяти от озера возник военный полигон, были построены казармы для солдат и бараки для офицеров, проложена асфальтированная дорога. Затем озеро облюбовали генералы и полковники, так или иначе связанные с полигоном, понастроили вдоль берега дачи, куда приезжали порыбачить, поохотиться на кабанов и лосей, боровую и водоплавающую дичь. Дачи представляли собой так называемые «финские домики», пригодные для проживания летом, и то лишь в хорошую погоду. Четыре деревни, затерявшиеся в лесной и болотной глуши, уже тогда доживавшие свой век, получили благодаря дороге связь с остальным миром, вследствие чего их запустение лишь ускорилось.

В начале девяностых на другом берегу озера началось стихийное строительство дач местным чиновничеством, которое само себе выделяло землю, пока еще сотками, а не гектарами, не платя государству за нее ни гроша. Тогда же, в период разгула самостийности на всех уровнях и этажах административного деления, это же чиновничество, срочно поменяв окраску, уже само издавало законы для местного употребления и само же их контролировало. К тому времени полигон прикрыли, казармы и бараки опустели. Когда поселок более-менее разросся и заселился, его обитатели поняли, что везти продукты из города на природу, тем более неизвестно какого качества, — себе же во вред, и, сложившись, а более всего взяв из районного бюджета, стали усиленно возрождать две обезлюдевшие деревни, привлекая туда рабочую силу откуда только можно. Через пару лет там уже выращивали разнообразную сельхозпродукцию, работал животноводческий комплекс, небольшой заводик по переработке молока и мяса, доказывая, что когда чиновнику что-то нужно, то он способен не только воровать, но и созидать. Все произведенные продукты потреблялись на месте по весьма невысокой цене, а если что и попадало за границы условно очерченной зоны потребления, то исключительно для своих людишек. В конце концов, не одной же московской элите кормиться экологически чистыми продуктами, и районная тоже не промах.

На том же берегу возникла и двухэтажная дача Осевкина, построенная в стиле «дворянских гнезд» девятнадцатого века. Дача имела все условия для более чем комфортного проживания: паровое и электрическое отопление, водопровод, ка-

нализацию, а еще участок в шесть гектаров чистого соснового леса и четыре гектара луга с протекавшим через него ручейком. Рядом — пристань для катеров и лодок, баня с бассейном, тренажерным залом и массажным кабинетом, конюшня, гараж на четыре места, оранжерея, теплицы. И уж совсем вроде бы излишнюю роскошь — телескоп в круглой башенке на крыше, в которой Осевкин времена бессмысленно пялился в звездное небо, уверенный, что подрастающие два сына и дочь извлекут из этого телескопа большую для себя пользу.

Кстати, из «обсерватории» хорошо видна дача и генерал-полковника Чебакова, лишь недавно основательно перестроенная его внуком по индивидуальному проекту, а если навести на нее телескоп, то и вся жизнь этой дачи — как на ладони. Как, впрочем, и некоторых соседних с нею дач.

В довершение всего, на почтительном расстоянии от усадьбы, укрытый густо посаженными елками и туями, притаился двухэтажный дом для охраны и прислуги, тоже вполне комфортабельный, но без всяких излишеств. И все это огорожено высоким железобетонным забором со спиралью из колючей проволоки поверх него.

Машины прошелестели шинами по выложенной брусчаткой дороге, охраняемой с двух сторон столетними соснами. И сразу же открылась панорама усадьбы: дом с шестью белоснежными колоннами, гранитная лестница с балюстрадой, высокие окна первого этажа и обычные — второго. И все это под зеленой крышей, над которой возвышалась замысловатая башенка, назначение которой Нескин угадал далеко не сразу.

На площадке между колоннами мужа встречала жена Осевкина, предупрежденная им заранее. Она была стройна стройностью еще не сформировавшейся женщины, хотя и родила троих. На ней легкое белое шелковое платье, так идущее к ее юной фигуре, к ее льняным волосам и загорелому телу. Рядом с колоннами она казалась ничтожно маленькой, а рядом с Осевкиным — напуганной серной, попавшей в клетку с пресыщенным львом, который, однако, может съесть ее в любую минуту.

— Вот это — моя жена, Наталья, — представил Осевкин юную женщину. И спросил, положив руку на плечо Нескина: — Как, ничего?

— Не то слово, Сеня! — восторженно воскликнул Нескин. — Прелесть! Красавица! Богиня! — Шагнул к ней, переломился пополам, целуя тонкое запястье. — Нескин, Аарон Давидович, — представился он между поцелуями. — Представи-

тель компании «Блюменталь унд компани». Мы с вашим мужем когда-то вместе начинали работать в этом направлении. Мне оч-чень приятно, что у него такая прелестная жена! Оч-чень! Семен Иванович, надо думать, носит вас на руках.

Наталья, вспыхнув, бросила быстрый испуганный взгляд на своего мужа, слегка попятилась от Нескина и прикрыла ладонью ложбинку между грудями, где покоился маленький золотой медальон с голубым глазом — от сглаза. И совсем маленький золотой крестик.

— И чего ты нацепила этот медальон? — прорычал Осевкин, ткнув пальцем в отсвечивающий лаком глаз. — Где колье, которое я тебе подарил?

— Я думала, Семушка...

— Она думала... Задницей ты думала! К людям идем! Люди должны видеть, что у Осевкина жена выглядит на тыщу процентов выше их заезженных кляч. Усекла? Чтобы через пять минут на тебе было колье! — И, отвернувшись, бросил на ходу: — Пошли, Арончик. Опаздываем. Она догонит.

И они пошлагали, не оглядываясь, к пристани, где их ожидал катер.

Нескин знал от своих информаторов, что Осевкин взял Наталью себе в жены, когда ей не исполнилось еще и шестнадцати лет, взял из многолетней семьи, едва сводящей концы с концами, а по существу купил за тысячу долларов. Брак же с ней зарегистрировал лишь тогда, когда она родила ему двоих сыновей, то есть после ее совершеннолетия. На Западе его бы посадили только за это, а здесь, в России, считают, что Осевкин умеет жить. В отличие от тех, кто жить не умеет, то есть не имеет ни денег, ни власти, ни такой шикарной дачи, ни такой молодой и очаровательной жены. Но, похоже, прошлое Осевкина уже никого не волнует. Даже теперь, когда придавили и продолжают додавливать всех настоящих и бывших бандитов, когда провозглашена решительная борьба с коррупцией и бюрократией, выступающей в качестве препятствующей силы техническому развитию России, удерживающей ее на нефтегазовой игле. И будто бы не без помощи западного капитала, которому вовсе не нужна Россия с новейшими технологиями, да еще обладающая безграничными запасами нефти и газа. Нескин знал доподлинно, что и братья Блюментали придерживаются такой же политической линии. Разливать по бутылкам и рассыпать по коробкам — это сколько угодно, но производить самим химические продукты из той же нефти — извините-подвиньтесь, как говорят в незабвенной Одессе.

Вышли к пристани. Над озером дул сильный порывистый ветер. Для Нескина этот ветер оказался тем более неожидан-

ным, что ветра до сих пор не чувствовалось: и деревья не шелохнутся, и легкие розовеющие облака будто замерли на одном месте, а тут вода рябит, гнется камыш и прибрежные кусты ивняка. О борт катера с настойчивостью маньяка хлещут волны, катер качается, тычется корпусом в автомобильные покрышки, прикрепленные к бетонным сваям, загнанным в озерное дно.

На катер всходили по трапу. Впереди Осевкин, за ним остальные. Охранник с литыми плечами помог Нескину, придерживая его под локоть, затем Наталье преодолеть ерзающий под ногами трап. И тотчас же были убраны швартовы, двигатель взревел, и катер, рассекая волны, понесся к противоположному берегу.

— Тут по вечерам всегда дует как в трубе, — пояснил Осевкин своему спутнику. — Говорят, что здесь перед заходом солнца собираются боги ветров на совещание. Дует не больше часа. Никто не может объяснить, откуда он берется. Такая вот чертовщина.

Катер несся к противоположному берегу, до которого было чуть больше километра, подпрыгивая на волнах, разбрызгивая их острым носом по сторонам, громко шлепая о воду ступенчатым днищем. Из воды стремительно вырастал генеральский дом замысловатой конструкции, будто слепленный из отдельных кусков. Сквозь гул мотора, вой ветра и шлепки взбаламученной воды с того берега прорывалась отдельными всхлипами громкая музыка, более похожая на то, будто там, на берегу, забивали сваи и пилили лес огромными пилами.

На берегу Осевкина и его спутников встречал сам мэр Угорска, Андрей Сергеевич Чебаков: человек среднего роста, с выпирающим брюшком, с широкими залысинами, с постоянно прищуренными серыми глазами. Рядом с ним стояла его жена, очень похожая на своего мужа не только внешне, но и повадками: так же шурила глаза, улыбалась и держала руки. И трудно было понять, кто у кого понабрался таких изысканных манер.

Когда Нескин создавал с Осевкиным в Угорске комбинат, Чебаков-младший ходил в каких-то незначительных чиновниках, был худ, плохо одет и явно чувствовал себя в этом мире не в своей тарелке. И однажды он пришел к ним. Нескин помнил, что они с Осевкиным встретили его настороженно: черт его знает, этого юриста, что у него в голове. Как выяснилось в результате не слишком долгого разговора, в голове у юриста не было ничего, кроме желания к кому-нибудь прилепиться и кем-нибудь стать. И Нескин очень хорошо его понял: жаден, трусоват, не слишком умен — и решил,

что более послушного мэра для этой дыры не сыскать, в чем и убедил Осевкина. Тут же организовали кампанию перевыборов — и Андрей Сергеевич Чебаков стал мэром Угорска. Миновало не так уж много лет, и вот перед Нескиным предстал совсем другой человек: уверенный в себе, самодовольный, располневший и даже обрюзгший, что говорило о нездоровом образе жизни.

— Какие лю-ууди-иии! — воскликнул с подвыванием — доказательством неподдельного восторга, Чебаков, раскидывая руки для объятий, едва катер приткнулся к небольшой пристани. И как только Осевкин ступил на ее дощатый помост, заключил его в объятия и даже трижды ткнулся щекой в щеки Осевкина, всякий раз приподнимаясь на носки.

То же самое проделали их жены, выражая свой восторг радостными писками, охами и ахами. Нескину восторгов досталось значительно меньше, но все-таки досталось и от мэра, и от мэрши, которые с воодушевлением засвидетельствовали, что хорошо его помнят по прошлым годам, помнят и даже любят.

Когда процедура встречи была завершена, хозяйева и гости направились к особняку, возле которого уже толклось порядочно всякого приглашенного народу.

Глава 9

Бывший майор бывшего КГБ Олег Михайлович Щупляков отложил в сторону папку, на обложке которой была приклеена квадратная бумажка, а на той бумажке отпечатано на принтере: «Предварительное расследование преступления против владельца ФУКа, которое выразилось в открытом хулиганстве и оскорблении личности, посредством написания на внутренней части стены Второго корпуса оскорбляющей надписи, а также в нарушении трудовой дисциплины и трудового законодательства». С грамотой у Олега Михайловича было не очень, потому что в военном училище, которое он закончил в прошлом веке, на грамоту особенно не напирали. Да и в повседневной службе приобрести ее он не мог: книг почти не читал, писать приходилось редко, и в основном служебные бумаги, и на том языке, который понятен всем, кто носит погоны. По части гражданского трудового законодательства он тоже был не силен. Но протокол составлять было необходимо как по роду службы, так и... — дальше все терялось в весьма расплывчатых инструкциях, сочиненных его предшественником на посту начальника охраны на данном промышленном объекте. И не то чтобы Щупляков был

до мозга костей чиновником и бюрократом, — да и невозможно им стать всего-то за два года, — однако деньги за свою должность получает, и немалые по нынешним временам, следовательно, должен их отрабатывать, а главное — отчитываться о проделанной работе перед самим Осевкиным.

Побарабанив пальцами по столу, Олег Михайлович поднялся, подошел к окну, сцепил пальцы рук и, вывернув их над головой, потянулся. Несмотря на свои пятьдесят три года, седые волосы и морщинки вокруг серых глаз, он выглядел лет на десять моложе, а широкоплечая фигура с мощной шеей и узким тазом смотрелась не более чем на тридцать. Он по-прежнему бегал по утрам, ежедневно занимался в спортзале, обливался холодной водой, сделав свое тело предметом собственного поклонения. Правда, и бегал уже не так быстро и далеко, и вес штанги ограничил пятьюдесятью килограммами, и реакция была уже не той, но сдвоенный удар по боксерскому мешку оставался таким же резким и сильным. Олег Михайлович был доволен своим телом, самим собой, хотя в его жизни не все складывалось так, как ему бы хотелось. Но жизнь есть жизнь, с нее не спросишь, к ответу ее не потянешь. А тот факт, что ты оказался в заштатном городишке, в далеко не престижной должности, так это не самое худшее место на земле и не самая плохая должность. Другие не имеют и этого.

Итак, предварительное расследование закончено. Вряд ли оно удовлетворит Осевкина. Оно не удовлетворяло и самого Олега Михайловича. Надо идти дальше. Как и в какую сторону — вот что сейчас его занимало.

Доискаться до преступников, как это представлялось Олегу Михайловичу в самом начале, не должно было составить большого труда: надпись могли сделать лишь те, кто имел доступ во Второй корпус, а это начальники, электрики и уборщицы. Всем прочим делать там нечего. Уборщицы не в счет. Однако Олег Михайлович их всех вызывал к себе в кабинет, расспрашивал, видели они кого или слышали разговоры на эту тему? Как и следовало ожидать, никто ничего не видел и не слышал.

Покончив с уборщицами, Щупляков принялся за электриков. Этих тоже было немного, в конвейерном корпусе они появляются лишь тогда, когда там перегорает какая-нибудь лампа, о чем узнают от уборщиц или наладчиков. Сигнал этот регистрируется в специальной книге выполнения работ, время пребывания в корпусе и характер работы фиксируется в той же книге. За последнюю неделю было всего четыре вызова по поводу замены ламп, на каждый вызов было затрачено

не более получаса, по инструкции на замену ламп выходят по двое, а двоим за полчаса сотворить такие надписи невозможно. Электрики тоже не дали ни малейшей зацепочки, хотя они-то должны были заметить написанное одними из первых. Нет, никто из них написанного не заметил и ничего не слышал от других о желании написать или о чем бы то ни было, что могло бы навести на след. Все пожимали плечами и делали круглые глаза идиотов.

Наладчиков, наиболее квалифицированной части работников комбината, а их на все про все имелось на ФУКе всего три бригады по четыре человека, Шупляков оставил напоследок, уверенный, что надпись — дело рук одной из бригад. У этих режим работы совершенно другой и заключается в постоянном контроле за оборудованием. Они же время от времени, но строго в соответствии с графиком, останавливают один из конвейеров для профилактики, чистки и смазки, замены сработавшихся деталей и черт его знает чего там еще. Поэтому в журнале время работы в корпусе не фиксируется, а фиксируется сама работа. Да и наружные видеокамеры подтверждают непрерывное хождение наладчиков в корпус и обратно: то на склад за какими-то запчастями, то за смазкой, то еще за чем. Так что здесь возможностей больше всего. Среди них и надо искать преступников.

Но первые же допросы показали Шуплякову, что дело это не такое простое, и с наскока его не осилить. Может, действительно, никто не видел и не слышал, а может быть, кто-то видел или слышал, но вряд ли скажет об этом, потому что все знали и кто такой Осевкин, и как он завладел деревообрабатывающим комбинатом, и как относится к работникам ФУКа. Более того, всем известно о его жестокости, идущей от его же бандитского прошлого, жадности и маниакальной подозрительности.

Обо всем об этом Олег Михайлович был информирован во всех подробностях. Тем более что все это лежало на поверхности, имело свои основания и причины: Осевкин довел людей до ручки, не выплачивая им зарплату целых полгода, а еще штрафы за малейшую провинность, действительную или кажущуюся. Остается лишь удивляться, что дело ограничилось одними надписями. Хотя не исключено, что это лишь начало чего-то более серьезного.

Если рассуждать логически, Осевкин должен создать на комбинате определенную прослойку людей, на которую мог бы опереться при любых передрыгах: начальники отделов и цехов, бригадиры, администрация, дирекция, охрана. Нет, даже сотрудников своей личной охраны он ничем не выделял

из остальной массы работников. Даже самого Щуплякова. То ли это была откровенная дурь, то ли необъяснимая самоуверенность.

— Лично я теряю больше из-за вашего разгильдяйства, вашей лени и безответственности! Из-за вашей совковости! — орал он, едва возникал какой-нибудь конфликт. — Я теряю сотни тысяч, вы лишь сотую часть этой суммы. Что заработали, то и получайте!

Только потом, спустя несколько месяцев работы, Щупляков догадался, что дело не в деньгах как таковых, а в почти маниакальном желании иметь над людьми неограниченную власть, получать удовольствие при виде того, как унижается перед тобой парализованный страхом и безысходностью человек. В таких случаях Осевкин может даже сменить гнев на милость, пойти навстречу, чтобы выжать из человека все, что можно, и выбросить его за ворота. Особенно Осевкин распоясался после того, как скупил в городе все крупные магазины, торгующие продуктами, и стал давать продукты первой необходимости в долг работникам своего ФУКа. Вскоре больше половины из них задолжали ему по две, а то и три-четыре месячных зарплаты. А в планах Осевкина значилась в ближайшие год-два скупка всех «хрущев» и двух детских садиков, чем он мог еще больше закрепить людей, а в дальнейшем — и весь город. Вряд ли местная верхушка, как бы она и ни была зависима от Осевкина, согласилась бы с таким поворотом дела. И кое-кто не соглашался. И даже протестовал. Но прошло немного времени — и в тихом Угорске стали пропадать люди. И самым странным образом: вышел человек из дому то ли на работу, то ли еще по какому-нибудь делу — и не вернулся. И никто ничего не видел, ничего не слышал. Один пропал, другой, третий. И не какие-то там обыкновенные люди: слесаря, токаря и прочие, а довольно известные в городе личности: бывший депутат бывшего горсовета, а потом депутат городской думы, адвокат, начальник райотдела милиции, редактор местной газетенки. Прошел слухок, что пропадают люди, которые или не воздержаны на язык, или открыто проявляют недовольство новыми порядками. И люди стали чураться друг друга, с подозрением воспринимать даже самые безобидные шутки, если в них чудился хотя бы намек на бесчинство Осевкина.

Щупляков начала всей этой эволюции в сознании и поведении людей не застал, но атмосфера в городе и на комбинате продолжала оставаться напряженной, предгрозовой, и нужно было иметь слишком толстую кожу, чтобы не почувствовать этого. И вскоре сам Щупляков почувствовал, как он, помимо своей воли, втягивается в орбиту осевкинских отношений с людьми.

Но черт с ними, с людьми! Время такое, что надо думать прежде всего о себе, о своей семье. А люди — они сами виноваты в том, что дали обвести себя вокруг пальца всяким проходимцам, которым захотелось денег — много денег и еще власти. Но такой власти, которая бы гарантировала им сохранность и приумножение денег, гарантировала бы им неограниченную свободу тратить эти деньги по своему усмотрению, ни перед кем не отчитываясь, не беря никаких на себя обязательств ни перед этими людьми, ни перед государством.

Предварительный опрос охраны и рабочих показал, что никого из посторонних на комбинате не было в течение последней недели. Да и не могло быть, потому что с приходом на комбинат Шуплякова охрана была поставлена по всем правилам, разработанным еще во времена СССР для режимных объектов. Плюс видеокamеры по всей территории, передающие одна другой человека, попавшего в их поле зрения, откуда бы и куда бы он ни направлялся. Да, видеокamер не было во втором корпусе, но ведь в него не попадешь, минуя охрану и наружное видеонаблюдение.

Не успел Шупляков опросить и половины тех, кто попал в его списки, как ему сообщили о точно таких же по содержанию надписях на гаражах у Гнилого оврага. То есть происшествие, которое можно было бы как-то локализовать в стенах комбината, выплеснулось наружу и стало достоянием всего города. Собственно говоря, Шуплякову от этого не стало ни жарко, ни холодно. Он даже почувствовал некоторое удовлетворение от всего этого хотя бы потому, что никакой симпатии к Осевкину не испытывал. Однако антипатии антипатиями, а дело делом. Здесь можно даже повольничить, ссылаясь на трудности, на ограниченность своих возможностей и прочее. Олегу Михайловичу очень не хотелось предстать перед работниками комбината и жителями Угорска в роли полицейского, для которого буква закона превыше человеческих отношений, тем более что эта буква стоит на стороне Осевкина, хотя и бывшего бандита, но состоявшегося предпринимателя, трогать которого нынешним властям нет никакого резона. Поверхностный анализ, основанный на степени высыхания краски, показал: черная надпись на стене корпуса появилась как минимум за два дня до того, как ее обнаружил сам Осевкин. Следовательно, ее или не замечали все это время или делали вид, что не заметили.

Далее. Сравнительные фотографии надписей на гаражах с надписью во втором корпусе, полученные с помощью цифровой камеры, свидетельствовали, что они сделаны разными людьми. А на гаражах — так не менее чем тремя писакami. Что касается надписи во втором корпусе, то было совершен-

но непонятно, как ее вообще умудрились сотворить, если иметь в виду двенадцатиметровую высоту стены, лишенной каких-либо зацепок, и почти двухметровые буквы.

Ничего не объясняли и обнаруженные в подсобке две раздвижные лестницы и одна стремянка. Стремянка отпала: даже если встать на самую верхнюю ступеньку, то и в этом случае, будь ты хоть каким эквилибристом, не получится то, что получилось. То же самое и с лестницами. Чтобы сделать такую надпись, нужно передвигать лестницу через каждый метр. То есть слезать, снова залезать и так далее. Правда, поскольку лестниц две, можно переходить с лестницы на лестницу, не спускаясь на пол, но тогда возникает вопрос: сколько же человек участвовало в этом? Конечно, писание с помощью баллончика упрощает дело, но время... И новый вопрос: сколько надо было потратить времени на эту работу? И при этом быть уверенным, что никто из чужих не войдет. Да еще в полной темноте. Потому что включение света там, где ему не положено гореть, сразу же фиксировалось на пульте слежения. А места роботы, которые вели все три бригады в свои смены, были удалены от стены с надписью на приличное расстояние и, следовательно, освещению не подлежали. Значит, фонарик. Но надпись сделана будто по линейке...

Правда, есть еще кран-балка, но пользоваться ею можно лишь с разрешения дирекции комбината, то есть в том крайнем случае, когда надо заменить какую-то часть конвейера, а все остальное время она стоит отключенной от электросети и даже запертой на замок и опломбированной.

И то, что казалось сначала простым, обрастало все большими трудностями, пока Щупляков не пришел к выводу, что искать на комбинате не имеет смысла: никто ничего не скажет. Тогда он решил зайти с другого бока — со стороны мальчишек, расписавших гаражи. Потому что никто, кроме мальчишек, сделать это не мог. А уж через них выйти на их отцов. Он даже увлекся этим своим расследованием, первым в его жизни. Ему хотелось взглянуть в глаза тем, кто это сделал, понять, кто стоит за этим, как глубоко разрослось недовольство, стоит ли ему поддерживать недовольных, оставаться нейтральным или принять сторону Осевкина. Над всем этим надо было хорошенько подумать, чтобы не прогадать, потому что однажды он прогадал, встав на сторону не тех, кто рвался и пришел к власти в начале девяностых прошлого века, а в результате его вышвырнули из органов, как человека не только бесполезного, но и вредного.

Рабочий день первой смены давно закончился. Щупляков закрыл свой кабинет и, как обычно, обошел территорию ком-

бината, проверяя охрану и работу телекамер. Сделав дежурному кое-какие распоряжения, вышел за проходную. Постоял немного, оглядываясь, будто вспоминая что-то позабытое, но важное, затем пошагал в сторону жилого комплекса Ручеек, в одном из домов которого находилась его квартира.

Солнце, между тем, переместилось, постепенно погружаясь в огненную купель зари. Шупляков наморщил лоб, вспоминая, откуда у него это сравнение зари с купелью, но так и не вспомнил. Смеркалось.

Глава 10

Дома Шупляков переоделся, нахлобучил на голову широкополую шляпу, на глаза — большие защитные очки.

— Куда это ты собрался, Олежка? — спросила жена, выйдя из спальни, скользя одной рукой по стене, а, увидев маскарад на своем муже, которым он пользовался в те годы, когда только начинал работать в КГБ, округлила черные глазщицы, прошептала: — Олеженька, что это значит?

— Абсолютно ничего не значит, — с беспечной улыбкой произнес Шупляков. — Пожалуйста, не беспокойся. Я вернусь минут... примерно через час-полтора. Ужинай без меня...

Вид у нее был очень болезненным. У Шуплякова защемило сердце. Он подошел к ней, приобнял за плечи, слегка разлохматил ее прямые жесткие волосы, тронутые сединой, но они тотчас же приняли прежнее положение. Эта скупая ласка идет у них с тех давних пор, когда они были молодыми, а ему, лейтенанту госбезопасности, как всегда, нужно ухаживать. И чаще всего неожиданно, и чаще всего в ночь. В ту пору жена была молодой, стройной, жизнерадостной, здоровой женщиной. И вот уже который год что-то точит ее изнутри, отнимая силы и надежды. И все это следствие давней автомобильной аварии.

— Извини, дорогая, мне нужно идти. Не провожай. И не волнуйся, — чмокнул жену в щеку и вышел за дверь.

Вызвав лифт, он спустился на второй этаж, постоял, прислушиваясь: на первом этаже разговаривали. Вызвали лифт. Голоса сместились и стали глуше. Лифт, пощелкивая, полез вверх. В глубоком колодце лестничных пролетов установилась настороженная тишина. Шупляков достал из кармана пакет, из пакета что-то лохматое, в полумраке на ощупь приклеил себе седую бороду и усы. Затем спустился на первый этаж, прошел в стороне от бдительной консьержки, еще несколько ступенек к двери черного хода, открыл ее ключом,

вышел и пошагал, прихрамывая, опираясь на палку, к окраине города, время от времени проверяясь, не идет ли кто за ним следом. Нет, никто не шел.

За последними «хрущебами» кончалась цивилизация и начинался частный сектор — без асфальта, водопровода, канализации, газа. Газ, правда, был, но в баллонах, имелось электричество, несколько водоразборных колонок на пересечении улиц с переулками, а кое у кого колодцы во дворах. Над крышами торчали печные трубы. Щупляков брел по пыльной улице мимо домишек, построенных задолго до начала двадцать первого века. Крытые где шифером, где железом, где только рубероидом, уже во многих местах поросшим густым ярко-зеленым мхом, они таращились подслеповатыми окнами сквозь листву деревьев и кустов на дома противоположной стороны улицы. За заборами неспешно пошевеливалась чужая, неинтересная жизнь.

Возле аккуратной калитки в таком же аккуратном заборе, за которым густо разрослись кусты сирени и жасмина, Щупляков остановился и постучал в него палкой. Прошло минуты две-три, прежде чем открылась дверь и на крыльцо вышел человек лет шестидесяти, в пузырьчатых штанах неопределенного цвета и покроя, в линялой безрукавке, облежавшей широкую грудь и покатые плечи, в которых еще угадывалась былая сила. Он с прищуром глянул на стоящего у калитки человека, спросил:

— Чего надо?

— Поддай убогому на пропитание, мил человек, — хриплым голосом ответил Щупляков.

— Не там просишь, дед, — послышалось в ответ.

— У кого ж, мил человек, и просить, как не у таких же убогих, как я сам? Не в «Ручейке» же. Так там не только не подадут, а еще и по шее накостыляют.

Мужчина на крыльце явно раздумывал. Затем спустился по ступенькам, подошел к калитке, взялся за штaketины руками, спросил негромко:

— Щупляков, ты, что ли?

— Черт тебя обманешь, — коротко хохотнул Щупляков, но тоже тихо, с оглядкой.

Мужчина открыл калитку, пропустил гостя, посмотрел влево-вправо, и только тогда пошел следом.

Они сидели за столом, рассматривали друг друга и молчали. Хозяин, с лицом, изрезанным морщинами, смотрел из-под лохматых бровей весьма неласково; Щупляков, не сняв бороды и усов, но без шляпы и очков, с легкой усмешкой.

Первым не выдержал хозяин, спросил:

— Говори, с чем пожаловал.

— С чем пожаловал, чуть позже. А пока небольшая предыстория. О том, что Алексей Дмитриевич Улыбышев обосновался в Угорске, я узнал от Левина. Это тот Левин, который из Четвертого управления. Он меня и рекомендовал Осевкину. Я тогда на мели сидел, выбирать было не из чего. А что тебя не навестил, так исключительно потому, что берег для особого случая.

Говоря так, Щупляков лукавил: не навестил он своего бывшего сослуживца не потому, что берег для случая, хотя и это нельзя сбрасывать со счетов, а исключительно потому, что бывший подполковник госбезопасности Улыбышев был весьма трудным человеком. Трудным он был и для начальства, которое желало иметь в подчинении исполнительного дурака, чем умника, желающего знать больше, чем ему положено. Улыбышева вытурили из органов за год до того, как все начало разваливаться. И, скорее всего, потому, чтобы не мешал этому развалу. А вслед за ним и тех, кто работал с Улыбышевым. Щупляков оказался в числе прочих. Он понимал, что, хотя все это осталось в прошлом, но в очень недалеком прошлом, потому нет никаких гарантий, что Улыбышев не стоит в этом городке на каком-нибудь учете, и всякий, являющийся с ним, тоже может попасть под этот учет. Тем более у Щуплякова не было желания встречаться со своим бывшим начальником, который знал не только сильные, но и слабые стороны своего подчиненного.

— И что, такой случай наступил? — спросил Улыбышев.

— Думаю, что да, — ответил Щупляков, и на этот раз он не лукавил: Улыбышев, действительно, мог ему пригодиться.

— За тобой следят?

— Не замечал. Но... береженого бог бережет. Да и ситуация такая, что лучше для меня и для дела, чтобы Осевкин о наших связях не знал.

— Слышал я кое-что о вашей ситуации. Городок маленький, муха не пролетит, чтобы кто-то ее не заметил.

— Это я понял довольно скоро. С одной стороны хорошо, с другой — не очень.

— Обычная вещь, — подтвердил Улыбышев, оторвав от стола ладонь в предупреждающем жесте. Затем, повернувшись лицом к двери, позвал: — Гюлечка! Зайди на минутку!

Вошла женщина лет тридцати, в шелковых зеленых шароварах и черной жилетке поверх расшитой бисером зеленой же блузки, длинные черные волосы заплетены в одну толстую косу, брови взлет, скуластенькое калмыцкое лицо,

черные миндалевидные глаза, губы бантиком. Быстрый взгляд на гостя, тихое «здравствуйте», и глаза остановились на муже с покорным ожиданием.

— Сделай нам, пожалуйста, чаю. Ну, там... еще что-нибудь.

Молча повернулась и вышла.

— А Вера, жена твоя? — не удержался Щупляков.

— Погибла в авиакатастрофе.

— Извини.

— Ничего. Давно это было, — произнес Улыбышев. Помолчал, заговорил, несколько помягчав лицом: — А я все думаю: и как это ты можешь жить рядом со мной уже почти два года и ни разу не заглянуть? Думаю: не иначе как продал Щупляк душу бандитам за кусок немецкой колбасы.

— И не стыдно тебе так думать? Мало, что ли, мы с тобой соли съели? Мало под огнем были?

— Э-э, Щупляков! И с другими соль ел, и под огнем бывал, а во что превратились эти другие, лучше и не вспоминать.

— Да, ломает время нашего брата. Ломает. Но не всех же.

— Если бы всех, и жить не стоило бы. А так что ж... Вспомнишь одного, другого, третьего... из настоящих товарищей, разумеется, — и на душе станет теплее.

— Вот и у меня то же самое, — согласился Щупляков, хотя ничего подобного у него не было: не любил он вспоминать прошлое, в котором было всякое — и хорошее, и плохое, и сам он тоже был всяким по отношению к своим товарищам и своему делу. И Улыбышев обо всем об этом знал. Или догадывался. Но он, Щупляков, пришел сюда не для того, чтобы ворошить прошлое.

Бывший подполковник КГБ Улыбышев тоже не собирался ворошить прошлое, но оно само напомнило ему о себе. И как раз в отношении Щуплякова. Не жаловал Улыбышев этого сынка генерала КГБ Щуплякова, заведующего административно-хозяйственной частью. Всем было известно, что это по его протекции сына перевели из десантников в работники Управления контрразведки. Прошло какое-то время, Улыбышев оказался в Афганистане, и уже под конец этой необъявленной войны в его оперативную группу по борьбе с караванами оружия для моджахедов неожиданно прислали Щуплякова. Только потом он узнал, что был какой-то конфликт между Щупляковым и его начальством, что Щуплякову грозило увольнение из органов и что он сам напросился в Афганистан — то ли искупить свою вину, то ли замять неблагоприятное о себе впечатление. Но, даже не зная никаких подробностей, Улыбышев, едва Щупляков появился в его

хозяйстве, сунул папиного сынка в самое пекло, чтобы проверить, и, если что, тоже избавиться от не слишком симпатичного человека. Но Щупляков повел себя вполне достойно, пулям если и кланялся, то в пределах допустимого, за спины других от опасностей не прятался, две операции, ему порученные, провел вполне успешно, за что был награжден орденом боевого Красного Знамени, хотя другим за то же самое давали не больше «Звездочки». Черт его знает, может до этого капитан Щупляков делал не свое дело, а тут, так сказать, нашел себя и показал, что не такое уж он дерьмо, как о нем думают. Все может быть. Но настороженность у подполковника Улыбышева к своему подчиненному осталась. И она в некотором смысле оправдалась, когда начался вывод войск: Щуплякова в Союз вывозил его отец спецрейсом вместе с огромными ящиками, а что было в тех ящиках, если кто и знает, то помалкивает. С тех пор Улыбышев Щуплякова-младшего не встречал, а доходившим до него слухам не придавал значения. Через какое-то время генерала Щуплякова хватил инсульт — и сын остался без прикрытия, а затем и без погон: времена наступили мутные, не поймешь, кого за что наказывают, а кого милуют и почему. Самого же Улыбышева призвали вновь, когда началась катавасия в Чечне, вернее, когда новые скороспелки там наломали дров, без всякой пользы гробя своих солдат. Улыбышева пригласили в Управление по борьбе с терроризмом, объяснили обстановку и предложили возглавить спецбатальон. Щуплякова там и близко не было видно. Впрочем, подполковник Улыбышев о нем и не вспоминал.

Вошла Гюля с подносом, расставила чашки, чайник, тарелки, разложил на них соленые рыжики, свежие огурцы, помидоры, зелень и сыр. Поставила бутылку водки и вышла.

— Она всегда такая молчаливая? — Спросил Щупляков.

— Ну что ты! Это только при гостях. А когда вдвоем, заведется — не остановишь. А как твоя Анна?

— Болеет. И уже давно. Где только ни лечили — все без толку.

— А помнится, бойкая дивчина была...

— Много чего было, да быльем поросло.

— Ну, давай выпьем по маленькой. И поговорим о твоих делах.

Выпили молча. Закусили. Затем Щупляков коротко рассказал о том, что произошло на комбинате.

— Я понял, что Осевкин не порвал с бандитами, и когда в них возникает необходимость, он вызывает их... скорее всего из Москвы, и они действуют. Да и в самом Угорске у него имеется своя тайная полиция, которая вершит суд и распра-

ву над неугодными Осевкину людьми. Получается хреновина с морковиной: если я ничего не предприму, Осевкин примет свои меры. Что это будут за меры, нетрудно догадаться. Надо действовать на опережение, а мне не на кого опереться. Такое вот положение.

— И ты хочешь, чтобы я тебе помог, — произнес раздумчиво Улыбышев.

— Хочу. Я знаю, что у тебя наверняка есть связи с нашими афганцами. К тому же ты был в Чечне. И там у тебя были свои люди. Да и здесь у тебя наверняка есть друзья, которым Осевкин не нравится. Как, впрочем, и все остальное шобло... Нельзя ли кого-нибудь из твоих людей привлечь к этому делу? Человека два-три, не больше.

— Попробовать привлечь, конечно, можно. Но, сам понимаешь, каждый новый человек в нашем городке обязательно бросится в глаза — Осевкин насторожится. Он здесь давно, и, сам же говоришь, у него имеется своя агентура. Плюс милиция-полиция, которая кормится из его рук... Ты знаешь, что он сделал с прежним начальником райотдела?

— Говорили, что пропал...

— Пропал — не то слово. Они его увезли в лес, к болотам, раздели догола и сунули в муравьиную кучу. А еще комары. К утру от него мало что осталось.

— Про его жестокость еще в Москве ходили легенды...

— Которые он сам чаще всего и выдумывал. Твой Осевкин не так прост, как кажется.

— Я это уже заметил. Хотя и особым умом не отличается.

— Как знать, — пожал плечами Улыбышев. — Но если он почувствует, что ты ведешь двойную игру...

— Вот поэтому мне и нужны толковые ребята из твоей опергруппы. Насколько мне известно, большинство из них перебивается с хлеба на квас...

— Не все, не все. Некоторые неплохо устроились. И деньги хорошие, и работа не пыльная. Но я, так и быть, попробую связаться кое с кем из них. Все дело том, как ты их собираешься использовать.

— Исключительно для выяснения агентуры Осевкина.

— Ну, положим, выяснил, а что дальше?

— Дальше по обстоятельствам. Дело в том, что на комбинате — а может быть, и в масштабах города, — назревает конфликт. Как нынче говорят — социальный. Было бы неплохо знать, в какой стадии этот конфликт находится и в какую сторону будет развиваться.

— Ты, что, хочешь его предотвратить? Или, наоборот, раздуть еще больше?

— Время покажет. Но в любом случае не мешает держать, как говорится, руку на пульсе. Тем более что могут быть провокации со стороны Осевкина или городских властей.

— Странно, — произнес Улыбышев. — Раньше тебя такие ситуации, насколько я помню, не интересовали.

— Это самое раньше, Алексей, ушло в прошлое. А жить приходится в настоящем. И я, честно говоря, не хочу быть втянутым в это дерьмо. Более того, скажу тебе, если события примут, как у нас обычно бывает, непредсказуемый оборот, то пострадают совершенно невинные люди. Нам это надо?

— Нам — это кому? Тебе и Осевкину?

— Да плевать я хотел на Осевкина! Я бы сам придушил его своими руками. Я за людей опасаюсь. Кстати, Алексей, — подался Щупляков к Улыбышеву, — ты случаем не знаешь, что представляет собой директор школы Лукашин?

— А он с какого тут бока?

— Еще не знаю, но есть некоторые основания думать, что как-то причастен к этому делу. Во всяком случае, из разговоров известно, что имеет большое влияние на местную молодежь.

— Что имеет влияние, это, действительно, известно всем. Но Лукашинных двое: Филипп Афанасьевич и Николай Афанасьевич. Первый старше второго на два года, он-то и работает директором старой школы. У него двое детей, дочь и сын. Оба учатся в Москве. Филипп Афанасьевич преподает историю, географию, русский язык и литературу — учителей у нас не хватает. Насколько мне известно, нынешнему всеобщему оплевательству прошлого России и СССР не поддался, учит детей рассматривать события в контексте исторических реалий. Мой Володька учился у него, когда тот еще и директором не был. Именно поэтому и поступил в МГУ на исторический факультет. Филипп Афанасьевич особым доверием у нынешних властей не пользуется. Но дети его любят. Сейчас он директорствует в летнем лагере, водит ребятшек по местам боев, ищут не погребенных солдат. Его и его следопытов показывали, между прочим, по Центральному телевидению. Что касается его брата, Николая Афанасьевича, то это особая статья. Он работал начальником производства на деревообрабатывающем комбинате до того, как его захватил Осевкин. В советское время этот комбинат кормил весь город. Тут пилили лес, делали канцелярскую мебель и всякую мелочевку из дерева, штамповали древесно-стружечные плиты. А в девяностых наступила разруха, ну и... Дальше ты и сам знаешь. Осевкин предлагал ему остаться, но Николай Афанасьевич не только не остался, а начал борьбу против

Осевкина. В результате ему инкриминировали растрату, использование должности для личного обогащения и неподчинение властям. Присудили пять лет. При этом год добавили за то, что обратился к судье не «ваша честь», а «ваша нечесть». Отсидел четыре: выпустили досрочно. Озлобился. Вернулся, устроился егерем и лесником. У него в городе жена и сын. Старшая дочь замужем. Здесь не живет. В городе появляется редко... Тебя что, собственно говоря, интересует? — спросил Улыбышев, требовательно уставившись на Щуплякова.

— Есть у меня свой человек среди работников комбината. Так вот, он утверждает, что видел возле гаражей у Гнилого оврага мальчишек, и среди них сына Лукашина, Павла...

— Павел — это сын Николая Афанасьевича.

— Я так и подумал, — кивнул головой Щупляков. — Но самое неприятное — под этими художествами мой человек обнаружил подпись: «Лига спасения России».

— Да ты что? Seriously?

— Более чем. Хотя уверен: никакой лиги не существует. Мальчишеские фантазии и чтобы было пострашнее.

— Да-а, — протянул Улыбышев. — Это дело серьезное. Если Угорский об этом пронюхает, то шуму будет много. Чего-чего, а раздувать из мухи слона он умеет. И тогда эти мальчишки могут предстать скинхедами, фашистами, русскими националистами и даже террористами. Подхватит телевидение, западная пресса, и все в том духе, что нынешним порядочным бизнесменам в таких условиях остается выживать, используя аналогичные методы. И, разумеется, на этих мальчишек можно будет списать многие преступления, которые творят Осевкин, милиция... тьфу ты, черт! — все время забываю, что она у нас уже называется полицией! — и все остальные городские власти.

— Угорский — это не тот тележурналист, который прославился в Москве подглядыванием в постели некоторых знаменитостей? — спросил Щупляков.

— Он самый. А ты что, за два года с ним так и не познакомился? — спросил Улыбышев, и в голосе его Щупляков уловил сомнение.

— Не было ни повода, ни желания, — ответил он, передернув плечами.

— Признаться, меня и самого этот грязный тип мало интересует, — признался Улыбышев. — Знаю, что здесь он подвзался редактором местной газетенки после того, как прежнего редактора, Мирона Дьяченко, нашли убитым в старых армейских бараках. Находится на содержании у Осевкина.

Сволочь порядочная. Настоящая его фамилия Гренкин. Но у нас он проходит как Гречихин. Угорский — его псевдоним.

— Это что — двойной псевдоним?

— Не знаю: я документов его не видел. Зато знаю, что он сидел в конце восьмидесятых. Если верить тому, что он говорит, сидел за правду.

— Все они теперь говорят одно и то же, — отмахнулся Щупляков. — А копни поглубже — наркотики, валюта, спекуляция...

— Вот именно. А кое для кого это было чуть ли не смыслом существования. И сегодня они у руля, — подхватил Улыбышев. И тут же потух. — Надеюсь, газетенку его в руках ты держал, уровень ее себе представляешь, следовательно, и уровень самого редактора.

— Держал. Представляю. Ее даже желтой не назовешь. Что-то вроде отхожего места общего пользования. Это и есть самое страшное, — произнес Щупляков звенящим голосом.

— Самое страшное не это, — качнул мослаковой головой Улыбышев. — Самое страшное, что мы с этим смирились.

— Уж не хочешь ли ты, Алексей, вернуть прошлое?

— Нет, не хочу. Во-первых, это невозможно. Во-вторых, не нужно. Или мы с тобой мало натерпелись в том своем прошлом от дураков в больших погонах? Извини, я не имею в виду твоего отца, — поправился Улыбышев. — И я не о прошлом говорю, а о рабской покорности — с одной стороны, и хамстве — с другой. Однако, судя по надписям, что появились в городе и на комбинате, эта покорность подходит к своему пределу, — уже более спокойно закончил он, и Щупляков понял, что бывший его командир над этим думает и никак не может смириться с тем, что произошло в начале девяностых.

Некоторое время молчали, каждый о своем. Улыбышев о том, что зря он разоткровенничался перед человеком, которого, собственно говоря, совершенно не знает; Щупляков о том, что связываться с таким человеком, как Улыбышев, опасно: еще вовлечет в какую-нибудь авантюру, из которой не выберешься. Но выбора не было, а двойственное свое положение надо как-то приводить к одному знаменателю, что невозможно сделать без посторонней помощи.

— Давай, выпьем по одной, если это не во вред твоему здоровью, — предложил Улыбышев и, не встретив отказа, разлил водку по рюмкам. — Предлагаю выпить, чтобы покорность эта и терпение поскорее перешагнули свой предел.

— Поскорее — вредно. Должны созреть известные условия: верхи не могут, низы не хотят, — напомнил Щупляков,

на что Улыбышев не ответил ничего, лишь глянул на своего бывшего сослуживца с любопытством и недоверием к его приверженности марксистским догмам.

Выпили, закусили.

Щупляков, подняв руку, посмотрел на часы.

— Спешишь? — вскинулся Улыбышев.

— Есть немного. Ты хотел что-то сказать...

— Хотел спросить. Что за шишка появилась у вас на комбинате? Нескин — знакомая фамилия. Только не могу вспомнить, откуда.

— Он вместе с Осевкиным произвел рейдерский захват этого комбината в конце девяностых.

— Да-да-да! Как же это я позабыл! — воскликнул Улыбышев. И качнул седой головой: — Память стала уже не та. Впрочем, меня в ту пору в городе не было. — Затем спросил: — Что ты еще знаешь об этом Нескине?

— Да не так уж и много. Родом из Одессы. В начале семидесятой семья перебралась в Москву. Его отец, Давид Моисеевич Еловский, был директором одного из московских ресторанов, числился «теневином», сел на большой срок с группой таких же прохиндеев. Его сын, Аарон, взял фамилию матери. Ну и, как говорится, яблоко от яблони... Сейчас живет в Германии, у нас представляет концерн братьев Блюменталей. Это те, которые вывозили в Израиль доллары чемоданами. На их же деньги построена наша ФУКалка. Приехал ревизором. Вот, собственно, и все, что я о нем знаю. Зато знаю наверняка, что такие, как Осевкин, до сих пор ходят под такими наставниками, каким является Нескин. И так называемая десталинизация, которую они затеяли, сидя за бугром, им понадобилась для того, чтобы не получить в конце концов деэльтинизацию со всеми вытекающими последствиями.

— Что ж, их понять можно: с нахапанными деньгами и властью еще никто так просто не расставался, — произнес Улыбышев. Затем в раздумье пожевал губами, точно решая какую-то трудную задачу. Щуплякову даже показалось, что он хотел что-то добавить или предложить, но в последнюю секунду передумал.

В окно постучали.

Оба обернулись и увидели за стеклами смутное пятно человеческого лица.

Улыбышев хотел подняться, но пятно исчезло, затем слышались голоса — мужской и женский, дверь открылась, заглянула Поля и сообщила:

— К нам Сорокин.

— Пусть подождет на кухне, — распорядился Улыбышев, испытующе глянув на Щуплякова.

Тот сразу же поднялся, стал прощаться.

— Погоди минутку, — произнес Улыбышев. Затем спросил: — Как мы будем связываться, если что?

— По мобильнику, — ответил Щупляков.

— Мобильник не годится. Ты вот что... У меня тут есть армейские рации: остались с прошлых времен. Их не засекут. Сейчас принесу, — сказал Улыбышев и вышел.

Его не было минут пять. Вернувшись, он протянул Щуплякову пакет. Спросил:

— Как пользоваться, не забыл?

— Разберусь, — ответил Щупляков, засовывая сверток в карман.

Улыбышев вышел проводить. Проходя по коридору, Щупляков увидел в полуоткрытую дверь кухни знакомый профиль человека, работающего на комбинате бригадиром наладчиков. В голове промелькнуло: «Улыбышев и Сорокин. Какая между ними связь?»

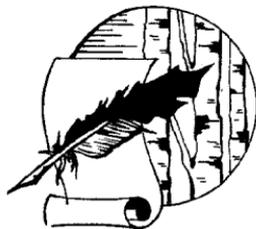
И, будто отвечая на его вопрос, за спиной раздался негромкий голос хозяина:

— Сосед мой. Живет тут неподалеку. Заядлый огородник.

Возле калитки они расстались. У обоих осталось ощущение ненужности и бесполезности этой встречи. И даже какая-то неловкость от нее. Доверие, возникшее между ними на какие-то мгновения, растаяло, и дело заключалось даже не в том положении, которое каждый из них занимал в настоящее время. Не в тех словах, что были произнесены, а в том прошлом, которое никуда не ушло, продолжая оказывать влияние на их мысли и поступки.

Улыбышев долго смотрел вслед уходящему в полумрак слабо освещенной улицы Щуплякову. Но тот так ни разу и не оглянулся.

Продолжение следует

Владимир МОЛЧАНОВ

Я СИЖУ У ОКНА

ДЯДЯ ВАНЯ

В родном селе — к чему названье,
Ведь я храню его в душе,
Живет садовник дядя Ваня —
Давно на пенсии уже.

Он не всегда как надо выбрит,
Зато с соседями в ладу.
Любил по молодости выпить
И спать под яблоней в саду.

Всегда уважит — не откажет.
... И вот опять я с ним стою
И жду, когда же он расскажет
Про грусть нехитрую свою.

А было все не так уж грустно.
В давно запечатном году
Крепчала хрусткая капуста
И зрели яблоки в саду.

Росли арбузы... Мы же, дети,
Желаньем лакомства полны,
Тянули их к себе за плети
Неописуемой длины.

И пацанячью ту атаку,
Как мог, дядь Ваня отражал,
Но, как мне помнится, собаку
Всегда на привязи держал.

Пришел один — к чему детали?! —
Чтоб застрашать нас на века,
Вслед брызги соли вылетали
Из пасти злой дробовика.

Трехпалый свист! — аж глохнут уши.
...И вот я думаю с тоской
Про эти «яблони и груши»
И про «туманы над рекой».

И стало явственно виднее.
Что сад, как чуб мой, поредел.
И стал намного я беднее,
Что дядя Ваня не у дел.

Навстречу мне идут селяне,
И я навстречу им иду.
Вот только жаль, что дядя Ваня
Не спит под яблоней в саду..

* * *

С высоты полёта птичьего
В океане бирюзы
Открывается величие
Среднерусской полосы.

Нет, не в том оно, что старицы,
Словно ниточки, внизу,
Что березы, как кустарники
В раскорчёванном лесу.

Высотой всё уменьшено:
Дом и дуб на берегу,
Кажутся с граблями женщины
Девочками на лугу.

Под крылом театром кукольным
И мое плывет село,
И церквушка древним куполом
Излучает в высь тепло.

Слышен ветра посвист радостный!
Но мелькающий пейзаж,

Внешне вроде и безрадостный,
Очень русский, очень наш.

Он таит в себе величие,
Что сходить нам не велит
С линии полета птичьего
И с космических орбит.

* * *

У природы свой расклад.
Вот и снова листопад.
Времечко осеннее,
Листьев вознесение.

По тропиночке иду
В обеспложенном саду.
А на небе знатные
Облака закатные.

Знобкий вечер. Тишина.
Разгорается луна.
Тьма искрится звездная.
Время жизни позднее.

Устремляю взгляд назад,
Возвернуть хочу закат.
Ах, судьба осенняя,
Нет в тебе спасения...

* * *

Завожу патефон... И меняю пластинку.
Нахожу поновее иглу.
Подымается звук... И растет, как лозинка,
Как сосуд на гончарном кругу.

Я сижу у окна, отчий край вспоминая,
Мамин голос и взгляд, как во сне.
А пластинка поет то про волны Дуная,
То о брызгах шампанского мне.

И опять, и опять память губы мне сушит,
Учит самым святым дорожить.

Как же чутко могла мама музыку слушать,
Как умела счастливою быть.

Это время давно безвозвратно промчалось,
Отшумело листвою раки.
...Завожу патефон. И, о прошлом печалюсь,
Задушевно пластинка хрипит...

ВОСПОМИНАНИЕ

День прошел — прошла забота,
Вечер скучен и сердит.
Выйдет мама за ворота,
На скамейке посидит.

В дом вернется и с порога
Скажет мне, чтоб не дремал:
«Ты, сынок, хотя б немного
На баяне поиграл...»

Стает лучик в стеклах рамы.
И до самой темноты
Я солирую для мамы,
Я пою до хрипоты.

Полнят горницу всю звуки,
Песня горлицей летит.
На меня, скрестивши руки,
Мама солнечно глядит.

Всё в былом... И песня спета.
Воздух памяти горчит.
Мамы нет уже на свете,
И баян в углу молчит...

* * *

М. Кулижникову

Нет ни тучки в синеве,
Впору ветру дунуть.
Хорошо лежать в траве —
Ни о чем не думать.

С ребятнею пошутить,
Дым пускать колечком.
И блаженство ощутить,
Бултыхнувшись в речку.

Не спешить, да и не ждать,
Прикорнуть в цветочках.
Хорошо в траве лежать,
Хорошо — и точка.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

В ОЖИДАНИИ МЕТЕЛЕЙ

У ПОРТРЕТА ОТЦА

И март, а захлопнуты двери,
И тень не уходит с крыльца...
Я нынче немногому верю,
Вот разве... портрету отца.

Курносый, и сдвинуты брови
(В те дни на войну уходил).
Не словом досужим, а кровью
За общую славу платил,

За дом и за маленьких дочек,
Чтоб было кому помянуть...
Немало сегодня охочих
К святыни победной прильнуть.

Не веря ни в чёрта, ни в Бога,
Они на плаву навсегда.
Заслуженные демагоги
Берут без потерь города

Не веря ни в чёрта, ни в Бога,
Страну оседлали уже...
Но видно, всё мало уроков
Доверчивой русской душе...

* * *

Дремлют сосны, дремлют ели
И давно березы спят.
В ожидании метелей
Дни осенние стоят.

Темной ночью дождь польется,
А наутро стихнет вдруг.
Дрогоценнейшее солнце
Оживляет всё вокруг.

Ёлка шишками дарует:
«Чем богата», — говорит.
Кошка в кухне озорует,
Цапнуть мясо норовит.

И, как будто извиняясь,
Дует с неба холодок...
Разыгрался день — на зависть
Утру, полному тревог.

ПАМЯТИ ЛЕВИТАНА

Еще не ела непогода
Ни души и ни письмена,
Еще цвела она, природа,
Еще звенела тишина.

Еще была дороже хлеба
Сень православного креста,
Еще так много было неба,
Что уходила суета.

Еще цунами потрясений
В мозгу лелеял гимназист,
И так была прозрачна зелень,
Так воздух праздничен и чист...

Еще душа светилась в лицах,
Еще не зла метель была,
Еще царили над столицей
Певцы небес — колокола...

СТАРЫЙ ПАРК

Ноябрьские осенние деньки...
Последние к зиме приготовления,
И старый парк наполнен грустной ленью
И засыпают тропки у реки.

А ели отражаются в реке,
Буравят дно верхушками своими,
Но вот опавший лист прошепчет имя —
Ее, его ли, — и рука в руке...

Что будет завтра, знает только Бог,
А нынче — парка вековая песня
И нет ее, пожалуй, интересней,
Хотя сквозит тревога между строк...

БЕЗ ДУШИ

Пускай в кармане — ни гроша,
Но дело, в общем-то, не в этом.
Ведь если есть она, душа,
То и не зря живешь на свете.

Люби прекрасное, дыши...
Но замечаешь поневоле:
Всё больше этих — без души.
С другой они планеты, что ли?

Им на Россию наплевать,
Они уже не очень люди,
И, если выйдет воевать,
Они оставят дом и мать,
Зато за доллар встанут грудью!

ПОЭЗИЯ НОВОЙ ВОЛНЫ

Всё смешано: и рай, и ад с котлетой,
Пожар любви и всполохи в пути...
Густые строки нервного поэта
Не позволяют мимо них пройти.

Они грубы, и сделаны не очень,
Как самодельной выделки топор,
Но нерв кипит, и что-то нам пророчит,
О чем не помышляли до сих пор.

В них страсти гул, и наше время видно,
Как жгучие закаты над Невой, —
И всё же за гармонию обидно:
Всё меньше в них гармони живой...

СОСНОВАЯ АЛЛЕЯ

Ветер пролетел, взъерошив кроны,
Холодком всё сущее обдав...
Замирают сосны, как колонны,
От тягучей осени устав.

Воздух мысли добрые ледует,
По тропе утопанной ведёт...
Эта животворная аллея
Радует и силы придает.

Ничего, душа, себе не требуй,
Чуден поздней осени размах!..
И висит на кронах сосен небо
Оренбургской шалью в кружевах.

Где-то, может быть, не дремлют бесы,
Ну, а здесь, где нету места мгле, —
Вдаль глядишь и знаешь свое место
На прекрасной в общем-то земле.

Игорь КУНИЦЫН

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СНЫ

* * *

Голубиная повадка — набок голову и в перья
клюв засунуть на морозе и нахохлившись сидеть
на полоске теплотрассы или возле самой двери
незакрытого подъезда, лапки розовые греть.
Голубей облезлых тыщи бродят около вокзалов,
что бомжи им, и собаки, и голодные коты, —

только братья по несчастью, этих тоже всё достало,
этим тоже всё до фени, до сиреневой звезды.
Помню глупым идиотом, я, с такими же друзьями,
делал петельку из нитки, на асфальте хлеб крошил,
а потом ходил за птицей трудно машущей крылами.
Ты простишь меня за это? Я бы точно не простил!

* * *

Если помнишь, в четырнадцать лет,
в девяностом году, в перестройку,
ты поштучно купил сигарет
и пошёл с пацанами на стройку,

где охранник, по имени Стас,
одинокий и спившийся малый,
вечерами в бытовке для вас
Оригена читал «О началах».

И своими словами порой
говорил о любви и бессмертии,
вы бежали ему за второй,
он со стула валился от третьей.

Был уволен, поставлен другой,
отличающийся от предтечи,
гладковыбритый, молодой,
неподкупный, широкоплечий.

Дом достроили в том же году,
общежитие ГПТУ,
девятиэтажное здание.
Дискотеки, ночные свидания.

* * *

На кухне около окна,
заклеенного термолентой,
пытаюсь снившегося сна
припомнить странные моменты.

Вот озеро, оно на треть
покрыто ряской. Со сноровкой
рыбак распутывает сеть,
кладет в рюкзак и рядом с лодкой

он делит рыбу пополам,
а мальчик, что сидит спиною
к нему, гадает: эту — вам,
а эту — нам, и эту с тою.

И он сидит, и вижу я,
что это я сижу, гадаю,
и рыбу, что теперь моя,
из мокрых рук не выпускаю.

* * *

Я работал, работал, работал,
простудился и дома сижу.
Сам не знаю, чего мне охота,
отчего я всем телом дрожу?

Может, это от книги серьезной?
Там герою жилось нелегко.
Или это от ночи морозной,
что в моё заглянула окно?

Как бы ни было, надо лечиться,
пить таблетки и греть молоко,
обуваться, бежать за границу:
далеко, далеко, далеко.

Где герой этой книги остался.
За границей чего? Почему?
Простудиться в России боялся.
Погрузиться боялся во тьму.

* * *

Хлебопекарня и забор,
и через мост — дорога в город
от станции, где до сих пор,
зал ожидания как повод

в буфете взять аперитив,
купить холодную котлету,
и сесть за столик, закулив
с аперитивом сигарету.

И что-нибудь произойдет:
вбежит в медпункт начальник смены,
и медсестра уронит йод,
и брызнет йод на пол и стены.

Замотан носовым платком,
он кое-как дойдет до двери
и побледнеет, а потом
погибнет от кровопотери.

И долго будет горевать
та медсестра, что йод разлила,
она тайком его любила,
а он хотел с ней переспать.

* * *

Я на даче живу уже несколько дней,
не читаю газет, не смотрю телевизор.
Лишь ловлю в камыше золотых карасей
на душистую корочку хлеба с анисом.

Достаю из воды и кидаю в садок,
не вставая с травы, не гася сигарету.
Всё под боком, и чипсы, и пива глоток.
Завывает советская музыка где-то.

Ближе к ночи стихи начинаю писать,
засыпаю под утро и сплю до обеда.
Так и жил бы, да надо в Москву уезжать,
попросив присмотреть за участком соседа.

* * *

Стоишь на балконе рассеян,
с трудом подбираешь слова.
Укрытая снегом осенним
лежит под тобою Москва.

На солнце полуденном блещет.
Захочешь понравиться ей,
она тебя сделает вещью,
любимой игрушкой своей.

Любимой своей побрякушкой,
солдатиком в смертном бою,

пластмассовой выстрелит пушкой,
натравит пехоту свою.

Окружит, потребует сдаться,
но ты не сдавайся, солдат,
смотри, как красиво ложатся
снежинки на твой автомат.

* * *

Пароходик белый, белый пароходик,
ходит пароходик по реке пешком,
возит пассажиров, к берегам подходит,
с мачтою на рубке, с голубым флажком.

Если мне приснится, если я услышу
гул его мотора, голоса людей,
я куплю билетик, заберусь повыше,
крикну капитану: «Отплывай скорей!».

Я уже однажды, наяву, конечно,
было мне семнадцать (школьный выпускной),
суету оставил, дым пускал, колечки
улетали к небу с палубы ночной.

Из каюты вышел пьяный мой приятель,
быстро сделал дело и ушел назад,
музыку захлопнул, музыка некстати
выскочила следом, он не виноват.

Музыку захлопнул, тишину оставил,
стало невозможно думать о другом,
кроме как о жизни, кроме как о славе,
кроме как о смерти, больше ни о чём.

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 8. ФРАНЦИЯ: ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЁТ К КОРПОРАТИВНОМУ ГОСУДАРСТВУ

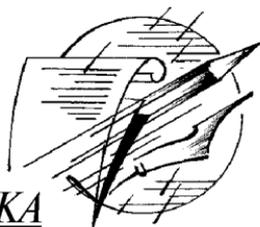
Французский опыт построения корпоративного государства неповторим, как и судьбы предпринимавших эти попытки двух величайших её деятелей минувшего столетия. Однако этот опыт невозможно понять, если не учитывать самое драматическое событие в её истории. Этой стране, на протяжении нескольких столетий бывшей гегемоном и культурным центром Европы, пришлось испытать катастрофическое поражение в войне с Пруссией 1870—1871 годов. С того времени во Франции были очень сильны реваншистские настроения. Историки, политологи и философы сходятся в том, что если и есть в мире страна, для которой убеждение в своем великодержавном предназначении важнее реальных фактов, его подтверждающих, то это Франция. Но...

Бессильные реваншисты

Говорят, что, начиная с Наполеона, французская политика представляет собой попытку восстановить былое ве-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

личие при полном отсутствии средств, которые делали бы это возможным. О величии грезили не только творцы внешней политики — эта идея стала частью национальной политической культуры. Это едва ли не антропологический характер убеждения французов в собственной избранности. Франция — страна, руководители которой сами являются частью общественного мнения, воспринимающего национальный престиж не в качестве средства достижения конкретных результатов, а в качестве самоцели, позволяющей испытывать исключительно сильные чувства самоудовольствования и снисходительности к загранице.

Жажда реванша и в то же время осознание того, что Германия значительно сильнее, определили политическую доктрину Франции в конце XIX — начале XX века. Франция не способна была самостоятельно защищать свою территорию и могла противостоять Германии только с помощью союзников. Надо было привлечь в качестве союзника свою прежнюю многовековую соперницу Великобританию, помня в то же время, что у неё не бывает постоянных союзников, а есть постоянные интересы. Нужно было иметь союзников в тылу Германии, которые могли бы в случае вооружённого конфликта навязать ей войну на два фронта. Ну, и нужно было постараться максимально ослабить Германию. Иначе говоря, для Франции в то время речь шла о выживании. Она оказалась страной, жизненно заинтересованной в создании Антанты, направленной против Германии.

Несмотря на недостаточное развитие тяжёлой промышленности и нехватку средств, Франция вела интенсивную подготовку к предстоящему реваншу — войне.

В Первой мировой войне

Ход Первой мировой войны хорошо известен, поэтому здесь можно обрисовать его (в той части, которая касается Франции) лишь в общих чертах. Немецкие войска вторглись во Францию, однако блицкриг им не удался. После первоначальных успехов немцы были остановлены французами. В 1914 году сражение у реки Марна было проиграно немцами. Война приняла позиционный характер, что не входило в планы немцев. В 1916 году немцы решили взять реванш под Верденом, но французская армия под командованием генерала Петэна устояла. Немалую поддержку ей оказало наступление русского Юго-Западного фронта («Брусиловский прорыв»). В боях, продолжавшихся 10 месяцев, у стен городка Вердена, превращённого в крепость, погибли несколько со-

тен тысяч воинов с обеих сторон. В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, и страна вынуждена была капитулировать.

Победа в войне досталась Франции дорогой ценой: 1 миллион 300 тысяч были убиты и 2 миллиона 800 тысяч ранены, 600 тысяч стали инвалидами. Экономика северо-востока Франции подверглась сильным разрушениям. Солидной опорой Франции послужила французская колониальная империя, которая оказалась вне театра боевых действий, но представляла солдат и рабочую силу.

Франция готовилась к новой войне, но... к прошлой. Старики в высшем командном составе полагали, что будущая война станет примерно такой же, как и прошедшая. Моторизация сухопутных войск рассматривалась ими как бессмысленное расточительство, танки и авиация считались неперспективными, а основу всего видели в пехоте и в «боге войны» — артиллерии. Готовились к оборонительной войне и строили укрепления на восточных границах — «линию Мажино» (но и та была доведена только до границы с Бельгией, севернее граница осталась незащищённой). Франция в случае войны рассчитывала на активные действия союзных стран, в частности Польши. Но только 2 мая 1935 г. был заключён с СССР пакт о взаимопомощи.

Предложения о переводе армии на контрактную систему комплектования отклонялись как несовместимые с устоями демократии. С 1935 по 1939 год численность французской армии в метрополии возросла с 350 до 462 тысяч человек. Из 1300 танков 1100 были легкими. Авиация имела всего 3335 самолетов. Военно-морской флот был обновлён и стал одним из лучших в мире, но ему, как и в 1914—1918 гг., отводилась скромная роль: сопровождать конвои и выходить в рейды.

Всё же в 30-е годы Франция была самым сильным в Европе государством в военном отношении. Она имела вторую после СССР по численности армию на континенте (хотя она была лишь тенью того, чем являлась в 1918 г.). Франция могла доминировать на континенте только при условии ослабления Германии, лучше всего — при расчленении её на ряд мелких государств и передачи части территории Германского рейха соседним вновь образующимся государствам (Польше и Чехословакии). Англия, опасаясь чрезмерного усиления Франции, была за сохранение единого германского государства как противовеса Франции.

Франция требовала, чтобы её граница с Германией проходила по Рейну. Но усиление Франции противоречило интересам США и Англии. Французские требования были ими отклонены.

США после окончания войны претендовали на роль ведущей страны мира. Они не хотели допустить чрезмерного усиления Англии и Франции и потому желали сохранить в качестве противовеса им сильную Германию, чтобы использовать её для укрепления своего влияния в Европе. Так уже не Германия, а Франция на определённое время стала основным потенциальным противником Англии и США, которые поэтому предоставляли Германии крупные займы для восстановления ее военно-экономического потенциала. Тем самым там создавался опаснейший очаг будущей агрессии.

Осенью 1922 года Германия обратилась к союзникам с просьбой отсрочить выплату репараций. Эта просьба была отвергнута Францией. Когда Германия не произвела поставки леса, Франция оккупировала Рурскую область.

В мае 1936 г. на выборах во французский парламент победили радикалы, социалисты и коммунисты, которые по аналогии с Испанией объединились в «Народный фронт». Впервые в истории Франции правительство возглавил социалист — Леон Блюм. Во время экономического кризиса правительство Блюма, чтобы нейтрализовать социальный протест, повышало зарплаты и ввело 40-часовую рабочую неделю, что не пошло на пользу обороноспособности страны. В Англии Францию стали называть «полукоммунистической» державой. А среди буржуазных деятелей Франции воцарился страх перед красной опасностью. Те из них, кто раньше выступали за укрепление безопасности страны и за сотрудничество с СССР, после победы Народного фронта встали на путь сговора с агрессорами любой ценой, даже за счет предательства национальных интересов. А избиратели требовали ограничения военных расходов. И правительства пошли на это («демократия» — значит угроза потери голосов на выборах!), когда Германия и Италия наращивали свои военные расходы. **Но французский финансовый капитал, оставаясь международным ростовщиком,** вынужден был внедряться в промышленность собственной страны

Главной проверкой решимости Франции защищать свои национальные интересы стал ввод немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область.

7 марта 1936 года Рейн перешли три немецких батальона. Гитлер тогда говорил: «Сорок восемь часов после марша в Рейнскую зону были самыми драматическими в моей жизни. Если бы французы вошли тогда в Рейнскую зону, нам пришлось бы удирать, поджав хвост, так как военные ресурсы наши были недостаточны для того, чтобы оказать даже слабое сопротивление».

Польша тогда заявила о готовности выполнить свой союзнический долг, если Франция решит активно реагировать на действия Гитлера. Но Франция отказалась от противодействия нацистам. Дух Версаля и национальная воля её покинули. Для Франции это явилось началом конца. Её восточные союзники — Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия и Россия — поняли: Франция не желает воевать против Германии и, следовательно, в случае агрессии против них не будет придерживаться ею же созданной системы безопасности. Но даже если Париж не останется безучастным к их судьбе, он просто не сможет быстро оказать им помощь из-за того, что Германия в спешном порядке возводит на франко-германской границе оборонительный Западный вал («линию Зигфида»).

10 апреля 1938 г. на смену правительству Народного фронта пришло правительство во главе с Даладье, а министром иностранных дел стал Боннэ. Оба они были сторонниками соглашения с Германией. Правящая клика была заражена коррупцией и поражённостью; её мучили кошмары угрозы со стороны фашистской Германии и опасности коммунизма внутри страны. Она искала компромисс с Германией — тогда можно будет задушить угрозу красной революции. В буржуазных салонах Франции 30-х годов предпочитали «культурных немцев» чумазым пролетариям из предместий.

А Германия усиленно готовилась к новой войне. Известно, что Сталин был готов перебросить к границе Германии более миллиона солдат, чтобы сдержать агрессию Гитлера ещё до начала Второй мировой войны, но делегация Великобритании и Франции не ответила на это предложение. Через неделю СССР заключил известный пакт о ненападении с гитлеровской Германией.

Провокационную роль в развязывании войны сыграла союзница Франции — Польша. Едва появившись на свет, возрождённое польское государство развязало вооружённые конфликты со всеми соседями, стремясь максимально раздвинуть свои границы, что отмечал даже Черчилль. В январе 1939 г., будучи лично принят Гитлером и Риббентропом, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек (уже после Мюнхена!) не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю.

Формально война началась из-за отказа Польши удовлетворить весьма умеренные германские претензии: включить «вольный город Данциг» в состав третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дороги, связывающих Восточную Пруссию с основной частью Германии, и вступить в Анतिकоминтерновский пакт.

Польша неадекватно оценивала свои силы. Стремясь улучшить статус великой державы, она не желала становиться младшим партнёром Германии. А западные демократии сеяли у поляков иллюзии, будто в случае войны они окажут Варшаве помощь, что было заведомым обманом. Однако польское руководство принимало их за чистую монету и всё больше утрачивало чувство реальности, заявляя, что «поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!»

Главной задачей советской дипломатии было не допустить войны с объединёнными силами западного мира. Парадокс истории состоит в том, что решить её помогла Польша — злейший враг СССР. Точнее, амбициозность польских руководителей. Стоило им хоть немного проявить чувство реальности, согласившись стать младшим партнёром Гитлера, и нашу страну ожидало нападение союзных польско-германских сил.

Во Второй мировой

Когда Германия напала на Польшу, Франция и Англия объявили войну Германии, но активных боевых действий не вели. Поляки не получили реальной помощи от западных союзников даже не потому, что продолжалась политика «умиротворения». Французская армия отличалась крайне низким моральным духом. Большинство её солдат и офицеров не хотели «умирать за Данциг».

Немцы 10 мая 1940 года вторглись во Францию через Голландию, Бельгию и Люксембург, то есть в обход линии Мажино. Немцы, прорвав фронт, вышли в тыл силам союзников, сосредоточенным в Северной Бельгии. 20 мая немецкие танковые дивизии вышли к побережью Ла-Манша, отрезав эту группировку от французских армий, находившихся южнее. С 27 мая англичане начали эвакуацию своих войск из Дюнкерка (которая удалась только потому, что Гитлер приказал задержать наступление немцев: он ещё рассчитывал на союз с Англией). А оставшиеся там 40 тысяч французов попали в плен. Немецкие танки скоро подошли к Парижу. Некоторые воинские части французов обратились в бегство, по дорогам двигались толпы беженцев. Французское командование теряло управление войсками.

Война практически только начиналась, а главнокомандующий генерал Вейган решил пойти с немцами на соглашение и откровенно высказался: «Ах! Если бы я только был уверен в том, что немцы оставят мне достаточно сил для поддержания порядка!» Французская армия практически примирилась с поражением, и уже ничто не могло поднять её на борьбу.

16 мая Черчилль вылетел в Париж и убедился, что французское правительство считает войну проигранной. Из Испании был вызван 85-летний маршал Петэн и введён в правительство. 13 июня правительство бежало из Парижа.

Советские авторы утверждали, что Франция ещё могла бы сражаться: даже после Дюнкерка армия располагала 1200 исправными танками, на юге проходили подготовку несколько сот тысяч новобранцев. Но правительство боялось вручить защиту родины в руки народа. Оно думало не об изыскании сил внутри страны, а об иностранной помощи, требовало немедленной присылки английских войск и авиации, обращалось к Ф.Рузвельту с просьбой о помощи, но без результата.

14 июня немецкие части вступили в Париж, который был объявлен открытым городом и сдан без боя. 16 июня Петэн возглавил правительство. 17 июня он обратился с призывом к населению и армии прекратить борьбу. (О дальнейшей деятельности Петэна будет сказано ниже.) 22 июня 1940 г. было подписано соглашение о признании победы Германии. Правительство Петэна получило право иметь армию в 100 тысяч человек «для поддержания внутреннего порядка». Германия оккупировала наиболее богатые и развитые северные районы страны, а также Атлантическое побережье.

Линия Мажино не спасла Францию. Когда она была прорвана, более 400 тысяч солдат и офицеров были окружены и по большей части сдались в плен. Почти все оборонительные сооружения оставались нетронутыми.

В то время Гитлер считал, что было нецелесообразно предъявлять Франции «излишние» требования. Франция окончательно еще не была повержена. У нее оставались обширные колониальные владения с колоссальными материальными и людскими ресурсами. Гитлер понимал, что лишён возможности немедленно прибрать к рукам заморские территории Франции и её военно-морской флот.

20 июня французскую делегацию по перемирию доставили на станцию Ретонд в Компьенском лесу. Именно здесь 11 ноября 1918 г. в белом салон-вагоне маршал Фош продиктовал условия перемирия побеждённой Германии. По приказу Гитлера, который прибыл на церемонию, вагон Фоша был изъят из музея и, чтобы как можно больше унижить французов, поставлен на то место, где он стоял в 1918 г. 22 июня было подписано соглашение о перемирии. Французское правительство прекращало военные действия против Германии. Франция обязывалась нести расходы по содержанию германских оккупационных войск.

Французская армия потеряла 84 тыс. убитыми, 1млн. 547 тыс. солдат и офицеров оказались в германском плену. Потери вермахта были меньшими — 27 074 убитых, 18 384 пропавших без вести и 111 043 раненых.

Черчилль принял решение о захвате французских военных кораблей, оказавшихся в английских портах. А французские корабли, находившиеся на своей базе, были 3 июля 1940 г. расстреляны англичанами. В ответ правительство Петэна разорвало дипломатические отношения с Великобританией.

Капитуляция Франции нарушила все планы, в особенности — расчёты руководства СССР, которое предполагало, что воюющие стороны истощат друг друга, и тогда Красная Армия решит исход войны. Сталин был поражён молниеносным разгромом Франции. А ведь любой трезвый и объективный наблюдатель, проанализировав общественные настроения во Франции конца 30-х годов, мог сообщить в Москву: французы слабы, эгоистичны и апатичны, страшно бояться и не хотят войны, упорно желают и надеются, что воевать с Германией вместо них будет кто-то другой, скорее всего Россия.

Падение Франции означало не просто победу Германии, но и значительное усиление её военного потенциала. Высвободившиеся на Западном фронте войска могли быть переброшены на восток, где вскоре откроется новый фронт против СССР. А заводы Франции выпускали самолеты, танки и автомашины (так же, как и заводы Чехии — танки с лучшей в то время в мире броней). Нефтью Германию снабжала Румыния.

Немцам достались в хранилищах Франции запасы нефти для первой крупной кампании в России. А взимание с Франции оккупационных расходов обеспечило содержание армии численностью 18 млн. человек; в результате в Германии уровень жизни фактически вырос во второй половине 1940 года. Не было необходимости в экономической мобилизации, в управлении трудовыми ресурсами. Продолжалось строительство автомобильных дорог. Начали осуществляться грандиозные планы Гитлера по созданию нового Берлина — то есть помпезной столицы объединенной Европы.

Западная демократия — это смерть наций

Но почему же Франция пала практически без сопротивления?

После Первой мировой войны французы оказались самой усталой из великих наций Европы, в ней усилились пацифистские настроения. Многократно превосходя гитлеровскую Германию в вооружениях, Франция в 1938 — 1939 гг. не сде-

лала ни шага к тому, чтобы раздавить эту угрозу своему существованию. Во Франции надеялись, что всё обойдётся, даже когда германские войска, образцово-показательно разгромившие Польшу, стали сосредоточиваться на бельгийской границе.

В действительности **Франция не устала, а сгнила на корню вследствие «разгула буржуазной демократии»**. Французские интеллектуалы, писатели, художники говорили о бессмысленности западного парламентаризма, о моральном разложении, коррупции, беспринципности «верхов» государства.

И вскоре миру пришлось четыре года иметь дело с двумя Франциями: с капитулировавшей Францией Петэна и со «Сражающейся Францией» де Голля.

Неоценённая заслуга маршала Петэна

Когда немецкие войска подходили к Парижу, правительство Виши передало всю полноту власти маршалу Петэну. Режим Виши стал сотрудничать с оккупантами, в то же время сохранив добрые отношения с Соединёнными Штатами. Этому не следует удивляться. Ведь **Рузвельт создал в США корпоративное государство, которое многие называли фашистским. А потому он мог с симпатией относиться и к Петэну, стороннику корпоративного устройства государства.**

Слово «республика» исчезло из политического словаря правительства Виши. Петэн, уподобляясь коронованным монархам, начинал свои законы формулой: «Мы, маршал Франции, глава французского государства...» Правительство Виши просуществовало вплоть до вторжения англо-американских войск в Северную Африку в ноябре 1942 года. После этого немцы полностью оккупировали Францию.

Петэн и его окружение опасались создания эмигрантского правительства Франции, которое взяло бы на себя управление колониями и французским флотом. Они делали всё, чтобы помешать созданию такого правительства.

Петэн после нападения Гитлера на СССР также объявил Советскому Союзу войну. В боях на стороне немцев участвовали французские добровольцы СС.

Поскольку Петэн оказался врагом СССР, у нас сложилось о нём представление как о предателе Франции и пособнике немецких оккупантов. Он не скрывал своих симпатий к армейским порядкам авторитарных и тоталитарных режимов, к итальянским фашистам и германским нацистам.

Так кем же был Петэн и как оценить его деятельность на посту главы Франции?

Анри Филипп Петэн — из крестьян, прошёл путь от рядового до маршала Франции. В Первую мировую войну он отличился в ряде сражений, но особенно когда руководил обороной Вердена. И после войны он входил в состав Высшего военного совета, а в 1934 году был военным министром.

В 1939—1940 годы Петэн был послом в Испании. С 16 июня — премьер-министр, с июля 1940 по август 1944 года он — глава государства, одновременно до апреля 1942 года — глава правительства Виши. В апреле 1945 года пытался бежать, но затем добровольно вернулся во Францию. Арестован и в августе 1945 года приговорен к смертной казни, заменённой пожизненным заключением. Автор мемуаров, в том числе книги «Оборона Вердена» (М., 1937). Умер в 1951 году в возрасте 95 лет. Но что осталось за строками этой биографии?

Как большинство профессиональных военных, Петэн не жаловал либералов, готовых всё, в том числе и военное дело, перевести на рельсы рыночной экономики. И без симпатий относился к коммунистам и социалистам, проповедовавшим классовую борьбу как главное средство решения общественных проблем. А он был убеждён в том, что в трудный час испытаний только при условии единства нации можно сохранить страну. Поэтому ему должны были импонировать режимы Муссолини и (в меньшей степени) Гитлера. Ведь и выбор был невелик. Либо либерализм и рыночная стихия, что для французов, веками привыкших жить в государстве с абсолютной королевской властью, а затем, при республике, — с сильными традициями централизованного управления и мощным чиновничьим аппаратом, было непривычным и вряд ли приемлемым. Либо интернациональный космополитический коммунизм, не учитывающий специфику французской нации с её ощущением своего величия и неповторимости. Либо, наконец, национальный строй, с некоторым обузданием appetitов «верхов» и постепенным приближением к корпоративному государству, что и отстаивал Петэн.

Вот как Петэн объяснял свое решение остаться в метрополии, (а не бежать вместе с остатками армии в Алжир, как предлагал де Голль) и предложить противнику заключить мирный договор:

«Правительство решило остаться во Франции, чтобы поддержать единство нашего народа и представлять его перед лицом врага». **Правительство остаётся свободным. Франция будет управляться только французами.**

«Мы обязаны возродить Францию. Покажите это миру, который на неё смотрит, противнику, который её оккупировал, соблюдайте полное спокойствие, трудясь и сохраняя достоинство».

Так мог обращаться к нации её герой, не сдававшийся в плен и не дезертировавший с поля боя. Он спокойно говорил о «противнике, который оккупировал страну», не лебезя и не заискивая перед немцами.

Говорят, что эти выступления Петэна деморализовали армию, которая еще продолжала вести бои. Но армия уже была разбита и беспорядочно отступала. Что ждало её, если бы Петэн призвал её продолжать сопротивление? Только полное уничтожение, без малейшей надежды на победу. Но в итоге Франция, заваленная трупами, лежала бы в руинах.

Черчилль убеждал французов, что нужно сражаться за Париж: «Я подчеркивал, какой огромной способностью изматывать силы сражающейся армии обладает оборона большого города дом за домом». Петэн грустно ответил: «Превращение Парижа в развалины не изменит конечного результата». Лувр в качестве оборонительного рубежа? пилить каштаны на баррикады? Что мы, испанцы какие-нибудь, которые защищали Мадрид, несмотря на разрушения. Мы — культурная столица Европы. И негоже подвергать её артиллерийскому обстрелу.

И он был прав. Париж — не Ленинград, и парижане — не ленинградцы, а «культурные европейцы». В Европе испокон веков воевали армии, а культурные горожане (буржуа) подносили ключи от города победителю. И в 1940 году парижане не потерпели бы правительство, которое обрекает их на голод и смерть от вражеских артиллерийских обстрелов, а город на разрушение.

Как писали советские авторы, Петэн и его окружение стремились утвердить во Франции диктатуру фашистского типа. Петэн надеялся, что диктаторский режим в стране позволит установить тесные контакты с гитлеровским рейхом. Поражение мая—июня 1940 года было крушением режима. Франция ждала нового режима и, естественно, склонялась к тому, чтобы учредить режим, аналогичный существующему у победителей.

По своему классовому содержанию вишистский режим представлял собой диктатуру реакционной буржуазии, которая была связана с гитлеровской Германией: банки, крупнейшие монополии. Он опирался на реакционное офицерство, католическую церковь, аграриев, на часть мелкой городской буржуазии. Реакция видела в Петэне символ порядка, восстановления власти, желанный оплот против социальной революции. Петэновская Франция стала, по существу, профашистским государством. В стране была прекращена деятельность представительных учреждений, распуше-

ны политические партии, запрещены профсоюзы. Поддержку правительства получили реакционная организация военщины «Французский легион фронтовиков» и фашистские объединения.

Петэн и его окружение претендовали на роль хотя бы младших партнеров нацистов в установлении «нового порядка» в Европе. Нацистские главари не разрушали иллюзии вишистов о партнёрстве. Но в кругу своих приближённых Гитлер заявлял, что французы постоянно будут врагами Германии, и поэтому он заговорит с правительством Виши другим языком, как только русская операция будет закончена и он высвободит свой тыл. Он планировал расчленение Франции и превращение её в аграрно-промышленный придаток Германии. Французскому народу грозило полное порабощение.

Желая обрести поддержку в своей борьбе против Великобритании, Гитлер встретился с Петэном. Гитлер предлагал освободить 1,5 млн. французских пленных, если Франция вступит в войну против Великобритании. Петэн не согласился на участие Франции в войне, но настаивал на освобождении французов в обмен на сотрудничество.

Что можно сказать по этому поводу? Петэн не входил в состав высшего руководства Франции перед войной. Не он разрабатывал и проводил политику, которая привела к изоляции и разгрому Франции. Не он должен и нести ответственность за последствия этой политики. К началу немецкого наступления его даже не было в стране. Его вызвали на родину тогда, когда разгром французской армии стал уже свершившимся фактом. Мог ли он, встав во главе правительства, остановить её беспорядочное отступление? Вот почему он с горечью, но со спокойной совестью, приказал сдать Париж без сопротивления.

Черчиллю, конечно, хотелось бы, чтобы французы сражались до последнего солдата, защищая Англию. В Лондоне страшилось остаться в одиночестве перед лицом победоносной Германии. Поэтому английское правительство поспешно составило «Декларацию о союзе» и 16 июня предложило правительству Рейно принять её.

Декларация предусматривала создание единого франко-британского союза: будут единое правительство, единые вооруженные силы, единое гражданство для обеих наций. Но для этого необходима эвакуация французского правительства и остатков вооруженных сил в Алжир, который должен был стать базой дальнейшего ведения войны. Черчилль считал, что крупная операция по захвату Северо-Западной Африки через Испанию помешала бы Гитлеру напасть на Англию, Россию и Балканы.

Петэновцы отказались даже рассмотреть английское предложение, обвиняя английское правительство в намерении установить опеку над Францией и захватить её колонии. Вейган указывал: «В три недели Англии свернут голову как цыплёнку». Петэн был уверен, что такой союз для Франции означал бы «слияние с трупом». Англия обречена, и лучше стать нацистской провинцией, чем британским доминионом.

Считается, что в основе этой позиции лежали классовые мотивы. После падения Парижа, по мнению Петэна, следовало кончать войну, заключить перемирие и «в случае необходимости расправиться с Коммуной, как в свое время в подобных же обстоятельствах с ней расправился Тьер». Но разве спасение страны от разорения, а части её — и от оккупации было в интересах только крупной буржуазии?

В основе расхождений между Петэном и де Голлем лежало разное понимание характера и масштабов войны. Петэн полагал, что война носит европейский характер. США, где так сильны настроения изоляционизма, наживутся на поставках вооружения воюющим странам, но останутся в стороне от поля боя. Поэтому с разгромом Франции и покорением Англии (в чём он не сомневался), а затем и СССР (что тоже не вызывало у него сомнений) война закончится образованием Европейской империи, и на планете воцарится мир, по крайней мере, на несколько ближайших десятилетий, которые уйдут на подготовку схватки этой империи с Америкой. Так что сопротивление нацистам со всех точек зрения бессмысленно. В новой объединённой Европе, конечно, главное место займёт Германия, второе — Англия, поскольку Гитлер считает англичан тоже германцами, арийцами. Франция не сможет претендовать на такое же положение, как Англия, ведь Гитлер убеждён, что в жилах многих французов течёт еврейская кровь. Но всё же он относит их к европейцам, и потому им не грозит ни уничтожение, как цыганам и евреям, ни порабощение, как неполноценным, с точки зрения заправил рейха, славянам.

Де Голль считал, что война станет общемировой, США не останутся от неё в стороне, и надо бороться с немцами до тех пор, пока объединёнными усилиями всех противников нацизма он будет сокрушён. Но кто в то время мог предсказать ход и исход Второй мировой войны? И что было бы с Францией, если бы соглашение о перемирии не было подписано? Франция была бы оккупирована полностью, а перемирие оставило под контролем (пусть и ограниченным) французского правительства 40 процентов территории.

Петэна клеймят как предателя, противопоставляя ему героя Сопrotивления де Голля. Отдадим де Голлю должное (о

нём речь пойдёт ниже). Но десятки миллионов французов не смогли бы уехать в Лондон. Петэн всё же не согласился на предложение Гитлера объявить войну Англии. Может быть, он знал, что французские солдаты, не желавшие воевать даже за свою Францию, уж тем более не захотят проливать кровь за Англию?

Во Франции очень долго всё, что касалось четырёх лет немецкой оккупации, а также политики Петэна, было окутано завесой молчания. Писатель Фредерик Виту, родившийся в 1944 году, вспоминал, что его отец, как и девяносто процентов всех французов, искренне поддерживал политику Петэна, потому что считал её единственно возможной в той ситуации. Иначе Франция была бы совершенно раздавлена немецкими войсками. Отец также полагал, что «мы не должны допустить, чтобы русские победили. Большевизм — это зло!». А большинство французов искренне тогда думали, что де Голль и Петэн действуют сообща, дабы совместными усилиями преодолеть этот кризис.

Картину полного упадка и деморализации французского народа во время немецкого вторжения 1940 года можно найти в мемуарах русского эмигранта, непосредственного очевидца этих событий К. Парчевского «Французская катастрофа: война и перемирие в Париже», опубликованных в журнале «Вопросы истории» (1999, № 6 — 7). Поражает, что в армии де Голля, составлявшей около 300 тыс. человек, воевало с гитлеровцами 125 тыс. (почти половина) африканцев. А собственно французы предпочитали мирную жизнь у себя в стране.

В самый разгар Второй мировой войны (лето 1942 года) А. Камю публикует повесть «Посторонний» — грустное произведение о катастрофической убыли героического и творческого духа Франции. Содержание жизни главного героя Камю составляют простейшие желания, сводимые в основном к еде, сексу и «средиземноморским» наслаждениям солнцем и морем. Все иные, более возвышенные ценности и устремления (вера в Бога, патриотизм, творчество, даже любовь и уважение к матери) этому герою чужды, непонятны и неприятны. К 1940 году таких «посторонних» французов, изображённых Камю, оказалось во Франции очень много. И, конечно, они не могли защитить свою страну от Гитлера.

Вот и писатель Анатолий Гладилин, долго живущий во Франции, говорил, что дело тут не только в идеологических установках, но, конечно, и в национальном характере. (Французы вряд ли могут понять русских, заплативших за победу 27 миллионами жизней.) Поэтому Петэна нужно считать

представителем фактически существовавшей Франции, смирившейся с поражением, а де Голля — выразителем виртуальной Франции, какой она хотела бы себя видеть.

Петэн считал, что отказ пойти на перемирие с Германией в 1940 году и переезд французского правительства в Северную Африку привели бы к тому, что Гитлер захватил бы Испанию, вторгся в Алжир, а в конечном итоге под контролем держав «оси» оказался бы весь бассейн Средиземного моря. Поэтому он объявил капитуляцию перед Гитлером чуть ли не «благоденствием» для всех противников гитлеровской Германии. Представ после войны перед французским судом, Петэн даже заявил: «Пока генерал де Голль продолжал борьбу за рубежом, я подготавливал почву для освобождения, поддерживая жизнь Франции, хотя и полную страданий. Какая польза была бы в освобождении развалин и кладбищ?» Но Петэн и де Голль действительно решали общую задачу. Петэн сохранял Францию, чтобы де Голлю пришлось освобождать не «выжженную землю», а страну с неразрушенными городами, цветущими полями и виноградниками, с десятками миллионов граждан, не испытывавших ужасов блокады, голода, эпидемий смертоносных болезней.

Петэну ставят в вину, что во время его правления выражение «Французская республика» заменили словами «французское государство», а девиз «Свобода, равенство и братство» — словами «Труд, семья, родина». Но с разгромом Франции «Третья республика» перестала существовать. О какой свободе можно было говорить в ней? Как в этих условиях звучали бы призывы к равенству и братству?

Говорят, что немцы проводили жестокую политику на оккупированной территории. Но если сравнивать их жестокость во Франции с тем, что они творили на оккупированной территории СССР, их репрессии во Франции покажутся лёгкими внушениями шалунишкам.

Что в Петэне чтят его интеллектуальные соотечественники? Они видят две его главные заслуги. Во-первых, — победа над коммунизмом и прекращение (или предотвращение) гражданской войны. Во-вторых, провозглашение консервативных ценностей, равно противопоставленных как марксизму, так и парламентарно-демократическому разложению, которое и доводит нации до такого кризиса, когда приходится звать на помощь сурового героя. В действительности главная заслуга Петэна — в том, что он спас Францию от полного разрушения, а миллионам французов сохранил жизнь. За это его признали изменником Родины и приговорили к смертной казни. Думается, грядущие поколения французов вряд ли сочтут этот приговор справедливым.

Генерал де Голль спасает честь Франции

Шарль де Голль родился в патриотичной семье католиков и с юности был уверен, что смысл жизни состоит в том, чтобы свершить во имя Франции выдающийся подвиг. Как и его любимый мыслитель Анри Бергсон, Шарль считал природным разделением людей на привилегированное сословие и угнетённый народ, на чем основывал преимущества диктатуры перед демократией. В Военной школе в Сен-Сире он своим родом войск выбирает пехоту: она более «военная», ближе всего к боевым действиям.

С начала Первой мировой войны лейтенант де Голль принимает участие в боях. После двух ранений он возвращается в строй. В Верденской битве в 1916 году он ранен в третий раз. Оставленный на поле боя, он попадает в плен к немцам. Де Голль делает пять попыток бежать. Вместе с ним в плену находился и Михаил Тухачевский, будущий маршал Красной Армии; между ними завязывается общение, в том числе и на военно-теоретические темы.

С 1919 по 1921 год де Голль в Польше преподавал теорию тактики в военном училище, а в июле-августе 1920 года участвовал в интервенции в Советскую Россию в качестве офицера-инструктора в польских войсках. (Войсками РСФСР в этом конфликте командовал, по иронии судьбы, как раз Тухачевский.)

Вернувшись на родину, де Голль выступает с докладами, публикует статьи и книги, в которых, анализируя итоги прошедшей войны, излагает свою военную доктрину, рисует образ сильной личности, вождя. Далее де Голль служил в оккупационных войсках в Рейнской области и участвовал в операции по вторжению французских войск в Рур — в авантюре, от которой он предостерегал начальство и которая окончилась оглушительным провалом: под давлением Германии и союзников Франция вынуждена была отступить.

Де Голль делать карьеру не умел. Он упрямо плыл против течения, читая в качестве преподавателя военной академии сомнительные — с точки зрения консервативного французского командования — лекции, строча книги, не оставлявшие камня на камне от официальной оборонительной доктрины. Он указывал на необходимость развития танковых войск (и авиации) как основного оружия будущей войны. Его работы сходны с трудами ведущего военного теоретика Германии Гудериана (который с интересом читал книги де Голля). Однако французские генералы в очередной раз готовятся к прошедшей войне. А де Голль настаивает не просто

на механизации, а на формировании профессиональной армии и специальных танковых соединений, способных прорывать фронт противника. Именно так разбивается германская армия. Но французы полагают, будто за линией Мажино удастся отосидеться, не переходя к наступательным действиям.

В авторитарной системе де Голль, возможно, стал бы французским Гудерианом, но при торжестве демократии этот путь для него был закрыт. Нонконформиста с реформаторскими взглядами не хотели продвигать по службе.

Некоторое время де Голль служит на Ближнем Востоке. А с 1932 года — снова в Париже, в Высшем совете национальной обороны. Все знают, что де Голль — это голова, блестящий эксперт. Его слушают, но к нему не прислушиваются. Его лишь критикуют. Демократия отшатывается от профессиональной армии: она может стать инструментом в руках каково-нибудь генерала, стремящегося к диктатуре.

Де Голль ощущает себя в окружении идиотов, конфликтует даже с Петэном. Наконец, пробивается на прием к премьеру — Леону Блюму. Тот симпатизирует энтузиасту, но не скрывает от него, что, задёрванный политической текучкой, не может всерьез заняться преобразованием армии. **Так нужна ли вообще такая политическая система, в которой на самое главное у премьеря не остается времени?**

Когда республика рушится под ударами немецких танков, полковник де Голль, командир формирующейся на ходу танковой дивизии, пытается сражаться с корпусом генерала Гудериана, но силы оказываются неравны. Страшное поражение французов стало доказательством правоты де Голля. И оно посеяло в душе де Голля отвращение к парламентаризму.

После захвата Франции немцами одной из первых телеграмм правительства Петэна была телеграмма об аресте де Голля, его готовы были расстрелять как дезертира, но он успел вылететь в Англию. По оценке Черчилля, «на этом самолёте де Голль увозил с собой честь Франции».

1 июня 1940 г. полковник де Голль временно исполнял обязанности бригадного генерала (официально его так и не успели утвердить в этом звании, и после войны он получал лишь пенсию полковника). 6 июня премьер-министр Рейно назначил де Голля заместителем военного министра. Генерал пытался противодействовать планам перемирия, к которым склонялись руководители Франции и прежде всего Петен.

Наступил переломный момент в биографии де Голля. 18 июня 1940 года он, один, никому не известный, должен был взять на себя ответственность за Францию. В этот день Би-

би-си передаёт радиовыступление де Голля, призывающее к созданию Сопротивления. Вскоре были распространены листовки, в которых генерал обращался «Ко всем французам»:

«Франция проиграла сражение, но она не проиграла войну! Ничего не потеряно, потому что эта война — мировая. Настанет день, когда Франция вернёт свободу и величие... Вот почему я обращаюсь ко всем французам объединиться вокруг меня во имя действия, самопожертвования и надежды». Де Голль обвинял правительство Петена в предательстве и заявлял, что «с полным сознанием долга выступает от имени Франции». Так он встал во главе «Свободной (позже — «Сражающейся») Франции», призванной оказать сопротивление оккупантам и коллаборационистскому режиму Виши.

Французы говорят: «Де Голль останется в истории Франции как священная личность, поскольку он первый вынул шпагу». Но «Свободная Франция» сражалась на три фронта: против германских и японских врагов, против Виши и против англо-американцев. Иногда было неясно, кто же основной враг.

Черчилль рассчитывал, что через этого генерала получит в свои руки возможность влиять на политику внутреннего сопротивления, на свободные колонии. Но де Голль на пустом месте создал централизованную, совершенно независимую от союзников организацию, имеющую свой информационный штаб, вооружённые силы. При этом каждый, кто вступал в «Свободную Францию», подписывал обязательство безоговорочно подчиняться де Голлю.

Де Голль держал себя как равный по отношению к союзникам, и это часто выводило Черчилля из себя. Однажды это едва не закончилось депортацией де Голля с острова. Черчилль, может быть, предпочёл бы де Голлю какого-нибудь более сговорчивого французского генерала. Но на тот момент де Голль был единственным французским генералом в Англии, к тому же заместителем военного министра, то есть вполне легитимным представителем власти. А Англии, самому существованию которой грозила смертельная опасность, было важно иметь у себя легитимного французского государственного деятеля, вокруг которого могли бы объединяться все французы — сторонники войны до победного конца. И Черчилль признал де Голля «главой всех свободных французов». Рост движения Сопротивления во Франции свидетельствовал, что капитуляция в Компьенском лесу еще не определила судьбу страны. Французский народ поднимался на борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Де Голль создаёт в Браззавиле (Конго) Совет Оборона Империи, манифест о создании которого начинался со слов:

«Мы, генерал де Голль, глава свободных французов, постановляем» и т. д. В Совет входят антифашистски настроенные военные губернаторы французских колоний.

Большим успехом «Свободной Франции» было установление вскоре после 22 июня 1941 года непосредственных связей с СССР. Советское руководство приняло решение о переводе своего полпреда при режиме Виши — в Лондон. За 1941—1942 годы разрасталась и сеть партизанских организаций в оккупированной Франции, особенно после первых массовых расстрелов заложников немцами.

Де Голля не признавали в аппарате Рузвельта. 7 ноября 1942 года американские войска высаживаются в Алжире и Марокко и идут на переговоры с местными французскими военачальниками, поддерживавшими Виши. Но 3 июня 1943 года формируется Французский комитет национального освобождения (ФКНО), во главе которого в конце концов стал де Голль.

4 июня 1944 года де Голль был вызван Черчиллем в Лондон, чтобы сообщить ему о предстоящей высадке союзных войск в Нормандии. Де Голлю дали понять, что в его услугах больше не нуждаются. В обращении генерала Эйзенхауэра французскому народу предписывалось выполнять все предписания союзного командования «до выборов законных органов власти»; в Вашингтоне ФКНО не считали таковым. Протест де Голля вынудил Черчилля предоставить ему право выступить перед французами по радио. И де Голль заявил о легитимности правительства, сформированного «Сражающейся Францией», и решительно выступил против планов подчинить его американскому командованию.

Движение Сопротивления, вначале слабое, значительно усилилось, когда немцы стали вывозить французов на принудительные работы в Германию. И всё равно оно не было массовым, всенародным. В одной статье говорилось:

«...Рассказы про массовый героизм Сопротивления во Вторую мировую — не более чем красивая национальная мифология... про подвиги участников французского Сопротивления преувеличивали ничуть не меньше, чем про Холокост».

Объективнейший немец Курт Типпельскирх в своей «Истории Второй мировой» вспоминает:

«Нигде нам так хорошо не отдыхалось, как во Франции. Из обихода французов совершенно исчезло появившееся в годы Первой мировой войны оскорбительное словечко «Бош», его сменило уважительное обращение «господин немецкий солдат». Академик Михаил Герман, роман которого с Парижем длится сорок лет, замечает: «У французов даже в годы оккупации ос-

тавалась любовь к повседневным радостям бытия — любовь, хорошее вино, женщины, любимая собачка... Здесь обычная сцена, когда за стойкой в бистро рядом оказываются состоятельный адвокат, скромный каменщик, студент-вольнодумец. И в момент, когда им весело и вкусно, они — братья. Может, это — поверхностная демократия. Но невольно создаётся ощущение «эгалите» — равенства, которое помогает жить и бедным, и богатым». Даже рабочий может раз в месяц прийти с семьей в хороший ресторан, чтобы отведать свежих устриц» («Труд-7», 28.12.06).

Вообще-то это свидетельствует не столько о поверхностной демократии, сколько о том, что французы — вполне буржуазная нация, потребители (о том, как их воспитывают таковыми, будет сказано ниже). Но времена, когда буржуа проявляли героизм, давно прошли. Современные буржуа не годятся в герои вообще и в герои Сопротивления в особенности. А миф о героях Сопротивления нужен французам, чтобы не мучиться от воспоминаний о позорной капитуляции перед немцами.

Впрочем, подлинные герои в этом движении были. Но это не французы, а бежавшие из немецких лагерей советские военнопленные, включившиеся в ряды Сопротивления. О том, чем поразили эти советские люди французов, рассказывал писатель-белоэмигрант Гайто Газданов в своей книге воспоминаний «На французской земле».

Хотя Сопротивление внесло свой вклад в освобождение Франции, основную роль сыграли боевые операции союзников. 6 июня 1944 года союзные войска осуществляют успешную высадку в Нормандии. Де Голль после недолгого пребывания на освобождённой французской земле направился в Вашингтон на переговоры с Рузвельтом, цель которых все та же — вернуть самостоятельность и величие Франции.

Правящие круги Великобритании и США были не против, чтобы после освобождения Франции её возглавил какой-либо другой человек, более покладистый, проводящий проанглийскую и проамериканскую политику. Даже Петэн их устраивал больше. Но 18 августа 1944 г. в Париже началось восстание против гитлеровской оккупации. Восстание возглавляли «Свободная Франция» и Французская коммунистическая партия (ФКП). На помощь восставшим 24 августа пришли французские танкисты. Восстание завершилось капитуляцией немецкого гарнизона.

Теперь де Голлю важно было опередить коммунистов, которые в основном и руководили Сопротивлением. Эмиссары генерала возникают прямо «из дыма сражений» и... занима-

ют посты местной власти. Коммунисты оказались вытесненными из руководства страной. Коммунисты и Сталин долго не могли простить ему их поражения. А Запад убедился в том, что де Голль обладает реальной властью во Франции и стоит за сохранение буржуазного государства. 23 октября 1944 г. Временное правительство де Голля было признано одновременно тремя великими державами (СССР, США, Англией).

Де Голли в стране лилипутов

Де Голль прибывает в освобождённую столицу. Происходит грандиозное представление — торжественное шествие де Голля по улицам Парижа, при огромном скоплении народа. С августа 1944 года де Голль — председатель Совета Министров Франции (Временного правительства). Началось восстановление страны, проходившее под управлением де Голля и руководителей Сопротивления.

Лидеры Сопротивления призвали к созданию нового общества, основанного на братстве и общем экономическом равноправии при гарантии подлинной свободы личности. Временное правительство приступило к выполнению программы социального развития, основанной на значительном расширении государственной собственности.

В 1945 году был национализирован Банк Франции, причем его бывшие собственники получили крупную компенсацию. Свою полуторагодовую деятельность на посту премьера де Голль впоследствии характеризует как «спасение». «Спасать» Францию пришлось от планов англо-американского блока: частичной ремилитаризации Германии и исключения Франции из числа великих держав. Незадолго до ялтинской встречи де Голль отправляется в Москву с целью заключения союза с СССР перед лицом англо-американской опасности. Вот это был действительно его гениальный ход, ибо только поддержка де Голля и Франции со стороны СССР и лично Сталина оказалась решающим условием их признания всем миром.

Де Голль говорил, что необходимо восстановить в какой-либо форме франко-российскую солидарность как перед лицом немецкой угрозы, так и перед попытками установить англо-американскую гегемонию. Сталин и де Голль подписали Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией.

Теперь Франция получила право на собственную оккупационную зону в Германии и Австрии как страна-победительница, а чуть позднее — место в Совете безопасности ООН.

Неудивительно, что де Голль глубоко уважал Сталина. Он считал, что Сталин остановил в России послереволюционную анархию, создал индустриальную державу, которая была способна разгромить гитлеровскую Германию. Де Голль не питал ненависти к Советскому Союзу и коммунизму. Он воспринимал коммунизм как неизбежный исторический этап развития России и считал, что Россия выпьет коммунизм, как промокашка выпивает чернила.

Де Голль хотел создать во Франции новое государственное устройство с практически неограниченной президентской властью. Это было необходимо для решения неотложных экономических и социальных вопросов. 21 октября 1945 года состоялся референдум по вопросу о власти и выборы в Учредительное Собрание. План де Голля не прошел. 20 января 1946 года де Голль покидает пост главы правительства.

Благодаря участию коммунистов в правительстве французские трудящиеся добились немаловажных результатов в области социального законодательства: восстановлены 40-часовая рабочая неделя, двухнедельные оплачиваемые отпуска для рабочих и трёхнедельные — для служащих, выросли номинальная заработная плата и пенсии, создана единая государственная система социального страхования, распространявшаяся на всех лиц наемного труда (кроме занятых в сельском хозяйстве). За ними закреплялось право на пенсии по старости (с 65 лет) и по инвалидности; право на пособия по болезни и по безработице. С целью стимулирования рождаемости вводилась система семейных пособий и т.д.

Годы в опале

Франция вынуждена была прибегнуть к экономической помощи США. Премьер Блюм в Вашингтоне заявил: «Помогите нам, иначе коммунизм победит во Франции». Внешняя политика была проамериканской и свелась к отказу от защиты национальных интересов. План Маршалла ставил промышленность Европы в зависимость от заокеанского капитала, французский парламент проголосовал за участие Франции в НАТО и размещение контингента войск янки. Часто сменявшие друг друга правительства объявляли себя «третьей силой», то есть направленной одновременно против коммунистов и де Голля. А де Голль готовился к возвращению во власть.

Французская колониальная империя распалась. Особенно тяжело переживалась война в Алжире. Из 9,5 миллиона жителей Алжира миллион составляли французы, многие

из них обладали крупными земельными высокотоварными хозяйствами. Именно они, как и часть французской буржуазии, диктовали правительству курс на подавление национально-освободительных движений. Однако такая политика не находила поддержки в массах французов. Всеобщее недовольство показали досрочные парламентские выборы 1956 года, продемонстрировавшие большой сдвиг влево.

Правительство социалиста Ги Молле первоначально осуществило некоторые прогрессивные социальные реформы, в частности, введение трехнедельных оплачиваемых отпусков для рабочих, расширение сети бесплатного образования, некоторое налаживание франко-советских отношений. Однако в главном в то время вопросе — проблеме Алжира — Ги Молле капитулировал перед колониалистскими кругами. Единственным крупным политическим деятелем, который был овеян патриотической славой и выступал в качестве критика существующей системы, был де Голль. На важных постах в госаппарате у него были свои люди. Среди них были глава банка Ротшильдов Помпиду (будущий премьер-министр и президент Пятой республики) и сенатор Дебре (будущий премьер).

8 мая президент Коти поручает сформировать очередное правительство Пфлимлину, стороннику прекращения войны в Алжире путём переговоров. В ответ генералы французской армии в Алжире заявили, что армия не примирится с потерей Алжира. Армия в Алжире вышла из повиновения центральным властям.

15 мая де Голль заявил: «Деградация государства повлекла за собой отход колониальных народов, восстание армии, национальную рознь и потерю независимости. Режим политических партий виновен в этой катастрофе... я готов взять на себя всю полноту власти в Республике». Де Голль уверенно обращается к мятежникам с требованием подчиниться своему командованию. 1 июня де Голль утверждён на посту Председателя Совета Министров.

Последний взлёт

Де Голль потребовал от Национального собрания предоставить ему чрезвычайные полномочия и получил их. По его проекту новой Конституции полномочия парламента ограничивались. Президент при чрезвычайных обстоятельствах может временно взять в свои руки неограниченную власть. И президента избирает не парламент, а народ — общенародным голосованием. И народ поддержал Конституцию.

Де Голль ставит задачи: решить проблему деколонизации, начать экономическое и социальное преобразование страны в эпоху науки и техники, восстановить независимость политики и обороны, превратить Францию в поборника объединения всей Европы, вернуть Франции её ореол и влияние в мире. Величие — это путь, который избирают, чтобы превзойти себя, подняться над собой, чтобы избежать посредственности и вновь сделать Францию такой, какой она бывала в свои лучшие времена. Де Голль подчинил внешнюю политику двум главным целям. Для самой Франции это национальная независимость, основанная на сильном государстве и соответствующем военном потенциале. Для мира в целом — борьба за общую систему ценностей и за изменение международного порядка: отказ от гегемонии двух сверхдержав, от диктата блоков. Франция должна была пробить «железный занавес» между СССР и англо-американскими союзниками. В этом состояло её историческое призвание в мире. Силовое превосходство СССР и США он желал компенсировать моральным авторитетом Франции. Если США выступали за интеграцию в рамках НАТО, то Франция — за западноевропейскую интеграцию. Внешняя политика де Голля привела к новому союзу Франции и Западной Германии. Это был первый шаг к европейскому единству.

Существование НАТО, в своё время оправданное, как полагал де Голль, обстоятельствами, теперь лишало Францию независимости. Ведь НАТО — это такая система безопасности, которая предоставляет Вашингтону возможность распорядиться обороной, а следовательно, политикой и даже территорией своих союзников. Де Голль намерен был вывести Францию из военной организации НАТО, установить с каждым государством Восточного блока, и в первую очередь с СССР, а также с Китаем, отношения, нацеленные на разрядку напряженности. И снабдить Францию ядерным оружием, чтобы никто не мог напасть на нее, не рискуя получить в ответ сокрушительный удар. 13 февраля 1960 г., когда на полигоне в Алжире было взорвано первое ядерное устройство, де Голль обратился с посланием к нации: «Ура, Франция! С сегодняшнего дня ты становишься более сильной и более гордой. От всего сердца благодарю тех, кто принес нам эту победу!». 8 сентября 1961 года происходит покушение на де Голля (а их было 30).

Война в Алжире завершилась образованием независимого алжирского государства. За 1960 год («Год Африки») обрели независимость более двух десятков африканских государств, Вьетнам и Камбоджа. Де Голль, признавший незави-

симый Алжир, с триумфом совершает поездки по Африке и Латинской Америке, везде поддерживает национально-освободительные движения и старается «вырвать» немалую часть английских, испанских, португальских колоний в сферу французского влияния. Франция на фоне ошеломлённой «победительницы» Англии становится ещё и возможным лидером стран третьего мира. Де Голль признает социалистический Китай и совершает поездку в Советский Союз. Новый курс Франции предлагался всему миру. Де Голль утверждает право Франции делать всё «как хозяйка своей политики и по собственному почину».

В 1965 году де Голль был переизбран на второй президентский срок.

В борьбе против НАТО генералу было естественно заручиться поддержкой СССР — страны, которую он рассматривал не столько как «коммунистическую тоталитарную империю», сколько как «извечную Россию». В 1961 году де Голль проинформировал советского посла в Париже о возможности ядерной войны: страны НАТО были готовы применить ядерное оружие, если СССР установит блокаду Западного Берлина

Но кризис удалось урегулировать. Заслуга в этом советского разведчика Жоржа Пака. Он передал в Москву натовский «план действий» — о намерении Запада использовать ядерное оружие. Хрущев, который доверял этому агенту, решил не блокировать Западный Берлин, а построить берлинскую стену. Ядерной катастрофы тогда удалось избежать.

В 1966 году де Голль наносит визит в Советский Союз. Этот визит способствовал отрезвлению западных политиков. Перед встречей с Л.И. Брежневым де Голль попросил показать ему советский ракетно-ядерный щит. Ему был показан фильм об испытаниях советской водородной бомбы. Он увидел, как смертоносный атомный смерч обращает мощные танки в лепёшки искромсанного металла, а многоэтажные здания из кирпича и железобетона — в груды щебня, от живых же организмов остаются только тени на внешней стене прочнейшего бункера. Придя в совершеннейший ужас от увиденного, генерал спросил:

- И в случае войны по чему будет нанесен первый удар?
- По штабу НАТО — получил он беспристрастный ответ.
- Но штаб НАТО ведь в Париже!
- А мы не по Парижу, мы по штабу НАТО.

Но было ещё одно решение де Голя, имевшее историческое значение.

В 1947 году Сталин принял решение отказаться от привязки советского рубля к американскому доллару и перевести

его на золотую основу. Смерть не позволила Сталину осуществить свой план превращения рубля в мировую валюту. И вот «дело Сталина» продолжил де Голль. При нём был выпущен новый франк достоинством в 100 старых. Франк, впервые за долгие годы, стал твёрдой валютой. Отказавшись от либерализма в экономике, де Голль добился к 1960 году бурного роста ВВП страны.

С 1949 по 1965 год золотой запас Франции увеличился с 500 килограммов до 4200 тонн, и Франция заняла третье место в мире среди «золотых держав» (без учета СССР). Но это были только цветочки.

Де Голль объявляет, что его страна отныне в международных расчетах переходит к реальному золоту. Он потребовал от США — в соответствии с соглашением о Бреттон-Вудской системе — «живое золото». В 1965 году на встрече с президентом США Линдоном Джонсоном он сообщил, что намерен обменять 1,5 миллиарда бумажных долларов на золото по официальному курсу: 35 долларов за унцию. Джонсону доложили, что французский корабль, груженный «зелеными фантиками», находится в нью-йоркском порту, а в аэропорту приземлился французский самолет с таким же «багажом». Джонсон пообещал президенту Франции серьезные проблемы. Де Голль в ответ объявил об эвакуации с территории Франции штаб-квартиры НАТО, военных баз НАТО и США и выводе военнослужащих альянса. Де Голль за два года облегчил знаменитый Форт-Нокс более чем на 3 тысячи тонн золота. С этого времени позиция Франции в международной политике становится резко антиамериканской. Генерал осуждает действия Израиля в Шестидневной войне в 1967 году, а затем и Вьетнамскую войну.

Президент Франции создал опаснейший для США прецедент, другие страны также решили обменять имевшиеся у них «зелёные» на золото, вслед за Францией к обмену предъявила доллары Германия. В конечном итоге Вашингтон вынужден был объявить, что золотое обеспечение доллара отменяется. Заодно «зелёный» девальвировали. После своего «валютного Аустерлица» де Голль долго у власти не продержался.

США и МВФ оказались не в состоянии остановить «бегство от доллара». С 1949 по 1970 год золотые запасы США сократились с 21 800 до 9838 тонн. И в этом велика роль де Голя.

Семилетний президентский срок де Голя истек в конце 1965 года. Хотя во втором туре де Голль и взял верх над Миттераном, эти выборы были первым тревожным сигналом.

Важной причиной утраты доверия к де Голлю была его со-

циально-экономическая политика. Рост влияния отечественных монополий, аграрная реформа, выразившаяся в ликвидации большого числа крестьянских хозяйств, наконец, гонка вооружений привели к тому, что уровень жизни в стране не только не повысился, но во многом и стал ниже. Наконец, всё большее раздражение вызывала личность самого де Голля — он начинает казаться многим, особенно молодёжи, авторитарным и несовременным политиком. И вот 2 мая 1968 года в Латинском квартале — парижском районе, где находятся многие вузы и студенческие общежития, — вспыхивает студенческий мятеж. Начинаются поджоги автомобилей. Вокруг Сорбонны возводятся баррикады. В борьбе с полицией несколько сот студентов получают ранения. Позиция де Голля жёсткая: с мятежниками переговоров быть не может. 13 мая профсоюзы выходят на грандиозную демонстрацию под лозунгами: «Де Голля — в архив!», «Прощай, де Голль!», «Пора уходить, Шарль!» Анархистствующие студенты заполняют Сорбонну. 10 миллионов человек бастуют по всей стране. Экономика страны парализована.

Де Голль распускает Сенат и Палату депутатов и назначает досрочные выборы, которые рассматриваются им как постановка доверия себе на голосование. Подавляющее большинство французов выразили доверие де Голлю.

Но судьба генерала была уже предрешена. Не удаётся осуществить планы реорганизации Сената — верхней палаты парламента — в экономический и социальный орган, представляющий интересы предпринимателей и профсоюзов, что было бы шагом к корпоративному государству.

Де Голль считал главной силой исторического развития не классы, а нации. Классовые интересы, с его точки зрения, носят частный характер и поэтому должны подчиняться общенациональным интересам, выразителем которых является государство. А Франция, лишённая величия, перестаёт быть Францией.

Для созданию «сильного государства», сплочения «нации» и достижения величия де Голль считал необходимым провести социальные реформы. «Или мы сверху и быстро осуществим заметное изменение положения рабочих и частичное сокращение привилегий денег. Или страдающая и разочарованная масса трудящихся вызовет потрясения, в которых Франция может потерять всё, что у неё осталось» (де Голль. Военные мемуары. Т I). К числу необходимых реформ де Голль относил не только восстановление основных демократических свобод, но и частичную национализацию промышленности, государственный контроль над экономикой, систему

социального страхования и условий труда, которая могла бы смягчить недовольство трудящихся. **Де Голль хотел осуществить революцию сверху с целью построения корпоративного государства.** Он выражает убеждение в том, что Франция перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед чем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности.

Не признавая парламентских выборов, де Голль заменил их референдумами. В феврале 1969 года генерал выносит эту реформу на референдум, заранее объявив, что в случае проигрыша уйдёт. Когда итоги референдума оказались не в его пользу, де Голль покинул пост президента. Что было тому причиной?

Размышляя, как все великие государственные деятели, о «третьем пути» индустриальной державы, де Голль выдвинул идею «соучастия» рабочих в капиталистических фирмах. Политика привлечения рабочих к соучастию, по мысли де Голля, должна была пройти несколько этапов: информационное соучастие (осведомленность о делах фирмы), акционерное соучастие. Политика «участия» носила печать идей утопических социалистов, социального христианства и ряда левых деятелей.

Де Голль одинаково отвергает либерализм и коммунизм в пользу «третьего пути». Это — старая французская идея ассоциаций. Ещё в 1948 году он генерирует **идею ассоциации труда и капитала**, которая привела бы к равенству между участниками предприятия и исчезновению всесильных патронов как класса. Каждая сторона прилагает свои усилия и ресурсы, каждый заинтересован в успешной работе предприятия: ассоциация труда и капитала проложила бы путь к управлению классовыми конфликтами без революции.

Его проект порицался иногда как знак возвращения к корпорациям фашистского типа, но де Голль клеймит «дирижизм, который ничто не направляет, и либерализм, который никого не освобождает». Декрет, подписанный им 7 января 1959 года, имеет целью **«содействие ассоциации или участие трудящихся в доходах предприятия»**, а также в капиталах или управлении предприятием, контроль над управлением через рабочие комитеты или избранных представителей трудящихся. «Пробита брешь в стене, разделяющей классы», — писал в «Мемуарах надежды» де Голль.

Для премьер-министра Помпиду «участие в доходах предприятия» — это химера. Де Голль, напротив, видит в нём реальную возможность продолжения реформаторской деятельности. Декрет стал обязательен для всех компаний, в ко-

торых работают более 1000 человек. Эта реформа должна была открыть путь к «новому социальному порядку».

Итак, де Голль был не только выдающийся политик и военный деятель, но и великий социальный реформатор, борец за социальную справедливость и за особый тип корпоративного государства, которое только и могло восторжествовать в условиях Франции.

Но эта идея оттолкнула от де Голля консервативных буржуа. Де Голль занял самостоятельную позицию в ближневосточном вопросе, и противники генерала спровоцировали студенческие беспорядки, направленные на его смещение. Национальные фирмы окрепли настолько, что готовы были к переходу к транснациональным формам, и антиамериканская позиция де Голля становилась им невыгодной. Его лозунг «Европа отечеств» мешала глобалистским проектам европейской интеграции, минусы которой для Франции де Голль прозорливо предсказывал.

Де Голль задался целью создать в рамках смешанной экономики более прогрессивную социальную систему, нежели существовавшую в СССР. При нём были национализированы многие крупные компании, телевидение было государственными.

В 1970 году де Голль скончался. Де Голль — последний великий француз. Буржуазная, демократическая Франция может порождать только таких же лилипутов, с какими де Голль столкнулся в 30-е годы, когда пытался убедить власти и общественность страны в том, что мир изменился, и следующая война будет совсем не похожей на предыдущую. Как и многие политические деятели разных стран, де Голль жил не столько в реальной стране, сколько в виртуальной. Он видел не только ту Францию, которая была в действительности, но и ту, какой она, по его мнению, должна была стать. Эти два его видения своей страны оказались несовместимыми.

Два подступа к корпоративному государству

Итак, два крупнейших деятеля Франции в XX веке — Петэн и де Голль — видели **идеал государственного устройства Франции в корпоративизме**. Оба ставили на первое место нацию, а не классы, и отвергали классовую борьбу как средство решения социальных проблем. Петэн выступал против либерализма, а социалистов и коммунистов рассматривал как врагов нации. Будучи во главе режима Виши, он откровенно писал, что побеждённой Франции следует установить у себя общественный строй, аналогичный строю победитель-

ницы — Германии. Но каких-либо серьёзных мероприятий по созданию корпоративного государства Петэн осуществить не успел. Его правительство просуществовало недолго. Да, наверное, Петэн и не смог бы этого сделать, потому что он был военным до мозга костей и в силу необходимости — политиком, но не экономистом и не идеологом. В правительстве Виши говорили о единстве всех французов, общности задач предпринимателей и наёмных работников, но, похоже, там дальше красивых слов дело не пошло.

Совсем в иной обстановке попытался построить корпоративное государство де Голль. Когда в 1965 году де Голль был избран президентом с широкими полномочиями, он превращался в «вождя нации». Был установлен режим его «личной власти». А это уже — один из признаков корпоративного государства, несовместимый с буржуазной демократией. Но на защиту буржуазной демократии от режима личной власти выступили коммунисты и социалисты, то есть как раз те партии, которые должны бы отстаивать интересы работников наёмного труда. А реформы де Голля должны были повысить социальную роль именно этих работников.

Петэну было проще — при его режиме либералы не могли играть существенной роли, а коммунисты и социалисты могли существовать только в подполье. А де Голль не мог заметно ограничить влияние либералов, выражавших интересы влиятельной прослойки крупного капитала. Не мог он и устранить коммунистов и социалистов, как это сделали Муссолини и Гитлер. Эти партии были представлены в парламенте, входили в правительство (коммунисты — до 1947 года), а порой (социалисты) и возглавляли его, а после де Голля становились президентами Франции. Казалось бы — ещё немного, и можно будет перейти к корпоративному государству. Социально-экономической доктриной голлизма стал «третий путь» общественного развития — концепция «ассоциации труда, капитала и кадров». Никто не собирался набрасывать уздечку на частную инициативу, которая необходима. Но, с другой стороны, нельзя позволять частным предпринимателям делать то, что им Бог на душу положит. Тем более, если эти действия не совпадают с общественно осознанными интересами страны. Интересно, что коммунистам, которые ссылались на советский опыт планового хозяйства, более совершенный, по их мнению, чем французский, де Голль отвечал: «Мы хотим построить общество, лучшее, чем в СССР».

Де Голль хотел совместить авторитаризм и корпоративизм с западной демократией и частной собственностью, но потерпел (и не мог не потерпеть) поражение на этом пути.

После де Голля во Франции установились «политические качели»: когда к власти приходили левые, проводилась национализация банков и крупнейших корпораций, повышалась зарплата, оплачиваемый отпуск увеличился до 5 недель. Но росла инфляция и сохранялся высокий уровень безработицы. Тогда одерживали победу правые, которые проводили денационализацию ряда корпораций и банков, внедряли рыночные механизмы в экономике, борьба с инфляцией выливалась в сокращение государственных расходов и социальных пособий. Ответом становились стачки почти всех работников госсектора. И всё же трудящимся удалось добиться перехода к 35-часовой рабочей неделе.

С избранием на пост президента Николя Саркози Франция вновь вошла в военную организацию НАТО. Общая тенденция развития Франции после де Голля такова: во внешней политике — на словах продолжение курса на обеспечение величия Франции, а на деле — сползание к евроатлантизму и к превращению страны в сателлита США. Во внутренней политике — с одной стороны, под давлением «низов» наращивание социальных завоеваний (о них будет сказано ниже), с другой — всё более широкое использование рыночных отношений, которые эти завоевания обесценивают. **Но попытки Петэна и де Голля построить корпоративное государство преданы забвению. И каково сейчас положение Франции?**

Экономические проблемы

После войны первоначально во Франции был взят курс на пропорциональное развитие всего комплекса отраслей. Он противоречил принципу интеграции, поскольку предполагал полное самообеспечение Франции всеми видами продукции вместо участия в международном разделении труда. Этот курс был экономически нецелесообразен, потому что предполагал дальнейшее развитие и тех отраслей, продукция которых не пользовалась спросом на мировом рынке.

В 70-х годах правительство стало стимулировать развитие перспективных отраслей, продукция которых могла быть на мировом рынке конкурентоспособной. Франция вошла в круг постиндустриальных государств.

Длительный застой в сельском хозяйстве объяснялся тем, что основу его всё ещё составляли мелкие крестьянские хозяйства, которые не могли прокормить даже своих владельцев. Там ещё не был завершён переход к капитализму. Поэтому решено было ликвидировать мелкие нерентабельные хозяйства и перевести сельское хозяйство на капиталисти-

ческий путь, обеспечить переход к рациональным фермерским хозяйствам. Государство в принудительном порядке выкупало нерентабельные хозяйства, что вызвало массовые выступления крестьян, которым трудно было найти место в жизни города. Но результатом перестройки явился рост сельскохозяйственного производства, село Франции даёт на экспорт более трети своей продукции.

Проблема мигрантов. Ограничусь пересказом заметок писателя Анатолия Гладилина о крахе так называемой французской политкорректности.

В Советском Союзе был упор на борьбу классов, а во Франции — на общечеловеческие ценности. Цели обеих идеологий были самые благие — построение идеального человеческого общества. Французские политики любят всех угнетённых на свете, всех бедняков, всех прокажённых в Азии пр., и только не любят, вернее, презирают, лишь не говорят об этом открыто, свой народ. Ибо рядовые французы не воспринимают их идеи, противятся им, а значит, по мысли этих политиков, надо их воспитывать, тащить за уши к светлым идеалам будущего. И вот во Франции, если послушать этих оракулов, уже 30 лет бунтуют, оказывается, бедные подростки, недовольные социальной несправедливостью, а не арабы и негры, которые на дух не принимают европейскую культуру. Политкорректная Франция в упор не видит, что рядовых французов избивают негритянские и арабские банды. Вслух о этом нельзя говорить, это расизм, самое худшее преступление. Французская спецслужба докладывает, что уже 20 лет ведётся вербовка лиц, которых перебрасывают в Афганистан, где их натаскивают в лагерях, а потом они вдруг оказываются в Чечне или в Ираке. Как не задаться вопросом, что же там делают эти «бедные мальчишки» из французских горячих районов? А они планомерно уничтожают всю промышленную инфраструктуру своих же пригородов, школы, детские сады. Полиция с ними ничего не может сделать. Они появляются и исчезают так, как будто их специально учили вести уличные бои. Когда кто-то из мирных жителей просто заикнулся о том, что Франции фактически объявлена война и пора выводить войска из казарм, все политкорректные замахали руками: какие войска?! Это ещё не война, но уже её генеральная репетиция.

Но главное все-таки в несочетаемости культур, традиций, семейного воспитания. В африканских и арабских странах детей не воспитывают, их, чуть что, бьют. Во Франции это невозможно. А раз детей бьют, дети учатся драться. А французы не любят драться — они предпочитают целоваться. А

рядом вырастает поколение, которое привыкло драться, плохо учиться в школе, усваивая психологию: да, мы отстаём, мы хуже этого французика или этой французской девочки, зато мы можем дать им в морду, а они дать нам в морду не могут. А за этими мальчиками стоят люди, которые хорошо рассчитали стратегию.

Наверное, у иммигрантов второго поколения шансов получить работу значительно меньше, чем у их сверстников из французских семей, тем более — за равную плату. Но не в этом же корень проблемы. К родителям этих детей нет претензий: они ехали в чужую страну работать, зная, что никогда не станут её полноправными гражданами. Но такой шанс появился у их детей. Кто чтит французские законы, тому уютно в этой стране. А что сказать людям, которые не хотят по этим законам жить и даже бунтуют против них? Хотя даже в семьях, живущих на пособия по безработице или на маленькие зарплаты, дети одеваются прилично. Родителям, если бы они взбунтовались, можно было бы сказать: убирайтесь обратно. Вот при такой политике всё бы стало на свои места. А их дети родились во Франции и являются её гражданами, их не депортируешь..

Можно ратовать за интеграцию культур и сообществ, но только когда она действительно возможна и ни в чём не ущемляет титульную нацию. Если же такая опасность возникает, лучше не смешиваться, а жить и развиваться врозь.

Видимо, Францию ждут трудные времена. Здесь уже сейчас никого не удивляют лозунги, начертанные иммигрантами: «Франция будет исламской республикой!»

И ещё одну особенность французской жизни отмечает А. Гладиллин в своей книге «Жулики, добро пожаловать в Париж!» В Париже выгоднее быть преступником, а не жертвой. Ведь какие роскошные перспективы открываются перед убийцей! Во время судебного процесса он становится героем дня, его имя не сходит со страниц газет, о нём трубят радио. И какое же наказание теперь грозит этой гниде? Беззаботное, бездумное существование в комфортабельной тюрьме.

В Париже глупо оказывать вооружённое сопротивление грабителям, можно угодить за решётку «за нанесение вреда» здоровью бандита. Так же невыгодно ловить преступников, а тем более стрелять в них. Не потому ли жизнь в так называемых горячих пригородах, населённых по большей части иноземцами, постепенно превращается для обывателей в ад?..

И снова о мигрантах: «...По вагону мечется огромный негр. Скачет, визжит, орёт. Расстёгивает ширинку, демонстрирует причиндалы. Причём это не сумасшедший, его речь вполне

осмысленна. Он требует, чтобы правительство легализовало всех подпольных иммигрантов. Он цепко улавливает недовольные взгляды, наклоняется и спрашивает в упор: «Ты расист?» Пассажир смущённо опускает глаза. Во Франции стыдно быть расистом. Во Франции никто не хочет быть расистом, особенно когда двухметровый громала ставит вопрос ребром... Вот это — символическая картина того, что сейчас происходит во Франции».

Молодёжь — та, что поджигает машины (кстати, не своих соплеменников — те маркируют их условными значками на одном языке), громит магазины, нападает на больницы и школы, стреляет в полицию, борется отнюдь не за **равенство** прав (таковое ей обеспечено), а за **привилегии**. Это ли не расизм навыворот?

Социальная политика

Трудящиеся Франции упорной борьбой добились достижений в социальной области, невиданных в западном мире.

Ежегодно пересматривается в сторону повышения уровень зарплаты, ниже которого никто из предпринимателей не может платить, если работник трудится по контракту полную неделю (35 часов). Кроме того, выплачивается 13-я, а часто и 14-я зарплата по итогам года. Оплачивается отпуск продолжительностью 5 недель. **Профсоюзы имеют своих представителей в административных советах крупных компаний.** Хотя ныне они не такая грозная сила, как в прошлом (объединяют менее 10 процентов активного населения), всё же могут устроить забастовку или демонстрацию, которая причинит предпринимателям немало неприятностей, так что с ними лучше не связываться.

Данные о величине зарплаты во Франции — тысячи евро в месяц — могут удивить российских читателей. Но и расходы там соответственно большие. Возьмём хотя бы такую мелочь: ни ДЭЗа, ни ЖЭКа во Франции нет. Понадобился водопроводчик — вызов обойдётся в 70 евро, столько же стоит час работы. Работают профессионалы, не обманывают, но всё обходится в копейку.

Уклонение от уплаты налогов становится едва ли не самым популярным занятием французов. Вовсю работают фискальные органы. К тому же во Франции принято «стучать» на тех соседей, которые, по мнению «стучащих», живут не по средствам или уклоняются от налогов. Многие из тех, кто прилично зарабатывает, сбегают от налогов в Англию, таких уже сотни тысяч.

А вот как выглядит система здравоохранения. Она покрывает медицинские и фармацевтические расходы населения, а также затраты на госпитализацию, частично или полностью покрывает расходы на оказание медицинских услуг для групп населения с низким доходом, безработных и детей младше десяти лет. Социальное страхование включает пособия для семей, компенсацию рабочим, поощрение материнства, пенсии для нетрудоспособных и вышедших на пенсию. Фактически **все французы охвачены системой обязательного социального страхования**. И даже суперсовременные обследования, лечение и лекарства обходятся зачастую в чисто символическую сумму. Некоторые страховки позволяют возвращать расходы на медицинское обслуживание до 100 процентов. Для этого нужно иметь полис и ежемесячно отчислять определённую сумму денег — в зависимости от типа страховки. Достаточно заболевшему попросить у врача рецепт, даже если дело идёт о витаминах для укрепления ногтей, он в любой аптеке оплачивает полную стоимость лекарства, а чек направляет в страховую организацию, которая ему возвращает потраченные деньги. А недавнее новшество — страховые пластиковые карты — позволяет не тратить время и деньги на бюрократическую волокиту. Уровень медицинского обслуживания во Франции — один из самых высоких в Европе. Хотя французы обычно не вызывают «скорую»: больные плетутся в поликлинику. Почему? Дорого.

Но состоятельные французы лечатся у врачей-частников, услуги которых оплачиваются намного дороже. Но зачем же платить больше? А чтобы не сидеть часами в очереди, чтобы не ждать приема у дантиста с больным зубом по месяцу-два, чтобы получить направление на необходимые анализы, а не просто рецепт на анальгин или антибиотик.

Французскую систему образования проанализировал профессор Сергей Кара-Мурза в книге «Советская цивилизация» (М., 2002. С. 139—162). Для подготовки элиты, которая должна управлять массой разделённых индивидов, была создана особая, небольшая по масштабу школа. В ней давалось фундаментальное и целостное, «университетское» образование, воспитывались сильные, уважающие себя личности, спаянные корпоративным духом.

Школа капиталистического общества едина и непрерывна лишь для тех, кто проходит её от начала до конца. По окончании начальной школы учащиеся разделяются и направляются в два разных типа образования: длительное, предназначенное для меньшинства, детей буржуазии, и сокращённое — для большинства. Образуются полная

средняя школа («школа А») и начальная профессиональная, не дающая среднего образования («школа В»).

В «школе А» классы ведутся преподавателями — по одному на каждый предмет, а в «школе В» — один воспитатель ведет целый класс и обеспечивает, как в начальной школе, преподавание всех предметов, включая гимнастику.

В «школе А» ученики переходят из кабинета в кабинет в соответствии с предметом, а в «школе В» сидят, как в начальной школе, в одном и том же классе. Ученики этих классов не имеют книг, только тетради. Здесь не изучают математику или литературу, а только счёт, диктанты и словарь. В «школе А» исповедуется культ книги... В «школе А» естественные науки излагаются систематически и абстрактно. В «школе В» целый месяц проходили лошадь: её биологию, наблюдения в природе с посещением конюшни, на уроке лепки и рисования, воспевая её в диктанте и сочинении.

В «школе В» господствует «педагогика лени и вседозволенности», а в «школе А» — педагогика напряжённых умственных и духовных усилий. Задача «школы В» — занять подростков экономным и «приятным для учеников» образом. В «школе А» уже приучают к жёсткой дисциплине и концентрации внимания. В итоге в «школе В» формируют подростка как личность, в принципе несовместимую со «школой А».

Дети буржуазии изучают словесность, основанную на «латинской» модели — они получают классическое образование. Господствующий класс нуждается в этом литературном корпусе для усиления своего идеологического единства, для распознавания друг друга, чтобы отличаться от подчинённых классов и утверждать свое господство над ними. В «школе А» изучают те произведения великих французских писателей, в которых ставятся вечные проблемы человека. По этим шедеврам ученики пишут сочинения, которые оцениваются в зависимости от глубины мысли юноши. Здесь не обращают внимания на грамматические ошибки.

А их сверстники в «школе В» изучают вроде бы тех же писателей — но лишь те отрывки, в которых описаны сцены сельской природы и практически отсутствует человек (полный контраст с языком произведений, изучаемых в «школе А»). По этим отрывкам ученики пишут диктанты и изложения. Они оцениваются по точности передачи текста и числу ошибок — и сам язык гарантирует массовую неуспеваемость.

«Школа А» производит из каждого индивидуума активно-выразителя буржуазной идеологии. «Школа В» сдвинута к формированию пролетариев, пассивно подчиняющихся гос-

подствующей идеологии, безответственных, неэффективных, аполитичных. Она воспитывает отвращение к образованию.

Социологи предупреждали власть: надо снизить уровень образования. Уровень развития хозяйства не позволял обеспечить молодежь рабочими местами, соответствующими уровню их подготовки. Давайте сократим эти претензии — невежественный человек лучше знает своё место. Но сегодня отлучение от образования есть выбрасывание из общества. А переход к платному образованию есть неминуемое отлучение от него значительной части подростков. И сразу отбрасывается миф о демократическом «обществе равных стартовых возможностей».

Тут сказались отрицательные стороны французского (и вообще западного) процветания. Ведь крупных производств в Европе почти нет, они в странах третьего мира. Поэтому выпускники школ, получив аттестат зрелости, нередко слоняются без дела из-за того, что Европа производит теперь только услуги, а не товары, из-за того, что человеческий труд во многом заменили машины. Через несколько лет работа останется либо для очень высококвалифицированного персонала, топ-менеджеров. Либо для совсем чёрных работяг. Те, кто в середине (а это большинство), — им больше не будет места в высокоорганизованном мире.

А откуда взяться товарам, если многие французские компании стремятся превратиться в «непроизводственные»? В ведении многих компаний остаются разработка инноваций, маркетинг и продажа конечной продукции, их дело — придумывать и продавать. Делать же «грязную работу» — заниматься банальным производством — будет позволено другим. И вот что представляет собой это выкидываемое с рынка труда большинство: по одному из обследований, из 100 французов 58 никогда в жизни не читали книг.

Впрочем, ныне во Франции даже «школа А» переживает кризис: страна перешла к европейским стандартам. И в университетах внедряется Болонская система: то же разделение на «А» (магистрат) и «В» (бакалавриат).

Академик Владимир Игоревич Арнольд, например, считает, что школьное образование Франции, Англии и Америки просто гибнет в результате непродуманных реформ, проведенных там во второй половине XX века. Умение пользоваться калькулятором привело к неумению мыслить аналитически и логически, понимать суть физических и математических задач.

А вот как видится российской студентке, ныне парижанке, обстановка в университете:

«Эти французы с жиру бесятся. Эгоисты, они считают, что родное государство должно заботиться о них, бесплатно давать им образование. А они в ответ только права качают! Учиться в Сорбонне для них стоит всего 300 евро в год. И вступительных экзаменов нет. Вот и поступают сюда одни лентяи. От знаменитого университета остался только бренд. На лекциях иногда студенты ходят по партам, ставят ботинки на стол, преподавателя толком никто не слушает. А после окончания учёбы, так и не получив толком никаких знаний, многие начинают возмущаться: «Почему нам сразу не дают место шефа? У нас такой крутой диплом!» Конечно, бить витрины проще, чем искать работу и самим строить свою жизнь без требований к государству: «Дайте нам работу! Дайте нам жильё!» Это европейская демократия их так расслабила».

Из этого можно увидеть, **какой гигантский шаг сделала Франция на пути своего одичания**. И это не только из-за нашествия мигрантов.

В Париже идёт пьеса почти порнографическая, и народу на спектаклях полно — уже много месяцев подряд. «А как же, ведь это современная драматургия...» («ЛГ», 2008, №29). Примечательно, что на выставке современного российского искусства была выставлена скандальная картина «Целующиеся милиционеры» (гомосексуалисты), у нас почти единодушно осуждённая. Но именно она у многих французов вызвала восхищение: «Всё это очень здорово и свежо!»...

Приходится говорить не просто об упадке культуры во Франции, а просто о вырождении некогда интеллектуально образованной среды. А итог? Париж напоминает бурлящую кастрюлю с супом. В которой, выпустив немного пара, снова закрыли крышку. Но однажды пар снова вырвется наружу.

С 2001 года во Франции отменена всеобщая воинская повинность. Вооруженные силы полностью переведены на профессиональную основу. Вопрос о том, как поведёт себя армия, состоящая из наёмников, в случае серьёзного военного конфликта, не обсуждается. Зато в случае конфликта внутреннего, социального, на такую армию «верхи», видимо, всегда могут положиться. А если конфликт возникнет на национально-религиозной и социальной почве — между французами и арабами? Да ещё в армии половина солдат будут арабы? Замена долга защиты отечества денежными отношениями — лишь одна из частностей общего сползания Франции в пучину либерализма и монетаризма.

Как Франция видит своё будущее?

Перспективы развития Франции во многом зависели от социалистической партии. Она в начале 2000-х годов пользовалась наибольшей популярностью, поскольку успешно провела в конце 1990-х годов реформы в интересах трудящихся. Но на Дижонском съезде в 2003 году была пересмотрена программа партии с учетом неолиберальных тенденций. Оказавшись в оппозиции в результате парламентских выборов 2002 года, партия сосредоточила свою деятельность на региональном уровне и на выборах в региональные советы в 2004 году победила в 22 из 24 регионов. В том же году социалисты победили на выборах в Европарламент от Франции. Однако кандидат в президенты от партии на выборах президента в 2007 году Сеголен Руаяль проиграла выборы Саркози.

Современное состояние партии многие рассматривают как кризис идентичности. Проблема, дескать, в отсутствии лидеров, готовых повести за собой партию. На деле причина в том, что, формально находясь в оппозиции, левые активно взаимодействуют с правыми, и успех на выборах и в политике теперь определяется скорее не идеологией, а умелыми пиар-кампаниями и соревнованием политических лидеров. Так, снижение пенсионного возраста обратно до 60 лет, как планирует сделать социалист Франсуа Олланд (бывший гражданский муж Руаяль), выглядит, по мнению экспертов, безответственным шагом. Олланд, будучи кандидатом в президенты Франции от социалистов, опубликовал свою программу. Она предусматривала создание специального банка для поддержки отечественных производителей в рамках программы реиндустриализации страны, сокращение зависимости Франции от ядерной энергетики до с 75 до 50 процентов к 2025 году, массовое строительство социального жилья и создание дополнительных 60 тысяч рабочих мест в системе образования. Но чего не сделаешь ради привлечения голосов разных слоев избирателей? Олланд опубликовал специальный предвыборный документ «Гомосексуальность и социализм» и обещал внести в парламент в 2012 году законопроект о легализации однополых браков и о праве на усыновление детей для всех.

Во Франции считают, что реальный экономический и социальный результат дают только те системы экономической демократии, которые наиболее полно задействуют потенциал работников. Наиболее действенными её институтами являются «комитеты предприятий» и «делегаты персонала», в чью компетенцию входит информирование администрации

об индивидуальных и коллективных требованиях, касающихся заработной платы, премий, продвижения по службе, охраны труда и др., а также заслушивание экономических и финансовых отчетов администрации. В дополнение к этому в программе социалистов сделан единственный крохотный шагик в сторону построения корпоративного государства. Это — требование, чтобы наёмные трудящиеся были не только представлены в административных советах на своих предприятиях и в компаниях, но и могли заседать в комиссиях по вознаграждениям. Не густо. И не случайно всё чаще появляются статьи под заголовками типа «Французский социализм: пациент скорее мёртв, чем жив. Социалистам больше нечего предложить обществу».

Как видим, Французская социалистическая партия представляет собой типичную социал-демократическую партию. В области внутренней политики французские социалисты являются сторонниками плюралистической демократии, способной реализовывать социальные программы. Внешнеполитическая программа партии в целом не отличается от программы правых партий. А если быть точными, то социалисты превратились во вполне буржуазную партию, вполне отвечающую буржуазному духу большинства нынешних французских работников наёмного труда.

Левый фланг партийно-политического спектра Франции занимает Французская коммунистическая партия. Она сыграла заметную роль в развитии рабочего движения и в организации Движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. И в первые послевоенные годы за неё голосовало на выборах от четверти до трети избирателей. Однако после XX съезда КПСС и осуждения культа личности роль и влияние французской компартии заметно падают, в ней берут верх еврокоммунисты. В настоящее время её избирательный корпус составляет менее 10 процентов избирателей. И всё же этот относительно устойчивый электорат позволяет французским коммунистам располагать стабильным представительством в Национальном собрании и на местном уровне управления. То есть партийные функционеры неплохо устроились, а революционный настрой партии улетучился. Политическая программа французских коммунистов в последнее десятилетие претерпела существенные изменения, что позволило им сблизиться с социалистами, то есть стать партией мелких буржуа. Партия отказалась от установки на революционное насильственное ниспровержение существующего строя и действует в рамках конституционной законности.

Крайне правый фланг занимает Национальный Фронт. Резкому подъёму этой националистической по своей природе партии способствовал рост массовой безработицы в стране и слабо контролируемый приток иммигрантов. Лозунг Национального Фронта, утверждающий, что изгнание эмигрантов даст работу всем французам, получил довольно широкую поддержку среди некоторых слоев населения.

После де Голля во Франции сложилась так называемая блоковая система, когда с одной стороны выступают Объединение в поддержку республики и Союз за французскую демократию, с другой — им противостоит блок, основу которого образуют Французская социалистическая и Французская коммунистическая партии. При французской системе государственного управления можно считать партию, лидер которой занимает пост президента Республики, правящей партией. Значит, Объединение в поддержку Республики и Французская социалистическая партия являются попеременно правящими партиями Франции. Качели продолжают качаться.

В этой обстановке, когда власть балансирует, чувствуя себя на качелях, никакое правительство долго не удержится. О проведении осмысленной долгосрочной политики ему и думать нельзя, хотя и приходится балансировать между защитой интересов настоящих хозяев страны и требованиями масс.

Вот и весь неокорпоративизм. Попытки же де Голля построить корпоративное государство забыты. Вероятно, надолго. Спокойного, а тем более — светлого будущего Франции ожидать не приходится.

Продолжение следует

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПРОЧЕРК

Этот документ лежал в шкафу в разноцветной, склеенной из новогодних и восьмимартовых открыток шкатулке. Мишка раньше даже не подозревал о его существовании и жил себе без забот. А вчера учительница Вера Сергеевна велела всем принести в школу свидетельства о рождении.

Мать выдала Мишке синюю книжицу, наказала не испачкать и ушла на ферму.

А Мишка открыл свой документ. На одной его стороне было указано, какого числа и месяца Мишка родился. На другой, вверху, написано слово «родители» с двоеточием. Внизу была вписана мать. А посередине, в графе «отец», стоял жирный неровный прочерк.

Мишка остолбенел. К мысли, что у него нет отца, он уже привык и даже не спрашивал мать, куда он подевался. Вернее, однажды он как-то спросил у нее. Но у мамки сделались такие жалкие глаза и сразу полились такие крупные слезы, что Мишка выбежал во двор, и больше ни о каком отце не заикался. Ну его! У матери и так глаза на мокром месте, чуть что

ПРОЗА

уткнется в угол между печкой и койкой и плачет. Да еще приговаривает при этом разные несчастные слова, от которых Мишке становится так жалко мамку, что он сам начинает глотать слезы. Обычно Мишка, чтобы успокоить мать, стоит рядом, гладит ее по волосам и прислушивается. Если между рыданиями мамка начинает всхлипывать, значит, пора: Мишка обнимает мать крепко-крепко. «Задушишь, сынок», — материна улыбка проглядывает на мокром лице как радуга после дождя. Мишка радуется: мамкиному горю конец.

И все же хоть решил Мишка никакими расспросами матери не докучать, но одно дело — просто знать, что отца нет, и совсем другое — принести в школу документ с жирным прочерком.

Мишка представил, как завтра их 3-й «Б» перед уроками будет валять дурака, и кто-нибудь обязательно вспомнит про свидетельство и достанет его из портфеля. А потом все станут хващать друг перед другом своими документами. А что он покажет? Мишке стало так неловко и стыдно, что он даже не обрадовался своему любимому дружку Тольке Паховому. Тот влетел в комнату, как жар-птица — щеки красные, мокрый вихор из-под шапки торчит причудливым узором.

— Ты чего дома сидишь, давай на горку.

На горке Мишка немного забылся. Но все равно мучила неприятная мысль о прочерке. Особенно когда показался Толькин отец — дядя Лёня.

— Папка с работы идет, — как очумелый закричал Толька и бросился на улицу к своему двухметровому батяне. Тот сгреб сына в охапку и подкинул чуть не до неба. Потом проделал то же самое с появившимся Мишкой. Ох, здорово!

Но еще больше друзья обрадовались, когда увидели возвращающегося со смены дядьку Гудка. То-то будет потеха! Веселее и добрее мужика во всем поселке нет. Никто больше него не знает прибауток и смешных присказок — не даром что Гудок. В зарплату всю окрестную детвору обязательно конфетами угостит. А с мальчишками любит возиться! И в снежки играть будет, и в сугроб подбросит, и санки так подтолкнет, что летишь быстрее ветра. У дядьки Гудка где-то далеко живет взрослая дочь, но Мишка ее ни разу не видел. Тетка Лиза ругает мужа балдой, а сама выходит во двор и с охоткой смотрит, как он возится с ребятней.

Вот и сейчас тетка Лиза наблюдает за ними от своего дома, а на горке — дым коромыслом. В снежной каше мелькнут то Толькины щёки, то Мишкина ушанка, то щербатая улыбка дядьки Гудка. Всю свою беду позабыл Мишка в веселой суматохе.

А дома снова вспомнил. Нехотя поел борща и посмотрел на мать. Та сидела и вязала ему носки. Мишка уже открыл рот, чтобы осторожно завести разговор о свидетельстве, как услышал, что мамка запела. Начинала она всегда с грустных песен. Потом либо перейдет на веселые, либо — тихо заплачет. Немного погодя, Мишка потихоньку достал из портфеля свое свидетельство и размашисто, прямо по злополучному прочерку большими буквами вписал: «ДЯДЬКА ГУДОК».

... Через два дня мать виновато вздыхала в кабинете загса. А строгая женщина что-то говорила ей о халатности и требующемся на выдачу дубликата времени.

ЧЁРНЫЙ ЗАБОР

— Опять Пульдора с утра все великие гарбузы к себе перекатила. С вечера ведь смотрела — как поросята лежали, а теперь одни малёньки остались. Ну, погоди, уж я сегодня с огорода ни ногой! Выслежу..

Примерно такие слова мы с братом слышали от бабы Марины каждое лето, когда родители привозили нас гостить к ней на Украину. Пульдора (было ли это производным от имени или деревенским прозвищем, не знаю) жила рядом с бабушкой. Их огороды сходились вместе, и ограды между ними не имелось. В моменты, когда соседки были дружны, они, что называется, были не разлей вода, но стоило им из-за чего-то поспорить, каждая начинала обвинять другую в перекаtywании гарбузов.

Что касается меня, то никакого недружественного отношения к Пульдоре я не чувствовала, и даже, несмотря на то, что во времена перемирий она бывала у бабушки довольно часто, теперь я ее совсем не помню.

Я хорошо помню — другую. Я не любила и боялась ее, страшную Старуху. Она жила напротив бабушкиного дома в маленькой, почти ушедшей в землю, и потому, как мне казалось, зловещей избе. Мрачности ее жилищу добавляли черный забор и черная калитка. Год за годом она красила их в траурный цвет, тоскливым пятном выделяя на фоне веселеньких сине-зеленоголубых соседских заборчиков. Мы с братом боялись Старуху и, наслушавшись маминих сказок, считали ее ведьмой. Стоило ей, сгорбленной, в черной телогрейке, надетой поверх давно потерявшего цвет льняного платья, и в таком же черном платке, из-под которого торчала белая солома волос, вылезти на улицу, как мы кричали друг другу: «Ведьма, ведьма идет!» и мгновенно забегали во двор. Я не знаю, слышали ли она нас, но что-то мне подсказывает теперь, что да...

— Ба, а старуха напротив — ведьма, да? — спрашивали мы за обедом.

— Тю на вас, — отмахивалась баба Марина. — На хорошую людину клевет возводите. Горемыка она — вот кто. — И, повернувшись к деду Ивану, начинала: — Уж если кто и путается с вражьей силой, так это Пульдора... — И бабушка заводила песню про гарбузы.

Однажды я услышала, как баба Марина рассказывала какой-то приезжей женщине о судьбе Старухи. По бабиным словам выходило, что была Старуха когда-то первой красавицей, и полюбил ее самый гарный хлопец, и были они очень счастливы. А потом началась война, и гарного хлопца забрали на фронт и там убили.

— Остался у нее сын — Миколка, лет семи, — тихо говорила баба Марина. — И уж так она его любила, так любила! Когда под немцами мы жили, пуще глаза его стерегла. Немцы в сарай жить выгнали, так она всё боялась, что Миколке холодно будет. Он уснет, а она его греет: дышит-дышит на личико, на ручки, чтоб сыночку теплее было...

Баба Марина всхлипнула и продолжила:

— А он, неразумный, что удумал. Выследил куда курица (и откуда она только взялась, окаянная, ведь почти всех немцы порубали!) яйца несет. Да и стал их потихонечку таскать. Вот однажды немец и увидел, как он эти яйца в рубашонку прячет. Закричал: «Яйки, яйки!» — и выстрелил... Живой еще был Миколка, когда мать к нему подбежала. Завыла она страшно, а потом как окаменела: молча в фартук его вернула и в сарай унесла. Там он и умирал... Соседи к ней стучались — не открыла. Три дня одна около него, живого ли, мертвого — про то только ей ведомо — пробыла... А когда вышла, бабы глаза в землю опустили — рядом с Миколкой и ее можно было хоронить... Потом немцев из села выбили. Бросила она свой испоганенный немцем дом и пришла в эту развалюшку (здесь когда-то ее отец с матерью жили), да так в ней и осталась. Тогда же и забор в первый раз в черный цвет покрасила...

Я слушала бабушку, и мне было до слез жалко и молодую женщину, и Миколку. Но, видно, так уж устроено детское сознание, что я никак не могла соотнести услышанное со Старухой. Рассказ бабушки жил отдельно, а Старуха — отдельно. «Злая она, потому и забор у нее черный!» — Вот и всё, что сказала я брату на следующий день...

Как-то раз баба Марина взяла меня за руку и повела через дорогу в гости. Старуха встретила нас приветливо. В ее дворе, возле полуразвалившегося крыльца, росло большое пер-

сиковое дерево. У бабы Марины много чего было в саду: и абрикосы, и груши, и шелковица, и даже грецкие орехи. А персиков не было. Старуха щедро совала мне их в руки, и я чувствовала приятную теплую шершавость, обещавшую вкусную сочность и сладость. А потом она провела нас в свое жилище. Там было темно, прохладно и, по сравнению с бабушкиным домом, очень неудобно. Оглядевшись по сторонам, я опустила глаза вниз, и с удивлением заметила, что в комнате не было пола. Старые вытертые дорожки лежали прямо на земле. На мой недоуменный взгляд бабушка шепнула: «Земляной пол».

Уже у себя дома мне впервые стало жаль Старуху. «Как же она ходит по земляному полу? Холодно, наверное?!» — думала я, ложась в мягкую постель на бабушкины огромные пуховые подушки (она клала их вместо перины). В тот вечер я впервые не назвала ее ведьмой...

Через несколько дней, гуляя солнечным утром у двора, я увидела сидящую возле своего дома Старуху. Она плела... ромашковый веночек. Заметив меня, нетерпеливо помахала, приглашая подойти. Я поняла, что она хочет подарить веночек. Я уж хотела бежать через дорогу (иметь такой красивый веночек мне давно хотелось, сама плести я не умела, а у бабы Марины не хватало времени), как вдруг остановилась! Видно, я еще не совсем доверяла Старухе, еще довлел страх перед ее внешностью и забором. Я повернулась и бросилась прочь!

Дома я почему-то расплакалась. Мне было стыдно. «Никакая она не ведьма, — рассуждала я сквозь слезы, — и персиков дала, и пол у нее земляной, и веночек она сплела, потому что слышала, как я просила об этом бабу Марину». И я твердо решила, что завтра обязательно подойду к Старухе.

Но наавтра целый день шел дождь. Я смотрела через окно на улицу и видела, как на лавочке напротив, под холодными дождевыми струями, сиротливо мок увядший ромашковый веночек.

А послезавтра Старуха умерла. На похороны бабушка меня с собой не взяла.

...С тех пор прошло почти 25 лет. Время поистерло черты людей, с которыми я соприкасалась в детстве, выветрило из памяти многие события. Я смутно помню даже бабушку Марину. Поблек и образ Старухи. И все же я думаю о ней гораздо чаще, чем о других, пытаюсь вспомнить ее имя, подсчитываю возраст. Получается, что тогда она вовсе и не была старухой — ей было немногим за шестьдесят.

— Помнишь ли ты бабулю, которая жила на Украине, напротив бабушки Марины? У нее всегда был черный забор, и мы называли ее ведьмой? — спросила я недавно у брата.

Он не помнил. Он забыл ее.

А почему же я помню? Почему, несмотря на годы и расстояния, несмотря на то, что я никогда даже не разговаривала с ней, в моей жизни неизбежно просвечивается образ Старухи? Почему?

СЕРЕЖКА

Скирда соломы была старая, черная. И дорога, на которой стояли люди, была черная. И люди, ежившиеся от холодного мартовского ветра, тоже были в черном... Они почти не разговаривали друг с другом, вглядываясь в мрачном ожидании в даль. Скоро на дороге должен был показаться грузовик...

Я приехала в родное село на похороны двоюродного дяди. Он был родом отсюда, но всю жизнь прожил в соседнем поселке. По настоянию родни, хоронить дядю решили на местном кладбище, и теперь мы все — родственники и просто односельчане — поджидали отправившуюся за телом машину. Первой грузовик увидела сестра покойного. Она заголосила, бросилась ему навстречу...

Людей на маленьком сельском кладбище набралось много. С покойником попрощались родственники, подошли односельчане... Заколотили гроб, опустили в землю. Бросив по три горсти земли, некоторые стали расходиться по могилкам своих близких. Другие, отдавая дань покойному, ждали, пока могила будет засыпана до конца...

— Ну что, пойду и я свою Нюру проведаю, — услышала я рядом с собой. Это был дядя Петя, ближайший сосед моих родителей. Полгода назад он похоронил свою жену Анну Семеновну, которую все в селе называли бабой Нюрой.

— А можно и я с вами, — напросилась я. Бабу Нюру я помнила с детства, и мне захотелось увидеть, где она похоронена.

Могилка оказалась ухоженной и нарядной — дядя Петя обильно украсил ее белыми искусственными ромашками. Однако с фотографии на памятнике на нас смотрела не хорошо знакомая баба Нюра с седыми волосами и в белом — как снег — платочке, а юная чернобровая девушка с толстыми, уложенными венком вокруг головы косами. Ниже, под фотографией — табличка с именем и двумя датами «1920—2001».

— Ой, дядь Петь, ну и фотографию вы выбрали! — вырвалось у меня. — Баб Нюра ведь здесь совсем на себя не похожа...

— Ишь ты, — видно было, что мое замечание здорово обидело старика. — Тебя, девка, забыл спросить. Знаешь что — иди-ка ты с моей могилки!..

Дядя Петя наклонился к холмику и, смахивая песок с гробнички, продолжал бурчать: «Молодые, а ранние...»

Я бросилась извиняться, объясняя, что совсем не хотела его обидеть и что я сказала так только потому, что и представить себе не могла, какая баба Нюра была в молодости красавица.

Это смягчило старика.

— Да, краше моей Нюрочки никого в селе не было, — наконец улыбнулся он. — Так ведь и я, девка, раньше был огонь!.. А что на фотографии она молодая и красивая — так ведь она для меня всегда такой и была. Такую я ее увидел, такую полюбил. А самое-то главное — эта фотография мне жизнь спасла. Три дня в 42-м я из окружения раненный на брюхе полз. На четвертый день совсем из сил выбился. Чувствую — конец мне. Достал я эту фотографию из гимнастерки, поцеловал ее, перекрестился и потерял сознание. А очнулся — в теплой постели: лесник меня подобрал и выходил. Вот так-то...

— Ну-у, это вас не баба Нюра спасла, а случай, — разочарованно протянула я.

— Опять вперед батьки лезешь! — Дядя Петя снова нахмурился. Но все-таки продолжил свой рассказ:

— Подарил я перед самой войной Нюре сережки. Простенькие совсем. Металлические. Форма мне их понравилась. Вроде как веточкой, а смахивает на колосок. В этих сережках она меня и на фронт проводила... И вот пришла Нюра как-то с поля, начала умываться, глядь — а одной сережки нет! И такая тоска ее обуяла. Словно шепнул кто: это знак тебе — с Петей плохо. Утром ни свет, ни заря побежала она на поле, чуть не ползком его все излазила. Нет сережки! Бабы смеются: что ты себя изводишь — пустячное, мол, украшение. А она словно помешалась. Три дня сережку по селу искала. Ни пить, ни есть не могла. Так она себе загадала: найду сережку — отступит от Пети беда. Это она мне после войны уже все рассказала. Сверили мы с ней время, и оказалось, что сережку-то она искала, когда я три дня между жизнью и смертью болтался. А ты говоришь — не она спасла! Нюра мне и обликом своим, то есть фотографией помогала. И сердцем — подарочек мой заветный искать не бросила. И что ты думаешь, ровно на четвертый день, когда меня лесник-то обнаружил, нашла и она сережку — как раз у самого крыльца в траве лежала...

Дядя Петя вдруг часто заморгал и отвернулся.

— А что же потом с сережками стало? — припоминая, видела ли их когда-нибудь на бабе Нюре, спросила я.

— С сержками? Так ведь они же дешевенькие были: сломались от времени. Да разве в них дело?..

Дядя Петя уже улыбался. И я тоже. Мы оба улыбались, стоя около маленькой могилки в мире, в котором любовь все-таки побеждает смерть...

ДВА ПЛАМЕНИ

Ночь стекала на село черным дегтем. Вязкую темноту разбавлял скучный морозящий дождь. Тоня не спала и в каком-то оцепенении смотрела из окна на стоящий напротив соседский дом. По обе стороны от этого дома тянулся пустырь. Из-за пустоты черное небо рядом с домом начиналось у самой земли. В темени не было видно ни контура дома, ни его крыши. Поэтому два светящихся окна, казалось, висели в огромном черном небе. Тоня смотрела на эти окна и думала о том, как хрупка перегородка, защищающая человеческое бытие. Как легко разбить эти подвешенные к небу окна и нарушить чью-то привычную жизнь.

...Когда Тоне было лет пять, однажды вот такой же темной ночью плачущая мать затолкнула ее на чердак. Тогда из семьи к волоокой молодой залётке ушел отец. В отчаянии мать бросилась к неизвестно откуда приблудившейся в их село гадалке. Та наказала матери посадить на чердак, поближе к печной трубе, младшую дочь, чтобы она жгла там бумагу и кликала отца. «Пусть зовет батяню домой и дым отнесет к нему детский клич», — учила гадалка мать, принимая от нее бидончик свеженадоенного молока и вырученные вчерашним днем на базаре за картошку рубли. Тоня живо помнит, как она поджигала в алюминиевом тазу газетные лоскутки и наученная матерью что есть мочи надрывалась: «Папка, айда домой! Папка, айда домо-о-й!». Так гадалка на нездешний мотив говорила слово «йди». Маленькой Тоне казалось, что в этом непонятном «айда» и скрыта сила, которая заставит отца прибежать на ее зов. И она старалась изо всех сил: «Айда! Папка, ай-да!». Внизу, в сенях с надеждой часто кивала головой мать.

Но, видно, ветер в ту ночь дул не в папкину сторону или его молодница закрыла на ночь окно, только дым ничего до отца не донес, домой он не пришел, а вскоре и вовсе уехал со своей зазнобой в соседний поселок. Там они прожили года два, пока залётка не нашла кавалера повыгодней и помоложе. А отец вернулся.

Какая счастливая была любившая мужа без памяти мать! Она не сказала ему ни слова упрека, а просто разом обрадовалась, что мужик снова рядом, и так с радостью в глазах ее через шесть лет и похоронили.

... Тоне уже тридцать семь. Вся ее жизнь: работа на почте и телевизионные небылицы. Еще с детства запомнив расцветшую с приходом отца мать, Тоня для себя усвоила — у каждой женщины обязательно должен быть муж. А вот у нее все как-то не получалось. Как говорили у них в селе, то мы не для вас, то вы не про нас. Которые ей глянулись, на нее не смотрели, а которым нравилась она, ей не по душе были.

Полгода назад в ее жизни появился Валерий. Он был таксистом и часто заезжал в их поселок. Тоня приняла его как праздник. Кровь в ее жилах бежала, как звонкий ручей весной, когда Валерий вечером подкатывал на своей «девятке» к ее дому. Антонина старалась угодить своему счастью во всем. Мужик видный, веселый, уверенный в себе. И ее ценит. Особенно за то, что она не в пример его бывшим женам, покладистая и работающая. А еще говорит, хорошо, что у тебя детей нет. «Я парень пока молодой и люблю, чтобы все внимание мне доставалось», — обнимая Тоню, улыбался, показывая красивые белые зубы Валерий. В общем, устраивала она его по всем параметрам, и все шло к тому, что быть Антонине наконец-то замужем.

А две недели назад сгорела от водки жена Тониного брата. самого его еще прошлой весной зарезали в пьяной драке. Осталось у брата три девки от горшка два вершка. Сейчас они были у Тони и тихо спали на разобранном диване. Завтра за девчонками должны были приехать из районо и отвезти их в детдом. Тоне же было велено заполнить бумагу, что она, как ближайшая родственница, отказывается от опеки над ними.

О том, чтобы взять детей к себе, у Тони и в мыслях не было. С братом, после того, как он переехал в соседний район, они виделись редко, покойную невестку она не любила, да и девчонок почти не знала. В сущности, она детям чужая и вряд ли им будет хорошо с ней. Детдом находился в райцентре. Скоро и Валерий ее туда заберет. Будет она племянниц проведывать, гостинцы приносить, а когда мужа не будет дома (Тоня точно знала, что ему это не понравится), и в гости к себе возьмет. Так что бумагу Тоня давно заполнила, и сейчас она белела на столе на видном месте, чтобы завтра впопыхах не забыть отдать ее кому нужно.

Три малышки обвили друг друга ручонками. Тоня осторожно сняла с самой младшенькой оранжевый бант, чтобы та поудобнее примостила головку на подушке. И внезапно подумала: «А ведь там бантик на ночь никто не снимет». И тут же себя успокоила: «Но и утром не повяжет».

И почему она сегодня вспомнила, как звала домой отца. Что-то в той далекой картине не давало ей покоя. И Тоня

ясно увидела: тогда в сенцах мать была не одна. В углу жались друг к дружке два ее старших брата. Теперь уже взрослая Тоня до душевной судороги осознала их тогда еще детский взгляд. Так смотрят, когда, пытаясь скрыть колотящую внутреннюю дрожь, стараются не заплакать от горькой обиды. От напряжения вытаращивают глаза, взгляд костенеет, и из не затуманенных слезами зрачков вырывается голая боль души. Что в них сломалось тогда, какая струна порвалась безвозвратно в брошенных пацанах? Как клочки бумаги, сгоравшие той ночью в дырявом тазу, оплавившись и обуглившись их сердца, заживо брошенные в огонь отцовской страсти. Оба они заблудились в жизни, словно в черном непроходимом лесу. Рано начали выпивать, потом старший загремел за решетку...

Понял ли отец в своей горячке, что совсем не любила его та молодлица? Что сыновья, почувствовав в себе ущербность отвергнутых, так с этим и остались? А ее саму любят?! Ведь она сейчас тоже в этом угаре! И Тоня уже не видела ночной темноты: перед ней полыхали и боролись два пламени — сладко-ненасытный испепеляющий душу пожар и огромное сияющее зарево, которое не обжигало, а грело и освещало все вокруг.

...Под утро Антонина взялась разжигать печку, чтобы девчонки проснулись в тепле. Отсыревшие дрова никак не хотели загораться. Она жгла газету за газетой, а желанное пламя все не занималось.

На столе лежал белый лист бумаги. Антонина спокойно взяла его, смяла и засунула в топку. Чиркнула спичкой. Дровишки схватились разом, и в лицо ей улыбнулся горячий живой огонек.

СМОТРИНЫ

Дед Трофим овдовел на семидесятом году жизни. Два года прожил он один, а на третий решил подыскать себе новую старуху. Вернее, так за него решили дети, приехавшие к отцу летом погостить и увидевшие в его глазах, обыкновенно живых и веселых, большую усталость и тоску. Сын со снохой начали уговаривать его переехать к ним, но дед Трофим сразу отказался.

— Сошелся бы ты, отец, со старушкой какой. И тебе бы веселее было, и нам за тебя спокойней, — посоветовал ему тогда сын и поделился этим советом со своей теткой — быстройходной и легкой на подъем старшей сестрой деда Трофима бабкой Татьяной.

Та сразу взяла это дело под свой догляд и уже через неделю отыскала в соседнем селе «невесту» — свою давнюю знакомую Матвеевну.

— Встретила я ее на рынке в городе, крышки для закрутки вместе покупали, — тараторила бабка Татьяна, сидя вечером с братом на лавочке. — Она так, мол, и так, говорит, годовщину мужу на днях справила, непривычно одной — стены давят... А я ей про тебя — тоскует, говорю, сильно о жене, как бы сам не помер. Ну и давай, бочком да бочком, подъезжать. Она, вроде, не против. Съездил бы, сам посмотрел...

И дед Трофим поехал на смотрины.

Сойдя с электрички, он быстро отыскал нужную ему улицу и пошел, отсчитывая дома, — спрашивать у прохожих ему было совестно. «Невестин» домик встретил его свежей зеленой краской на ставенках и обилием цветочных горшков на окнах. «Совсем, как у моей Шуры было», — одобрительно подумал дед Трофим, вспоминая, как еще недавно пышно сияли цветы на окнах его собственного дома. После смерти жены он подарил все это разноцветное богатство живущей по соседству молодежи. Забирая горшки, та на радостях чуть не прыгала!

Матвеевна оказалась небольшого роста старушкой с круглым лицом и собранными в пучок волосами, зачесанными розовым гребнем. Она встретила гостя приветливо, провела в летнюю кухню, где булькало на плите грушевое варенье. Начала хлопотать о чае.

— Как там Татьяна Григорьевна поживает? — спросила.

— Да ничего, — дед Трофим обрадовался, что разговор как-то начался, — картошку собралась копать.

— Я тоже уже пробовала — хорошая в этом году уродилась.

Дед Трофим не ответил. Он не любил время, когда копали картошку. Это значит — впереди снова темная тоскливая зима. А ему больше нравилось лето.

Матвеевна включила телевизор. Начиналось «Поле чудес».

— Вот ведь тарыхтит, как пулемет. Не люблю я его... — отозвалась Матвеевна о ведущем. — А мой Петя, наоборот, очень даже уважал. С ним в армии старшина служил, говорил, вылитый Якубович: такой же балабол и с усами. Все гадал — родственник тот ему или нет?..

— И моя Шура тоже все Кубовича этого ждала, — снова оживился дед Трофим. И продолжил разговор: — Я только одного не пойму — в стране кризисы разные, а он там такие призы богатые раздает. Откуда деньги?

— А мой Петя это так объяснял: говорил, что это американцы деньги на призы дают, чтобы мы у телевизоров сидели и не работали.

— Так ведь не поработаешь — не полопаешь.

— А мы и так теперь ничего своего не лопаем. Окорочками всех задушили...

— Ох, моя Шура их и не жаловала, — опять начал было вспоминать дед Трофим, и вдруг осекся. Вот тебе здравствуйте, приехал про Шуру свою рассказывать.

Однако Матвеевна спросила сама:

— Сколько ж вы вместе-то прожили?

— Полста. Свадьбу золотую дети нам справляли.

— А мы с Петей годочка до кругленькой не дотянули. Мы в 56-м познакомились...

И, поддавшись какому-то порыву, дед Трофим и Матвеевна, уже не стесняясь, начали рассказывать друг другу о Шуре и Пете. Их вторые половинки, будучи невидимыми в этой комнате, как будто помогали им сблизиться и понять друг друга. То, что выглядело бы полнейшим абсурдом, будь они молоды, теперь обретало другой, более глубокий и непонятный на первый взгляд смысл. Раз и навсегда уверовав в то, что для них не было людей родней и дороже, чем Петя и Шура, дед Трофим и Матвеевна знакомили с ними друг друга, как знакомят на сватовстве родственников с обеих сторон. Те двое, что были неотъемлемой частью их жизни, находились сейчас рядом, всматривались в своих соперников и давали разрешение на то, чтобы покинутые ими соединились и поддерживали друг друга до тех пор, пока они вновь не встретятся — и уже навечно...

Матвеевна проводила деда Трофима до калитки.

«А ничего, душевная она, — думал он, шагая на электричку. — Вон как про Шуру мою слушала!»

«Видно, добрый человек, и на Петю чем-то смахивает...» — размышляла меж тем Матвеевна.

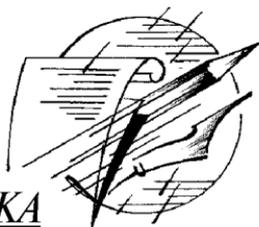
Проводив деда Трофима, она присела на крылечко и смотрела сначала в огород — на подсолнухи, потом — дальше, на шагающего к ней по полю молодого и звонкого Петю, на промелькнувшие годы, на сегодняшнего гостя.

МИР НА ПОРОГЕ НОВЫХ ВРЕМЕН

Сегодня мир стоит перед принципиальным, радикальным сломом. По силе и размаху он неизмеримо превосходит сломы 1917 и 1991 годов, поскольку в тех случаях были известны и даже, в некотором смысле, привычны идеи, в рамках которых шли изменения. Ныне нет ни языка описания, ни альтернативных идей.

Последний раз в истории такая ситуация сложилась в Европе в XVI—XVII веках, когда после более чем тысячи лет христианства начался жесточайший слом в идеологии и экономике феодализма. Это было крайне тяжелое время, и не дай Бог, чтобы оно повторилось. Чтобы этого избежать, необходимо еще до того, как перемены разрушат все защитные цивилизационные механизмы, предложить новые идеи, не менее цивилизационные по масштабу. Но они пока не найдены.

В чем же суть начавшихся на наших глазах перемен? Главная проблема современности — в том, что исчерпан механизм, который обеспечивал экономическое развитие человечества в течение нескольких сотен лет.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Современная модель развития, которую сейчас именуют «научно-техническим прогрессом», оформилась в XVII—XVIII веках в Западной Европе после «ценностной революции» XVI—XVII веков, отменившей господствовавший более тысячи лет запрет на ростовщичество. Разумеется, как и всякий библейский запрет, он не соблюдался полностью, но в системе экономических взаимоотношений в целом ссудный процент не использовался. Там, где он применялся почти легально — в торговых республиках типа Венеции или Генуи, — он играл, скорее, роль страхового взноса. Собственно производственные процессы строились на цеховых принципах, при которых и объем, и технологии, и номенклатура производства были жестко ограничены.

Не буду сейчас обсуждать причины появления капитализма (то есть капитала как источника прибыли за счет ссудного процента), но обращаю внимание читателя на одно принципиальное обстоятельство: с его возникновением появилась серьезная проблема — куда девать полученный продукт?

Не секрет, что позднеантичная мануфактура обеспечивала довольно высокую производительность труда — уж точно выше, чем средневековое цеховое производство. Однако, вопреки тезисам Маркса, она уступила свое место менее производительному феодализму. Почему? А дело в том, что у мануфактур того времени не было рынков сбыта, рабовладельческое общество просто не создавало достаточный объем потребителей. Пока Римское государство поддерживало городской плебс (давало ему «хлеб и зрелища») за счет внеэкономических источников доходов — военной добычи и серебряных рудников в Испании, — мануфактуры работали достаточно успешно. Затем они неизбежно должны были умереть.

Аналогичная проблема неминуемо ждала и зарождающиеся центры капитализма. Да, там имелись источники денег, на которые можно было создать мануфактуры. Но избыточный объем производства и новые, инновационные продукты требовали новых потребителей. Где их найти? Единственным местом сбыта мог стать внешний рынок.

Разумеется, экспортируемая продукция должна была превосходить местную — и стоить дешевле, и быть более качественной или просто новой (условно говоря, плуг вместо сохи), а потому ее поступление неминуемо разрушало местное производство, что, в свою очередь, пополняло армию безработных на местах и создавало почву для развития капитализма. Стоит вспомнить историю огораживания в Англии,

когда «овцы съели людей», поскольку получаемые мануфактурным способом ткани были дешевле тканей ручной работы, или жуткий голод в Индии, когда, как писали очевидцы, по обочинам дорог лежали кости умерших от голода сотен тысяч, если не миллионов ткачей и членов их семей, не выдержавших конкуренции с завозимыми из Англии фабричными тканями...

Впрочем, это, в некотором смысле, лирическое отступление. Главное — опережающее финансирование инноваций. Вкладывать средства в производство привычных продуктов и услуг, а также в разработку новых имеет смысл только в том случае, если постоянно расширяются рынки. С одной стороны, они должны обеспечивать сбыт неуклонно дешевеющих традиционных изделий, а с другой — обеспечить «технологической метрополии» получение дополнительных доходов, окулающих производство инновационных продуктов.

Соответственно, уже в XVIII веке началось развитие так называемых технологических зон (термин Олега Вадимовича Григорьева, разработавшего соответствующую теорию в начале 2000-х годов), которые стали такими «технологическими метрополиями» и постепенно расширяли свои рынки сбыта и политическое влияние. Иногда «технологические метрополии» и просто метрополии совпадали. Британия категорически запрещала развитие производства в своих колониях, они должны были оставаться чисто сырьевыми придатками. Даже финансовая система была приспособлена под то, чтобы в колониях не могли возникнуть самостоятельные источники капитала. На территории Великобритании ходили бумажные деньги (фунты стерлингов), запрещенные к вывозу, а в колониях — отчеканенные «на местах» золотые монеты, гинеи, которые все, кто хотел приехать или вернуться на родину, должны были везти с собой.

Великобритания и стала первой технологической зоной. Второй могла бы быть Франция, но она оказалась жертвой Великой французской революции и наполеоновских войн, а потому своей зоны не сформировала и, более того, стала частью зоны Британской. Второй технологической зоной сделалась Германия, которая включила в свой состав (именно как технологические зоны, а не государства) Австро-Венгрию, часть Италии, Северной и Восточной Европы, а также Россию. Окончательно эта зона оформилась после победы во франко-прусской войне, к концу 60-х годов XIX века.

Третью зону создали США, после освобождения от британской колониальной зависимости получившие возмож-

ность развивать свою промышленность, темпы роста которой особенно ускорились во время Гражданской войны 1861—1865 годов. Четвертой в начале XX века стала Япония.

Однако уже к концу XIX века у первых трех зон начались проблемы: их расширение в Атлантическом бассейне стало резко замедляться, так как исчерпались свободные рынки. Что это означало с точки зрения капитала? А то, что вложения в инновации и новое производство становились все менее и менее рентабельными. Начался кризис падения эффективности капитала. Заметить и понять его было достаточно сложно, поскольку процесс шел неравномерно и в отдельных отраслях, и в разных регионах, но сама мысль о том, что для нормального развития капитализму нужны расширяющиеся рынки сбыта, мелькала уже у Адама Смита. В начале минувшего века она стала источником спора между Лениным и Розой Люксембург, причем последняя активно критиковала тезис Ленина о том, что «капитализм сам себе создает рынки сбыта». Люксембург, как мы сегодня понимаем, была права, но из-за этого спора сама тема на многие десятилетия стала в СССР «табу», что во многом и привело страну к гибели.

Итогом вышеупомянутого кризиса стало резкое усиление циклических кризисов, бывших до того обычным, но не критичным явлением. Теперь они стали намного продолжительнее. Депрессию после кризиса 1907 года даже лет двадцать назад называли в США «Великой». Главное же, стало понятно, что единственный способ продолжить развитие — это перераспределить рынки сбыта в свою пользу. Первая мировая война была битвой за рынки с единственным прямым результатом — одна из технологических зон, имевшая до того не только собственное производство, но и собственную валютную систему, эту систему потеряла. Имелось и косвенное, но немаловажное следствие: приход к власти в бывшей Российской империи партии, которой удалось сделать то, что не удалось национальной буржуазии царского времени, — построить собственную технологическую зону. Пятую и последнюю.

К началу XX века объем рынка, который было необходимо контролировать по-настоящему независимому государству, составлял около 50 миллионов потребителей...

Хочу пояснить, что в данном контексте подразумевается под словом «независимость» и его не совсем точным синонимом «самодостаточность». Независимое государство — это такое, у экономики которого имеется независимое от внешних факторов ядро. Во-первых, в нем имеются все (или по-

чти все, за исключением непринципиальных) отрасли экономики. Во-вторых, во всех этих отраслях государство находится на передовых мировых позициях или может выйти на них достаточно быстро. И, в-третьих, страна способна достаточно долго развиваться даже при полном отсутствии внешней торговли. Изоляция на какой-то срок не должна стать для нее катастрофой. Реально независимое государство не может не иметь независимой экономики. Обратное же, вообще говоря, может быть и неверно.

Итак, к началу прошлого столетия в Европе осталось только пять-шесть реально независимых государств, имеющих самодостаточную экономику. Российская империя, Германская, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания и, возможно, Испания. Все остальные страны неизбежно были вынуждены присоединиться в качестве сателлитов или «младших» партнеров к объединениям, возглавляемым одной из перечисленных стран.

Первая мировая война не разрешила базовые экономические противоречия. Для передела рынков необходима была война вторая, из которой вышли невредимыми только две технологические зоны из пяти. Германская и Японская попросту исчезли, а Британия еще до конца войны от претензий на собственную зону отказалась, разрешив США напрямую торговать с колониями Соединенного королевства, минуя Лондон.

Как и следовало ожидать, первое время Соединенные Штаты отлично развивались, осваивали новые рынки, делали бомбы и рвались в космос... А вот дальше начались те же самые проблемы со сбытом.

К середине XX века объем рынков, который было необходимо контролировать стране для обеспечения самодостаточной и развивающейся экономики, составлял около 500 миллионов человек. В этот момент по-настоящему независимыми лидерами крупных межстрановых объединений могли быть лишь два государства, не более. Так и произошло — остались только СССР и США. Китай и Индию можно было не принимать во внимание — они не являлись потребительскими рынками в современном понимании этого слова, их экономики во многом носили натуральный характер. Однако мировая экономика продолжала развиваться, и к концу третьей четверти XX века объемы рынков, необходимые для нормального развития самодостаточной экономики, достигли величины порядка миллиарда человек... И стало понятно, что в мире может остаться только одно независимое государство.

Несостоявшаяся победа

Вопреки распространенному мнению, шансы стать победителем склонялись на сторону Советского Союза.

Кризиса было не миновать обоим сверхдержавам. Но поскольку объем рынков у Советской зоны был существенно меньше, чем у Американской, у нас кризис начался раньше, а именно — в самом начале 60-х годов. Однако диспропорции благодаря плановой советской экономике, по возможности, компенсировались, так что кризис развивался медленно. К концу 70-х мы только вышли на нулевые темпы развития экономики. А вот в США все началось хотя и позже, но быстро и жестко. 1971 год — дефолт, отказ от обмена долларов на золото, затем поражение в войне во Вьетнаме. 1973—1974 годы — нефтяной кризис, резкий рост цен на нефть и, соответственно, издержек, затем — стагфляция*. Это был натуральный кризис падения эффективности капитала, реинкарнация кризиса конца XIX — начала XX века. Маркс мог бы улыбнуться: капитализму грозило поражение в полном соответствии с его теорией, но не потому, что социализм рос быстрее, а потому, что он падал медленнее.

Сознавали ли члены Политбюро ЦК КПСС после катастрофического «нефтяного» кризиса 1973 года, что Советский Союз выиграл «холодную войну» и что перед ними встал вопрос — нужно ли добивать противника и форсировать разрушение «западной» экономики и США? Я достаточно много сил потратил на то, чтобы разобраться, был ли этот вопрос сформулирован в явном виде, и какой на него был дан ответ. Мое расследование (которое состояло в беседах с бывшими высокопоставленными функционерами ЦК КПСС и КГБ СССР) показало следующее. Во-первых, вопрос был поставлен. Во-вторых, ответ был сведен к двум значительно более простым, а главное, технологическим проблемам.

Одна из них касалась возможностей СССР контролировать территории, входившие на тот период в зону влияния США. После распада «суверена» там неминуемо должны были начаться неконтролируемые, во многом разрушительные и опасные для всего мира процессы. Вторая касалась готовности СССР оказаться один на один с Китаем, который к тому времени уже начал технологическую революцию.

Ответы на оба эти вопроса оказались отрицательными — руководители страны пришли к выводу, что СССР не имеет

* Стагфляция — инфляция, сопровождаемая застоем или падением производства и высоким уровнем безработицы.

возможности контролировать почти половину мира, скатывающуюся к тоталитаризму, разгулу терроризма и анархии, и одновременно ограничивать растущие возможности Китая. СССР начал процесс, который позже получил название «разрядка».

По сути дела, это была длинная цепь уступок противнику. Советский Союз вступил в переговоры с Соединенными Штатами по стратегическим вооружениям, которые понизили остроту бюджетных проблем Америки. Запад находился в остром нефтяном кризисе, а СССР начал поставлять туда нефть и газ. Идеологи капитализма не знали, как бороться с советским идеологическим и политическим давлением (достаточно почитать тексты, которые писали в то время Киссинджер и Бжезинский), а СССР пошел на переговоры по гуманитарным вопросам, которые завершились подписанием в 1975 году знаменитого акта в Хельсинки, включившего в себя так называемую «гуманитарную корзину» — она и легла потом в основу тотальной критики СССР/России в части нарушений «прав человека».

Иными словами, руководство СССР решило сохранить status quo — не расширяться за счет разрушения конкурента, а попытаться закрепиться в более или менее фиксированных границах проектных территорий. Это было принципиальнейшей ошибкой — как если бы ребенок не просто отказался расти, но и принял бы меры для реального осуществления этой идеи (например, вместо школы продолжал бы ходить много лет в детский сад).

Тем временем руководство США нашло выход из положения. Было необходимо запустить новую «технологическую волну», что невозможно сделать на спаде и без войны. А поскольку расширить рынки нельзя, необходимо это расширение имитировать. Денежные власти США начали стимулирование конечного спроса, что и составляло суть политики «рейганомики».

Цель была достигнута: новая «технологическая волна» запущена, СССР распался — и как технологическая зона, и как отдельная страна. Теоретически в этот момент следовало остановиться. Нужно было активами (в том числе рынками), полученными на распаде противника, «закрыть» долги, образовавшиеся за десятилетие «рейганомики». Однако к власти в то время уже пришла администрация Клинтона — ставленники Уолл-стрита, для которых эмиссия и создание новых долгов были главными источниками доходов. Вместо того, чтобы «закрыть краник», они использовали полученные активы как залогом под новые долги. Как следствие, пришел «золотой век» Клинтона, который сменился перманент-

ными кризисами 2000-х годов. И сегодня можно смело сказать, что современный кризис — это реинкарнация кризиса 70-х годов. Очередной кризис падения эффективности капитала. Только раньше падение происходило в рамках конкуренции нескольких технологических зон, а сегодня — в рамках одной. Сути дела это не меняет.

Есть и еще одна тонкость. Предыдущие два кризиса происходили в ситуации более или менее естественного накопления долгов. Исключением стало начало 30-х годов. Тогда ужас «Великой» депрессии был во многом вызван падением частного спроса после 20-х годов, когда он несколько стимулировался кредитным механизмом. Сейчас заканчивается период массового стимулирования спроса за счет механизма «рейганомики», поэтому всех ждет не медленное загнивание (как это было в 80-е годы в СССР), а предшествующее весьма и весьма глубокое падение.

Но это еще полбеды. Главное же — отказывает механизм научно-технического прогресса, который несколько веков определял развитие человечества. Он исчерпан. Целиком и полностью. У него нет больше ресурса.

Поэтому Россию ждут серьезные проблемы, связанные со списанием неподъемных долгов и, соответственно, разрушением всей мировой финансовой системы. Это значит, что искать новую модель развития нам придется не в тиши кабинетов, имея впереди как минимум несколько десятилетий, а в крайне жестких социально-политических условиях. Можно сколько угодно объяснять, что проблемы Египта нам не грозят, но давайте рассуждать здраво: наше отличие только в одном: что большая часть населения Египта тратит на еду 80 процентов своих доходов, а мы — только 40. Но при том росте цен, который сегодня наблюдается, долго ли нам ждать?

Торжество ссудного процента

Именно в тот период отказа от победы в «холодной войне» фактически начался отказ от базовых принципов «Красного» проекта. Несколько позже, уже во второй половине 1980-х годов, Горбачев объявил, что СССР больше не будет нести миру свои ценности, поскольку переходит к ценностям «общечеловеческим». Отказавшись от советской системы глобализации, Горбачев неминуемо ввел нас в систему глобализации «Западного» проекта, поскольку другой попросту не было.

О концепции глобальных проектов я уже рассказывал читателям «Дружбы народов» в 6-м номере журнала за 2009 год. Сейчас лишь напомним основные положения.

Основой любого глобального проекта является надмирная идея, выходящая далеко за пределы видимого и ощущаемого пространства. Мало того, изначально подобная надмирная идея должна быть заявлена как Истина для всех, на все времена и без альтернатив. Однако одного этого недостаточно. Для того, чтобы массы людей, вдохновившись идеей, занялись ее воплощением во всемирном масштабе, необходимо эту идею перевести в политическое измерение, в котором, собственно, и реализуются любые идеи. Для успешного развертывания глобальный проект должен утвердиться в опорной стране. Она должна быть крупной, мощной в экономическом и военном отношении. Только сильная страна, являясь признанным лидером проекта, может удержать прочие государства от непрерывных конфликтов между собой и обеспечить присоединение к проекту все новых и новых участников. С этого момента глобальный проект становится иерархическим, управляемым из единого центра и откровенно экспансионистским.

За историю человечества таких надмирных идей возникло не так уж много. В нашей стране более или менее известна история всего-навсего трех проектов: Христианства (которое уже давно распалось на несколько проектов), Ислама и Коммунизма.

Остановимся более подробно на ситуации последних 500 лет в Европе.

В XVI веке, после катастрофического «золотого» кризиса, случившегося в результате резкого падения цены на золото, игравшего тогда (да и почти всю писаную историю) роль Единой меры стоимости (ЕМС), и последующего разрушения системы натурального феодального хозяйства, в Европе начал развиваться новый, Капиталистический проект. Его идейной базой стала Реформация. В доктринальном плане этот проект отошел от библейской системы ценностей и отказался от одного из догматов — запрета на ростовщичество, поскольку экономической базой Капиталистического глобального проекта стал ссудный процент. Запрет, разумеется, не мог быть отменен в догматике. В тезисах Мартина Лютера, например, он присутствует в полном объеме, но был снят в мифе о так называемой «протестантской этике». В системе ценностей принципиально изменилась базовая цель. Если в Христианском проекте, во всех его вариациях, основой является справедливость, то в Капиталистическом — корысть, нажива.

Именно с Капиталистическим проектом, с наличием ссудного процента, связан еще один феномен человечества — так

называемое технологическое общество. Его не смогло создать ни одно государство или цивилизация, которое не одобряет ссудный процент. Единственное исключение — Советский Союз.

Золото в реторте

Капиталистического проекта «в явном виде» сегодня не существует. В XIX веке произошли серьезные изменения в его экономической основе, существенно преобразовавшие базовые ценности. Связано это с тем, что догматическая структура Капиталистического проекта была неустойчива и настоятельно требовала изменений, либо дальнейшего отказа от библейских ценностей (новые капиталистические государства еще во многом были христианскими), либо же возврата к запрету на ростовщичество. Примечательно, что реализовались обе идеи.

Обе родились в конце XVIII века. Первой из них, положенной в основу «Западного» проекта, стал обходной путь осуществления многовековой мечты алхимиков о синтезе золота в реторте. Понятно, почему стремились создать именно золото — на тот момент оно было для всего человечества Единой мерой стоимости. Затем пришло простое решение: если невозможно синтезировать золото, то следует изменить меру стоимости — установить такую, которую можно создать в реторте. А потом контролировать этот сосуд, не допуская к нему никого постороннего. Именно из этой идеи (о второй я расскажу ниже) вырос механизм финансового капитализма, а затем и новый глобальный проект.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что сегодня Единая мера стоимости — это американский доллар. А единственная «реторта», где он рождается, — Федеральная резервная система США, частная контора, владельцами которой являются крупнейшие инвестиционные банки Уолл-стрита. Вся мировая финансовая система с ее институтами, такими, как МВФ, Мировой банк и многие другие, своей главной задачей видят именно сохранение монополии ФРС на денежную эмиссию.

Разумеется, этот проект, который активно развивался в XIX—XX веках, процветал исключительно благодаря ссудному проценту. Основными его стадиями стало создание первого частного госбанка (с монопольным правом денежной эмиссии) в Англии в середине XIX века, создание ФРС США в начале XX века, Бреттон-Вудские соглашения 1944 года,

отмена привязки доллара к золоту в 1973 году и, наконец, распад «Красного» проекта в 1991 году. А изменение названия с Капиталистического на «Западный» связано с тем, что укоренившееся в наших СМИ выражение «Запад» обычно упоминается именно для описания проектных организаций «Западного» глобального проекта — таких стран, как США или Великобритания, и некоторых чисто проектных образований вроде МВФ, НАТО и т.д.

Базовая система ценностей в «Западном» проекте по сравнению с Капиталистическим изменилась довольно серьезно. Именно «Западному» проекту мы обязаны созданием новой Нагорной проповеди — «Протестантской этики», которая *de facto* отменила оставшиеся библейские ценности. Да и в экономике произошли серьезные изменения, поскольку основные богатства стали создаваться не в материальной сфере, не в производстве или за счет природной ренты, а путем безудержной мультипликации чисто финансовых активов. Такая модель привела к тому, что доля финансовых ценностей, которые в XIX веке составляли менее половины всех активов человечества, на сегодня составляют более 99 процентов. Только объем финансовых фьючерсов, например, на нефть, превышает объем физической нефти (в ценовом выражении) в сотни и тысячи раз.

Такой способ создания активов «на печатном станке» в условиях уже существующей технологической цивилизации вызвал к жизни феномен «сверхпотребления». Развитие системы потребительского кредита на базе эмиссии доллара позволило резко увеличить уровень жизни немалой части населения в границах «Западного» проекта. Вместе с тем это одновременно уменьшило желание бороться за реализацию проектных ценностей, поскольку борьба неминуемо снижает жизненный уровень. До распада мировой системы социализма рядовых последователей «Западного» проекта сплачивала внешняя угроза. После ее исчезновения они полностью расслабились. В результате одно из основных направлений межпроектной борьбы, демографическое, оказалось для «Западного» проекта потерянным навсегда.

Кроме того, изменение основного способа производства не могло не только серьезно изменить психологию проектной элиты, но и резко сузило ее управленческую часть: на сегодня основные проектные решения в «Западном» проекте принимает фактически узкая группа лиц, состоящая от силы из нескольких десятков человек.

А теперь вернемся к судьбе второй идеи — запрету на ростовщичество.

В XVIII веке, практически одновременно с появлением идеи финансового капитализма, в работах социалистов-утопистов появились идеи, которые стали основой для развития «Красного» проекта. С точки зрения библейской догматики, он был попыткой вернуть запрет на ростовщичество (в форме обобществления средств производства). Однако его идеология имеет одну важную особенность — серьезный уклон в социальную сферу, мощное развитие социальных технологий.

Слабое место «Красного» проекта — полное отсутствие мистической составляющей, которое вначале было не слишком заметно из-за контраста с проектами Капиталистическим и «Западным». Однако, когда противники начали перенимать у «Красного» проекта социальные технологии, этот недостаток стал играть все большую роль. Не исключено, что именно стремлением восполнить пробел объясняются попытки Сталина «реанимировать» православие в 40-е годы, но его смерть остановила эти начинания.

«Красный» проект, который в СССР развивался, если так можно выразиться, в достаточно резкой «коммунистической» форме, проиграл, но не исчез окончательно, а перешел в латентную форму. Резкое падение уровня жизни в странах «Западного» проекта после неизбежного и скорого глобального экономического кризиса неминуемо вызовет мощный ренессанс социалистических идей.

Кроме того, скорее всего в силу проблем с долларом в качестве Единой меры стоимости человечество (по крайней мере, на время) объективно будет вынуждено всерьез рассмотреть возможность возвращения в житейскую практику библейского догмата о запрете на ростовщичество. Подобный вариант подкрепляется еще одним обстоятельством.

Дело в том, что в VII веке за пределами Европы возник еще один проект на библейской системе ценностей — Исламский. Он активно развивался почти 1000 лет, но переход к имперской стадии в рамках Османской империи практически привел к его замораживанию. И только в XX веке попытки «Западного» и «Красного» проектов разыграть в своих интересах «исламскую карту» привели к возрождению Исламского глобального проекта в новой редакции. Немаловажным фактором его оживления стала также демографическая динамика, в результате которой стремительно выросло население мусульманских стран.

Основная черта Исламского проекта — очень сильная идеологическая составляющая. Связано это с тем, что включенные непосредственно в догматику Корана нормы и правила общежития делают его активными проповедниками практически любого носителя проекта. Это существенно отличает его от всех остальных глобальных проектов, которым такая активность бывает присуща только на самых ранних стадиях развития.

Однако следует вспомнить о феномене «технологической цивилизации». Основной проблемой Исламского проекта, который явно рвется к контролю над Европой и ищет базовую страну для перехода к иерархической стадии, — это полная невозможность отстроить на собственной базе современную технологическую структуру. Использовать опыт Капиталистического и «Западного» проектов он не может — ссудный процент в Исламе запрещен категорически. По этой причине не исключено, что проникновение Ислама в Европу начнет принимать социалистический оттенок, что неминуемо будет коррелировать с подъемом аналогичных настроений в условиях острого экономического кризиса.

И в заключение несколько слов о Китае, который сегодня стоит на распутье. Пока еще непонятно, какой путь развития он выберет. Поднимет ли упавшее знамя «Красного» проекта, то есть пойдет по интернациональному проектному пути, либо же останется в рамках чисто национальной империи, которую в принципе не будут волновать мировые процессы, напрямую не затрагивающие национальные интересы этнических китайцев и их вассалитет. Многое говорит за то, что коммунизм в его классической форме не является целью Поднебесной. Китай в полной мере адаптирует капиталистический инструментарий, в то время как коммунистическая атрибутика сохраняется только затем, чтобы смягчить преобразования.

Пока создается впечатление, что Китай не заинтересован в создании собственного глобального проекта ни на «Красной», ни на какой-либо другой (например, буддистско-конфуцианской) основе, чем существенно ограничивает собственные возможности по контролю над миром.

Крах «Западного» проекта

В начале 1990-х годов США вели себя в полном соответствии с базовыми проектными принципами. Они активно пропагандировали свои ценности как «единственно верные и универсальные в мире» и заявляли, что «огнем и мечом»

вменяют их всему человечеству. Не будем сейчас говорить о том, как такая позиция сочетается с библейскими принципами (хотя одна из интерпретаций притчи о «Вавилонском столпотворении» утверждает, что «башня» американской экономики должна рухнуть так же и по той же причине, что и Вавилонская). Однако факт остается фактом — попытка построить глобальную «Вавилонскую башню» по американским чертежам, навязать миру господство ценностей «Западного» проекта, в общем, не очень удалась. И какова же оказалась реакция американских властей?

На мой взгляд, они начали движение назад. Если вспомнить политику президента Буша, то можно отчетливо увидеть попытки изменить экономическую модель. Грубо говоря, он (явно или неявно) рассматривал вопрос о возврате к Капиталистическому проекту, о выходе из экономического кризиса за счет возврата к исходно христианским ценностям (в противовес либерализму и политкорректности), об изоляционизме и сбросе с американского бюджета тягести поддержки мировой финансовой системы. Иными словами, речь шла о выходе США из «Западного» проекта.

Курс продолжил и преемник Буша. В своем выступлении на открытии 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2009 года президент США Барак Обама сказал примерно следующее: по его мнению, в том году больше, чем когда-либо прежде, не просто в современной, а в человеческой истории вообще, «интересы государств и народов являются общими». «Настало время для того, чтобы мир двинулся в новом направлении», — подчеркнул глава Белого дома. — Мы должны начать новую эру сотрудничества, основанную на взаимных интересах и взаимном уважении, и наша работа должна начинаться прямо сейчас». (Удивительным образом этот пассаж почти дословно воспроизводит тезис Михаила Горбачева о новой доктрине «баланса интересов», которая-де должна была прийти на смену «балансу сил».) Обама признал, что «многие в мире стали смотреть на Америку со скептицизмом и недоверием» и что политика прежней администрации США, привыкшей действовать в одностороннем порядке, породила в мире «рефлексивный антиамериканизм».

Какой же должна быть, по Обаме, грядущая «эра мирового милосердия»? «Демократия не может быть привнесена в какую-либо страну извне. Каждая страна будет следовать по пути, который коренится в культуре ее народа, и в прошлом Америка слишком часто была избирательна в своей пропаганде демократии». Иными словам, США фактически отказываются от своей позиции лидера «Западного» проекта и

более не намерены силой вменять всему миру его принципы (что не помешало Соединенным Штатам пару лет участвовать в военной агрессии против Ливии или, наверное, будет точнее сказать — инициировать эту агрессию).

Выводы просты. Во-первых, если США отказываются от своей роли лидера «Западного» проекта (независимо от того, есть у них ресурсы продолжать эту политику или их уже нет), то последнему пришел конец. А значит, рано или поздно (с учетом начавшегося мирового экономического кризиса — скорее, рано) начнется распад и технологической зоны США, то есть всей системы мирового разделения труда, построенной на американском спросе, выраженном в долларе. Можно долго рассуждать, каковы будут последствия, но самое простое — это вспомнить Россию 1990-х годов, в которой жесточайшая технологическая деградация была следствием не только откровенно антигосударственной политики «либерал-реформаторов», но и сугубо объективного фактора — разрушения собственной системы разделения труда с утратой большей части рынков сбыта. И такая же перспектива ждет завтра США и весь мир.

Во-вторых, отказ США от жесткого насаждения своей ценностной базы оставляет весь мир в глубоком идеологическом вакууме. На протяжении уже пары десятилетий народу говорилось о том, что социалистические идеи — это заведомый вред (что сопровождалось колоссальным иллюстративным материалом, специально для этого изготавливаемым). Про то, что сделали с религиозными идеями сторонники «прав человека» и «политкорректности», и говорить нечего. И если в СССР/России еще можно было отказываться от базовых идей, кивая на то, что альтернатива («Западная») есть, то сегодня ситуация совсем другая: альтернативы как раз нет. Что само по себе крайне опасно и чревато серьезными проблемами. В первую очередь распадом мира на многочисленные и весьма враждебно относящиеся друг к другу кластеры. В-третьих, не нужно забывать, что США — это довольно сложно устроенное общество, в которое входят носители самых разных идеологий. Да, сегодня они все находятся под жестким контролем, что, в общем, естественно, поскольку высокий уровень жизни обеспечивается именно за счет доминирования идеологии «Западного» глобального проекта. Но, как мы знаем на примере СССР, сказавши «А» (то есть отказавшись от доминирования в мире своей идеологии), придется говорить и «Б» (отказаться от этого же и во внутренней жизни). А это значит, что в среднесрочной перспективе США предстоит ввер-

гнуться в пучину жесточайших идеологических споров и баталий, которые вряд ли будут способствовать быстрому выходу из экономического кризиса.

Способы сохранить власть

Собственно, баталии уже идут. И в США, и в Евросоюзе, и в России продолжают митинги, с которыми власти борются теми или иными способами. При этом они вполне отдают себе отчет в том, в каком направлении разворачивается ситуация: в США, как пишут в интернете, полицейских и армию тренируют на макетах американских городов (почти в натуральную величину), в России всерьез обсуждают варианты повышения налогов, в том числе, на недвижимость и на роскошь. Все это говорит о том, что общий негатив ближайшего будущего власть понимает. Но вот как она это понимает?

Обращаю внимание на митинги. Несмотря на активные попытки (у нас — так точно) придать им антивластную направленность, на самом деле они обращены не против власти, а апеллируют к ней. Общество, точнее, его наиболее деятельная часть (а выступает, в основном, т.н. «средний класс»), пытается объяснить власти, что нужно что-то менять в политике. А та реагирует достаточно своеобразно — придумывает разные способы, как бы сохранить существующую систему любой ценой.

Дело в том, что на памяти человечества не было еще ситуации, когда бы элита получала такой колоссальный (и по объему, и по относительной доле) кусок общественного пирога, при этом практически не неся никакой ответственности за свою деятельность. И дело даже не в том, что никто не хочет отказываться от такого счастья — это понятно. Проблема еще и в том, что какая бы ни была новая общественно-политическая система, она неминуемо будет предусматривать куда большую личную ответственность.

А вот это уже для элиты просто страшно! Работать эти люди не умеют — просто потому, что их статус и их доходы никак не зависели от качества их деятельности как администраторов и политиков, причем многие десятилетия. В отличие, скажем, от 60-х — 70-х годов прошлого века, не говоря уже о более ранних временах. Разумеется, под работой я имею в виду осуществление некоторых общественных функций, которые почти автоматически предполагаются у представителей элиты, даже не обязательно государственной. Сама мысль о такой ответственности была начисто вычищена в рамках «либеральной революции», начиная с конца 60-х годов. Последствия мы сегодня и ощущаем.

Эти люди, наши (и российская, и мировая) элиты, не могут себе позволить ни взять ответственность на себя, хотя бы потому, что не понимают, что это такое, ни позвать во власть людей, которые это понимают. Опасаются, что на их фоне будут выглядеть как-то не очень убедительно. А то, что негатив будет множиться и множиться, элиты понимают. Отказываясь от конструктивного диалога с обществом, они неминуемо готовят меры борьбы с диалогом деструктивным. До которого, рано или поздно, дело дойдет по мере ухудшения экономического состояния.

У нас в этом смысле еще не самый плохой вариант. В России, в общем, нет «среднего класса» как инструмента стабилизации социально-политической жизни. Ну, вернемся мы в 90-е годы с узким классом олигархии и нищим, как и в то время, прочим населением. Власть такого поворота не боится, она уже «проходила» подобную ситуацию. Без бунта. Правда, тогда почти у всех имелись бесплатные квартиры, полученные от Советской власти, а сегодня с жильем уже появились проблемы. Завтра, если поднимут налоги на недвижимость, их станет еще больше.

Разумеется, налог можно ввести так, чтобы у бедных проблем не было, но кто поверит, что наши власти не сделают все максимально глупо? Уж сколько раз наступали на одни и те же грабли, наступят и еще раз, тем более, что депутаты никакой ответственности не несут. Богатые смогут пролоббировать для себя лазейки — а бедные (то есть люди без значимых текущих доходов, но владеющие полученными еще в СССР квартирами) станут платить «по полной», чтобы обеспечить элите бюджет, достаточный для поддержания привычного уровня «откатов» и «распилов».

На Западе тоже все «не слава Богу». Там сохранить «средний класс» не получится по той простой причине, что последние десятилетия он, в основном, существовал за счет роста долговой нагрузки. Напомним — рост долга домохозяйств перед кризисом (то есть до осени 2008 года) составлял около 10 процентов в год — 1,5 триллиона долларов.

Обама резко увеличил дефицит бюджета с той же целью — стимулировать частный спрос. Однако долго это продолжаться не может, а значит, неизбежно должен установиться уровень спроса, соответствующий реальным доходам домохозяйств. А доходы эти, в общем, известны. Если реально оценить сегодняшнюю инфляцию и покупательную способность доллара, то получится, что средние зарплаты такие же, как в конце 50-х, а доходы домохозяйств — такие

же, как в первой половине 60-х годов (разница образовалась из-за увеличения среднего количества работающих в одной семье).

Но по современным меркам, жизнь в стиле начала 60-х — это отнюдь не уровень жизни «среднего класса»! Опять же, эти расчеты справедливы только для нынешних доходов, а по мере сокращения спроса начнут падать и они. Так что ситуация будет только ухудшаться. И вот тут нужно вспомнить, что одно из определений «среднего класса» — люди с типовым потребительским поведением (обеспеченным соответствующими доходами, разумеется). Но потребляют они не только товары или услуги, но и поведение власти. Нынешней власти, которая формируется современной элитой. Если культура потребления у большей части населения изменится — власть станет крайне непопулярной.

Вот и получается, что у элит практически всех стран возникли серьезные проблемы. Они еще пытаются объяснить, каждая — своему обществу, что все вернется «на круги своя», но никто этому не верит. Ни сама элита, ни общество, которое выходит на митинги.

А вариантов развития ситуации всего три. Точнее, два, но с переходным периодом, который может затянуться. Первый вариант — элита выдвигает из своих рядов лидера, который меняет ситуацию, «правила игры», социально-политическую модель, сохранив при этом часть элиты. Не всю, конечно. Второй — общество «сносит» элиты, и к власти приходит антиэлита (как это было в России в октябре 1917 года). И есть промежуточный вариант, при котором элита тщательно ликвидирует в своих рядах потенциальных «наполеонов» и при этом активно умиряет общество. Подобная ситуация неустойчива, мы это хорошо знаем из нашей истории в период с февраля по октябрь 1917 года (вспомним Корниловский мятеж!), но, по всей видимости, именно с ней предстоит столкнуться, например, США.

Удержать ситуацию по прежним «правилам игры» невозможно, необходимо жестко централизовать управление экономикой и государством. А резкое изменение правил требует серьезных поводов. И намеренно создавая их, элиты не станут гнушаться и уже не гнушаются ничем.

В общем, целенаправленная работа по созданию «подушки безопасности» для элит идет уже давно. Главный вектор, определяющий направление развития современного либерального общества, — это упор на «средний класс». Представителям этого «класса» постоянно внушают убеждение, что разные традиционные ценности гроша ломаного не сто-

ят, коль они компенсируются ростом доходов. Зачем это делается, понятно. Это один из способов сохранения власти. Элита таким образом объясняет народу, что самая главная и, в общем, единственная ценность на свете — это деньги. А деньги дает она, любимая. Стало быть, за нее, элиту, и надо держаться изо всех сил...

Именно отсюда идет разрушение семьи (которая, если сильна, всегда «забывает» государство, что хорошо было видно на примере СССР) через ювенальные технологии и постоянную пропаганду гомосексуализма, разрушение религии и церкви, уничтожение образования, национальной культуры (именно культуры, а не ее имитации для поддержания туризма) и развитие так называемого мультикультурализма.

Разумеется, людям это все не нравится, однако постоянный рост уровня жизни и усиление контроля спецслужб за счет развития информационных технологий до последнего времени позволяли держать ситуацию под контролем. И вот здесь, совершенно некстати, случилось страшное — начало «острой» стадии кризиса вызвало падение уровня жизни «среднего класса». Разумеется, процесс только начался, но уже и то, что произошло, показало современной «западной» элите: ее положение под угрозой. Все наработанные технологии управления обществом стали давать сбои.

Одно дело — контролировать небольшой процент недовольных, другое — массовые выступления. И здесь, естественно, элиты сплотились. Объединило их понимание того, что допускать неконтролируемое развитие событий нельзя. Недолго и власть потерять. А значит, нужно любой ценой заставить пока еще существующий «средний класс» сплотиться вокруг элиты. Точнее, вокруг государства, которое эта элита пока контролирует. Необходимо, чтобы народ испугался чего-то большего, чем потеря денег. А поскольку страх перед грозящей бедностью весьма силен, то обычным страхом его не перешибешь. Необходим ужас.

По этой причине я был уверен: в скором времени следует ждать чего-то, что повергнет людей в ужас. И такое событие действительно произошло. Я говорю о бойне в Норвегии, устроенной Брейвиком. Массовое убийство настолько всех ошеломило, что большинство не заметило немалого количества странностей и натяжек, сопровождавших официальную версию событий. Тем не менее, террористический акт идеально отвечает целям элиты. Пресса всячески подчеркивает традиционалистские убеждения массового убийцы. Ужас должен был исходить непременно от традиционного общества — «средний класс» нужно толкать в объятия либераль-

ного государства и либеральных элит, а не в сторону традиционных ценностей. Поэтому СМИ, контролируемые элитой, молчат о групповых изнасилованиях школьниц в Норвегии выходцами из южных стран, хотя они случаются все чаще. Поэтому СМИ не говорят о росте наркомании и падении рождаемости — перед ними поставлены другие задачи. А вот массовое убийство, совершенное человеком, который, якобы (правды мы все равно уже никогда не узнаем), поддерживает традиционные ценности, — это именно то, что нужно элите и власти.

Трудно сказать, будут ли в будущем предприняты аналогичные акции, но в любом случае достигнуть цели современной «западной» элите не удастся — падение экономики окажется слишком сильным. Впрочем, элита в это пока не верит. Но вот что она сумеет сделать — это устроить массовый межнациональный конфликт, который резко усилит традиционные ценности в обществе. К сожалению, это произойдет через очень сильное обострение ситуации, сравнимое с нашей Гражданской войной. И основной вопрос, который сегодня стоит задать: сможет ли общество в европейских странах понять, кто был реальным заказчиком кровопролития на острове Утейя? Или уже никогда не поймет? В конце концов образование и культура уничтожаются не просто так, а с глубоким смыслом.

Возвращение «Красного» проекта

Как пойдет ситуация дальше? Новых пророков пока не видно, так что выбирать приходится из существующих проектов. Поскольку предстоящий экономический кризис резко опустит уровень жизни во всех западных странах (который сейчас существенно завышен за счет феномена сверхпотребления, связанного с эмиссией доллара), то концепции «наживы» во многом сменятся на «справедливость». И это означает ренессанс «Красного» проекта и еще большее усиление Исламского проекта. Что произойдет в США, автор предсказывать не берется, а в Европе вопрос будет только один: сможет ли социалистическая идея ассимилировать исламское население или Европа вольется в исламский мир? Отметим, что до сих пор ассимилировать ислам удавалось только в рамках развития социалистических идей, в связи с чем я считаю, что именно в Европе «Красный» проект ожидает мощная экспансия.

Ренессанс чисто Христианских проектов («Византийского» в форме православия и «Католического») в ближай-

шем будущем ждать не приходится. Дело в том, что такой мощный кризис, как распад мировой системы разделения труда, распад единого долларového пространства будет требовать от всех участников активных, если не агрессивных действий. Политика же «христианских» проектов существенно определяется их догматикой, которая в качестве одного из главных достоинств называет смирение. Иными словами, возрождение этих проектов возможно, но не в среднесрочной, а тем более не в краткосрочной перспективе. Это потребует весьма длительного времени.

Есть и еще одна причина, по которой именно «Красный» проект должен приобрести в ближайшем будущем особое значение. Я уже говорил о том, что ссудный процент, разрешенный в XVI веке, создал новый феномен в истории человечества — «технологическое общество». Ускоренный технический прогресс последних столетий, который, в частности, резко уменьшил смертность и позволил существенно нарастить численность человечества, вызван именно этим явлением. Не исключено, что обязательным условием для этого феномена является одновременное наличие ссудного процента и библейской системы ценностей. Даже Япония и Китай, в общем, развивают свои технологии только за счет западных стран — инвесторов и потребителей произведенной ими продукции. Про ислам и говорить нечего — все попытки создания технологической цивилизации на внутренней базе исламских народов оказались неудачными.

В то же время отказаться от технологических достижений человечество на сегодня не готово. И тем более важно то, что было одно исключение из этого довольно жесткого правила. О нем я уже говорил выше, но стоит повторить. Технологическая цивилизация была построена в СССР — стране, в которой ссудный процент был запрещен не менее, если не более жестко, чем в исламских странах. Этот уникальный опыт «Красного» проекта не может не быть востребован, поскольку, скорее всего, предстоящий кризис Единой меры стоимости вызовет по крайней мере временный отказ от использования ссудного процента. Связано это с тем, что разрушение единого эмиссионного долларového пространства будет, вернее всего, происходить постепенно. На первом этапе, с большой вероятностью, мир разделится на несколько эмиссионных валютных зон: доллара США (выпускать который, видимо, рано или поздно станет не частная контора, а федеральное казначейство), евро и юаня.

Не исключено, что возникнут еще две зоны: так называемого «золотого динара» и российского рубля. Собственно го-

вора, последнее абсолютно обязательно для сохранения России как единого государства. Правда, при нынешнем руководстве нашей экономикой это достаточно маловероятно.

Если учесть, что рынки должны быть глобальными, такая система окажется заведомо менее рентабельной и, скорее всего, продолжит свой распад. В результате отдельные государства, чтобы защитить свои суверенитеты, начнут все жестче и жестче ограничивать права отдельных частных субъектов на присвоение прибыли. Это, в конце концов, почти неминуемо приведет к законодательному или даже идеологическому запрету на частное использование ссудного процента.

Возвращаясь к основной теме, можно отметить, что в Европе ближайших десятилетий мощная экспансия «Исламского» проекта встретит три серьезных сопротивления. Первое — со стороны умирающего «Западного» проекта. Схватка будет безжалостной и бескомпромиссной. Второе — со стороны национальных государств, объединенных в рамках Евросоюза. Здесь давление «Исламского» глобального проекта окажется слабее, поскольку национальные проекты, по определению, не в силах долго противостоять проекту глобальному. Третьим субъектом сопротивления станет возрождающийся «Красный» проект, и здесь отношения будут очень сложными. С одной стороны, «Красный» проект может ассимилировать исламское население Европы (как это было сделано в СССР), и в этом смысле он представляет для «Исламского» проекта главную опасность. С другой — некоторые его черты необходимо максимально поддерживать, поскольку именно они должны будут обеспечить сохранение технологической цивилизации в Европе. В результате этих процессов, скорее всего, в Европе возникнет новый глобальный проект, некий симбиоз ислама и социализма, который можно условно назвать «исламским социализмом».

Ситуация в России будет отличаться от европейской только одним: куда более развитыми принципами и механизмами «Красного» проекта. И это несет огромную угрозу «Западному» проекту, поскольку описанные выше варианты развития событий в Европе могут существенно быстрее реализоваться в России и тем самым серьезно ускорить окончательный распад «Западного» глобального проекта.

Неслучайно «Западный» проект бросил значительные силы на срочное разрушение в России реликтов «Красного» проекта: его наемные менеджеры начали агрессивно проталкивать немедленное вступление России в ВТО, разрушать государственную систему пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования. Смысл этих действий понятен. Рос-

сия на протяжении тысячелетия была исключительно проектной страной и попросту не может существовать без великой идеи. Разрушение «Красного» проекта впервые в истории оставило ее в идейном вакууме: никаких проектных ценностей для России пока не видно. Вменить нашим народам ценности «Западного» проекта, прямо скажем, не удалось. Однако у России все еще остался некоторый оборонно-технический и образовательный потенциал, и «западные» проектанты не желают допустить, чтобы какой-либо другой глобальный проект захватил эту территорию. Следовательно, надо превратить ее в пустыню, населенную агрессивными и неконструктивными племенами. До тех пор, пока «Западный» проект был «единым и неделимым», с Россией можно было бороться на технологическом уровне. Но теперь, когда он зашатался, требуются более жесткие и решительные меры. Что мы и наблюдаем на практике.

Теоретически после распада «Западного» проекта возможен и другой путь развития. Это отказ и от оставшихся библейских догматов. Однако в этом случае придется формулировать новую догматику проектного масштаба.

Как бы то ни было, неизбежный распад «Западного» проекта приведет к сложному процессу борьбы уже существующих глобальных проектов в попытках усилить свое влияние или просто возродиться. Главными из них, по всей видимости, на первом этапе станут два: Исламский и «Красный». Первый — в силу своей очевидной на сегодня мощи, второй — как гарант сохранения «технологической цивилизации». И если Россия хочет играть в ближайшие десятилетия хоть какую-нибудь роль в мире, а то и просто сохраниться как государство, нам жизненно необходимо с предельной активностью реанимировать оставшиеся от времен социализма механизмы и технологии и попытаться создать новую российскую проектную идеологию.

Кто найдет выход из идейного тупика?

Таким образом, современная ситуация предоставляет нам совершенно уникальные возможности. Почему именно нам?

Дело в том, что западное общество жестко тоталитарно. Любые попытки заниматься чем-то, не одобренным официальной идеологией, неуклонно преследуются. Наказания, правда, помягче, чем те, что применялись в СССР. Людям всего лишь закрывают возможности карьерного роста. Даже если школьник начинает в своих рассуждениях и высказываниях противоречить основополагающим догмам, то мож-

но смело сказать — хорошего образования он уже не сможет получить никогда. Вместе с тем существуют разного рода институты и механизмы, предназначенные контролировать положение так, чтобы не завести его в тупик, — при критическом развитии ситуации снимаются запреты на вольную мысль. Этот механизм действовал неоднократно на протяжении нескольких веков.

В последний раз он был пущен в ход совсем недавно, когда Фрэнсис Фукуяма, известный тем, что двадцать лет тому назад написал книжку «Конец истории», опубликовал в первом номере журнала «Foreign Affairs» за 2012 год статью под названием «Будущее истории». Коротко перескажу своими словами этот знаменательный текст.

Мы уткнулись в идейный тупик, пишет Фукуяма. Современный капитализм умирает у нас на глазах, и по этой причине нам нужна новая идеология. Сочинить ее на старом фундаменте мы не можем потому, что нас сдерживает слишком много запретов. Однако давайте отдадим себе отчет в том, что эти запреты появились в результате противоборства с СССР и вообще с «Красным» проектом. Этого проекта теперь нет, и потому мы можем снять все запреты и дать свободу творчеству, народу. Пусть, дескать, народ сочинит нам новую капиталистическую идеологию. Он даже рисует забавную картинку: «Представьте на мгновение неизвестного сочинителя, который, ютясь где-нибудь на чердаке, пытается сформулировать идеологию будущего, способную обеспечить реалистичный путь к миру со здоровым обществом среднего класса и прочной демократией». Однако Фукуяма тут же предупреждает: есть четыре пункта, от которых ни в коем случае нельзя отказаться. Это частная собственность, свобода, демократия и «средний класс».

Понятно, почему в этот перечень затесался «средний класс», который вообще-то не имеет никакого отношения к философским понятиям. Именно он, «средний класс», собственно, и требует наличия частной собственности, свободы и демократии. Бедным эти блага ни к чему — им от них ни жарко, ни холодно. А богатым свобода и демократия не нужны, потому что свою собственность они могут защитить самостоятельно. Таким образом, «средний класс» становится очень важным связующим звеном.

Итак, Запад открыто заявил, что объявляет конкурс на новую идеологию. И здесь мы сталкиваемся с совершенно любопытной вещью. Мировоззрение, философия, тщательно проработанная и многократно переписанная история Запада создавались в последние сто лет в ходе борьбы с комму-

нистической идеологией, одним из ключевых элементов которой является тезис о конце капитализма. Соответственно, в западной модели, в либеральной философии и прочих построениях капитализм принципиально бесконечен. По этой причине новая философия, которую предлагает разрабатывать Фукуяма, если и будет разработана, станет всего лишь обновлением капитализма.

Возможно ли такое обновление?

Давайте разберемся, откуда в коммунистической идеологии взялся тезис о конце капитализма? Мы привыкли считать, что его придумал Карл Маркс и что он естественно вытекает из Марксовой теории смены формаций. Но тогда возникает другой вопрос: почему Маркс решил заниматься теорией смены формаций? А дело вот в чем. Маркс как ученый — не как идеолог и пропагандист, а именно как ученый — политэкономом. Политэкономика как наука появилась в конце XVIII века, и разработал ее Адам Смит, потом подхватил Давид Рикардо, и Маркс, в некотором смысле, был продолжателем их традиции. Так вот тезис о конце капитализма появился у Адама Смита, и не исключено, что Маркс и занялся — то концепцией смены формаций, потому что понимал, что капитализм конечен. Ему было интересно разобраться, каким будет посткапиталистическое общество.

Согласно Адаму Смиту, уровень разделения труда в конкретном обществе определяется масштабами этого общества, то есть рынком. Чем больше рынок, тем глубже может быть разделение труда. (Объясню этот тезис, что называется, «на пальцах». Предположим, есть некая деревня, в которой сто дворов. Так вот, хоть умри, но строить паровозы там невозможно. Не тот масштаб.) Со времен Смита этот тезис получил массу подтверждений, и из него вытекает довольно простое следствие — с какого-то момента, с какого-то уровня разделения труда дальнейшее разделение может происходить только путем расширения рынка.

И вот в наши дни мир зашел в ситуацию, которую Адам Смит и даже Маркс описывали как абстрактную, чисто гипотетическую. Сегодня она стала вполне конкретной. Расширение рынков более невозможно. Следовательно, невозможно и дальнейшее углубление разделения труда в рамках существующей модели экономики. Конечно, можно попытаться сделать это в какой-то отдельной отрасли, но никак не во всей экономике в целом. Не получится. Отсюда следует вывод — современный капитализм закончился. Нынешний

кризис — это кризис конца капитализма. У него больше нет ресурса развития. Развиваться далее в тисках капиталистической идеологии мир не может.

С точки зрения человечества, это не самая большая беда. Только в Европе и только за последние две тысячи лет сменились по крайней мере две базовые модели экономического развития, о чем я уже говорил выше. Ничто не мешает произойти еще одной смене.

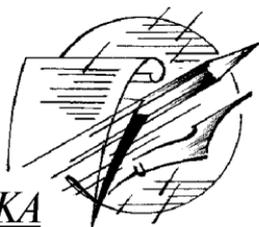
Поэтому мне представляется, что сегодня ключевым моментом является поиск нового механизма развития и нового языка, на котором это развитие можно описать. Тот, кто это сделает, станет цивилизационным чемпионом на ближайшие лет двести-триста. Из всего сказанного выше ясно, что сделать это можно только за пределами западного мира. И я не могу отыскать на карте страну, кроме России, где могла бы родиться новая идея.

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СНИЖЕНИЮ РОЖДАЕМОСТИ

На фоне сообщений СМИ о найденных в Свердловской области на обочине дороги четырех бочек с 248 человеческими эмбрионами, глава комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Елена Мизулина сделала весьма важное и своевременное для укрепления России заявление, что в России действует целая индустрия, поставляющая нерожденных малышей (абортивный материал) для производства стволовых клеток в косметологических и фармакологических целях.

Заявление депутата Госдумы Елены Мизулиной не беспочвенно. Поэтому начнем разбираться во всем по порядку.

Начало идеологического оправдания мер по снижению рождаемости в мире положено феминисткой Маргарет Зангер, активно сотрудничавшей с немецкими нацистами. Ее геноцидные идеи нашли горячий отклик в третьем рейхе, где впоследствии использовались при освоении «восточных территорий». В апреле 1932 года Маргарет Зангер подробно изложила свой «План умиротворения», согласно которому «неблагодарный человеческий материал» следовало подвер-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

гнуть принудительной стерилизации, расселить по мандатной системе и, в конце концов, собрать в концентрационные лагеря.

Учение Зангер, по мнению экспертов, является разновидностью сатанизма, перекликается с оккультно-мистическим учением «антисистемных» (ставящих целью уничтожение «плохого» мира) сект, а также — с человеконенавистническими идеями Мальтуса и Гитлера, идеи которого о принудительной стерилизации женщин Зангер активно поддерживала. Так, в своей книге «Основной вопрос цивилизации» Маргарет Зангер открыто призывала «выдергивать плевелы человечества», снижать численность «неполноценных, умственно отсталых и не соответствующих расовым стандартам», а также к принудительной стерилизации «генетически второсортных рас».

В 1921 году Маргарет Зангер сажают на месяц в тюрьму за организацию подпольного абортария и распространение опасных для здоровья контрацептивов, а уже в 22-м, не успев выйти на свободу, она созывает международную конференцию в защиту абортотворцев и совершает кругосветное турне с циклом лекций.

Созданная Маргарет Зангер в 1921 году в США «Лига контроля над рождаемостью» в дальнейшем из-за скандальной репутации была преобразована в Международную федерацию планирования семьи (МФПС).

Согласно бюллетеню за 1997 г. Американской лиги в защиту жизни в американских клиниках МФПС беременные пациентки получают следующие виды услуг: направление на усыновление — 4%, медицинская помощь — 5%, аборт — 91%.

Несмотря на это, идеи Маргарет Зангер получили мощную поддержку в политическом руководстве США. Так, 27 апреля 1974 года в основные ведомства США: Министерство обороны, ЦРУ, Министерство сельского хозяйства, Агентство международного развития был послан запрос, подписанный госсекретарём Генри Киссинджером. «Президент распорядился изучить влияние роста мирового народонаселения на безопасность США и соблюдение американских международных интересов», — говорилось в запросе. В результате появился документ NSSM-200, составленный Советом по национальной безопасности и являющийся важнейшим при принятии решений правительством Соединенных Штатов.

Предлагаем несколько цитат из этого документа:

«При том, что население США составляет 6% от мирового, мы потребляем около трети природных ресурсов, — призна-

ются авторы Меморандума. — В последние десятилетия Соединённые Штаты всё больше зависят от импорта полезных ископаемых из развивающихся стран, и эта тенденция, судя по всему, продолжится... Поэтому США всё больше заинтересованы в поддержании политической, экономической и социальной стабильности в странах-поставщиках...»

«Поскольку, снижая рождаемость, мы можем улучшить перспективы такой стабильности, политика в области народонаселения становится весьма важной для соблюдения экономических интересов США».

«Быстрый рост населения в развивающихся странах... наносит ущерб их внутренней стабильности и отношениям с теми странами, в развитии которых США заинтересованы, создавая, таким образом, политические проблемы или даже угрозу национальной безопасности США».

А вот как поборники прав человека представляют себе идеальный порядок вещей, и вот как они на самом деле пекутся о равенстве возможностей: «Когда перенаселение приводит к массовому голоду, голодным бунтам и социальным переворотам, это не благоприятно для систематического освоения природных ресурсов и долгосрочных инвестиций».

Согласно Меморандуму снижать рождаемость в развивающихся странах предполагалось путём распространения служб планирования семьи, которые занимались бы пропагандой «простых, дешёвых, эффективных, безопасных, продолжительно действующих и приемлемых методов предупреждения беременности». При этом службы планирования семьи предполагалось насаждать и как самостоятельные организации, так и вписывать их в уже имеющиеся структуры здравоохранения, привязывая к «охране здоровья матери и ребёнка, снижению материнской и младенческой смертности» (как, собственно, и произошло у нас в России).

Главной или «головной» организацией в области «коррекции народонаселения» Земли является Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА). Теоретически, в этот Фонд поступают пожертвования от самых разных стран. На момент создания организации их было 65. Однако в 1971 году вклад США составил примерно половину от общего бюджета Фонда. В последующие годы эта цифра снизилась, но очень незначительно. Так что «заказчик музыки» не вызывает сомнений.

ЮНФПА, по замыслу авторов Меморандума, играет координирующую роль в осуществлении **депопуляционных** проектов. Под его дудку пляшут такие организации, как ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) и многие другие, не столь известные в России. На-

шлось там теплое местечко и для Международной федерации планирования семьи (МФПС). «США должны объединить страны-доноры, ВОЗ, ЮНФПА, ЮНИСЕФ и Всемирный банк для создания консорциума, который бы помогал наиболее нуждающимся странам в организации... системы здравоохранения, неотъемлемой составной частью которой станет планирование семьи». ЮНЕСКО призывалось возглавить работу с учениками начальной школы, чтобы внушить им «в процессе формального и неформального обучения» идеал малодетной семьи.

По мнению Т. Обайда, исполнительного директора Фонда ООН в области народонаселения: «Предоставление людям возможности выбирать размер семьи замедлит рост численности населения».

Весной 1989 года, на страницах журнала «Вашингтон/Кутотерли» в статье «Глобальные демографические тенденции к 2010 г. в аспекте безопасности США» Пентагон открыто призывался к тому, чтобы «планированию населения» был придан статус программы по разработке новых видов оружия.

С крушением СССР и появлением открытой всем идеологическим ветрам России уже в 1992 году в нашей стране появляется филиал МФПС — Российская ассоциация планирования семьи (РАПС), а в 1992-м и 1994 годах в Рио-де-Жанейро и в Каире состоялись международные конференции по народонаселению, на которых миру была навязана программа так называемого «устойчивого развития». Итоговые документы Каирской конференции были подписаны и представителями России.

Вот несколько базовых принципов Каирской конференции:

1. Требование невмешательства государства в деятельность служб планирования семьи.

2. Службы планирования семьи не должны подчиняться демографическим целям государства.

3. Требования, обязывающие нации при проведении демографической политики учитывать уровень благосостояния соседей.

4. Государства обязаны обеспечить официальную законодательную базу, способствующую распространению служб планирования семьи.

5. Государства обязаны устранить ненужные медицинские и законодательные ограничения к сервису по планированию семьи.

6. Обеспокоенность по поводу низкой рождаемости и сокращения численности населения никоим образом не долж-

на лишать людей возможности основного репродуктивного права — планирования семьи (а точнее — аборта).

7. Правительства и неправительственные организации должны поощрять предоставление услуг в области планирования семьи.

С появлением на российской земле филиала МФПС — Российской ассоциации планирования семьи (РАПС), имевшей более 50 отделений по всей стране, к сожалению, российская медицинская терминология приобрела множество лукавых «планировочных» понятий. Приведем лишь несколько из них с раскрытием их сути:

«охрана репродуктивного здоровья» — включает в себя контрацепцию, стерилизацию (!), аборт;

«репродуктивные права» — право на контрацепцию, стерилизацию, аборт и растление детей в школах, под видом «полового воспитания», «основ здорового образа жизни» и т. п.;

«половое воспитание» — привитие детям психологии отказа от деторождения, в том числе путём открытой пропаганды контрацепции и стерилизации, скрытой пропаганды абортов и сексуальных извращений, поскольку это тоже не способствует продолжению рода;

«здоровый образ жизни» — в представлении «планировщиков», обязательно включает в себя применение контрацепции;

«безопасное материнство» — использование контрацепции (якобы для избежания осложнений после абортов, которые могут привести к смерти);

«ответственное родительство» — включает в себя использование контрацептивов, сцеплено с лозунгом «ребёнок должен быть здоровым и желанным». В начале российской «планировочной» эпопеи лозунг был более откровенным: «Пусть один ребёнок, но здоровый и желанный!»;

«здоровые и желанные дети» получаются, с их точки зрения, только при «запланированной» беременности, то есть, когда женщина намеренно делает перерыв в контрацепции. Хотя можно привести массу примеров, когда женщина не собиралась иметь ребёнка, но потом, родив, была счастлива и благодарила Бога, что не сделала аборт.

Основное направление законодательной деятельности лоббистов РАПС было сосредоточено на принятии закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления». Еще в 1991 году в Госдуме РФ была осуществлена попытка провести закон о, по существу, принудительной стерилизации «недостойных». Однако, слава Богу, законопроект не прошел, после чего «иностранные агенты», как это сей-

час принято говорить, сконцентрировались на проталкивании через Госдуму и другие госорганы проекта закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления». Этот законопроект давал свободу и неограниченные возможности сторонникам сексуального просвещения (на деле — развращения) детей.

21—22 января 1997 года в Москве на конференции «Планирование семьи: вчера, сегодня, завтра», организованной Российской ассоциацией планирования семьи и проведенной на средства фирмы «Шеринг», выпускающей контрацептивы, было объявлено о начале контрацептивной революции в России.

Суть законопроекта «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления» сводилась к тому, что: а) государство поощряет снижение рождаемости и соответственно — уменьшение народонаселения России, специально финансируя этот процесс; б) в школьные программы с 1-го по 11-й класс вводится курс «Половое воспитание» объемом в 374 часа. Детей в Российской Федерации с одиннадцати лет (а в целом ряде случаев и раньше) предполагалось обучать «безопасному сексу». На уроках им предполагалось выдавать за государственный счет контрацептивы.

Инициатором и проводником законопроекта являлась Российская ассоциация планирования семьи. РАПС активно работала над «половым просвещением» российских школьников, имела штат лекторов, работающих в государственных школах; совместно с Министерством здравоохранения России вела широкую издательскую деятельность по рекламе стерилизации и «планированию семьи». Главными источниками финансирования РАПС являлась иностранная помощь и поступления из государственного бюджета России.

Один из активных лоббистов РАПС в Госдуме РФ даже выдвинул лозунг: «Контрацептивная революция — единственная революция, которая требуется современной Россией!».

Далее, лоббистами-«планировщиками» был разработан закон о лекарственных средствах, в котором предлагалось новое определение понятия «лекарственное средство». Согласно этому новому определению, считалось допустимым изготовление лекарств из органов и тканей человека. Этот же закон легализовывал в стране фетальную терапию (изготовление лекарств из человеческих эмбрионов, убитых с помощью аборта). Другое положение закона утверждало, что контрацептивы являются лекарством. То есть юридически, впол-

не официально и на государственном уровне могло быть признано, что беременность — это болезнь, а контрацептивы — лекарства против этой болезни. Эта статья позволяла бы раздавать противозачаточные средства за счет страховки и госбюджета для профилактики беременности всем подряд, в том числе и детям (для снижения рождаемости в России), что имело бы самые отрицательные последствия для государства в целом, особенно в плане ухудшения демографической обстановки. Законопроект отправлен на доработку. При пересмотре закона в Думе эти положения были убраны, несмотря на протесты некоторых депутатов.

Самым известным проектом российских «иностранных агентов» и лоббистов РАПС стало внедрение в России программы «Планирование семьи», которая включала следующие основные направления: бесплатная раздача контрацептивов, «сексуальное просвещение» подростков, внедрение лапароскопов для стерилизации и др.

По заключению многих экспертов, программа «Планирование семьи» давала не только серьезный эффект в сфере сокращения рождаемости в России, но и провоцировала у детей интерес к ранним половым контактам и половую распущенность, а следовательно, увеличивала количество заражений венерическими заболеваниями и СПИДом.

За внедряемыми программами полового воспитания стояли фирмы и организации, заинтересованные в расширении рынка сбыта презервативов и порнопродукции, падении рождаемости в Российской Федерации, ухудшении здоровья молодого поколения, разрушении института семьи и нравственности в российском обществе. Среди организаций следует назвать фирмы, производящие контрацептивы («Шеринг», «Джонсон и Джонсон», «Проктер энд Гембл», «Органон» и др.).

Благодаря активной деятельности лоббистов-«планировщиков» политику планирования семьи поддерживали на государственном уровне Министерство образования, Министерство здравоохранения, Министерство труда и социального развития. В стране с 1992 года открылось 300 государственных центров планирования семьи под эгидой Министерства здравоохранения, 52 филиала уже упоминавшейся общественной организации под названием Российская ассоциация планирование семьи, Международный фонд охраны здоровья матери и ребенка, Российское общество контрацепции, международные женские центры, а также множество разных учреждений — «Эзоп», «Ариадна», «Ювентус», «Магистр» и проч., которые под видом досуговой или про-

светительской деятельности проводили антирепродуктивную пропаганду. Кроме того, центры планирования семьи вписывались в уже существующие структуры — поликлиники, больницы, женские консультации.

В доказательство продолжающейся вредоносной деятельности МФПС в России можно отметить, что в последние десятилетия в стране достаточно широко практикуется при родах кесарево сечение. Многих рожениц принуждают «на кесарево». После операции кесаревым сечением на матке остается рубец, который во время следующей беременности и родов может разойтись, приводя к катастрофе — гибели плода и матери. Поэтому после кесарева сечения многие врачи рекомендуют воздерживаться от повторной беременности. И женщины боятся рожать. Это практикуется во всех регионах страны!

Женские консультации давно у рожениц в России пользуются дурной славой, ибо зачастую специалисты, работающие в этих учреждениях, желая того или нет, стараются посеять сомнения в сознании беременных женщин о якобы имеющихся тех или иных отклонениях в развитии плода, тем самым принуждая российских женщин делать аборт. Об этом свидетельствуют и частые ошибки анализов крови, когда якобы выявляется, что будущая мать заражена сифилисом и, как следствие, предлагается избавиться от будущего ребенка и начать прием антибиотиков. Эти «сбои» с анализами наблюдаются уже многие годы и становятся «системными». По приказу Минздравсоцразвития РФ введен так называемый скрининговый анализ крови, который призван выявлять на начальной стадии беременности врожденные и наследственные патологии плода, устанавливая некую вероятность этих патологий. Этот анализ наносит серьезные психологические травмы беременным женщинам, опять же предлагая псевдонаучные обоснования необходимости прерывания беременности, и его нужно отменить. Как отмечают специалисты, выводы этих анализов зачастую верны с точностью наоборот, поскольку, как при выявленной большой вероятности врожденной и наследственной патологии у плода согласно анализу рождаются нормальные дети, так и при выявленной низкой вероятности — случается рождение детей с отклонениями. Создается впечатление, что на уровне женских консультаций делают все, чтобы убедить беременных женщин сделать аборт, даже прибегая к совершенно бессмысленным псевдонаучным анализам, навязанным России извне в качестве так называемых достижений современной медицинской науки в области гинекологии. Действия спе-

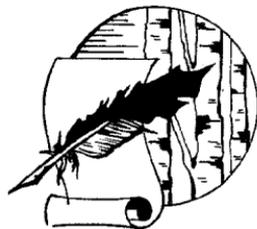
циалистов женских консультаций можно объяснить еще и тем фактом, что abortивный материал пользуется большой ценой у фармакологических компаний. Все это, конечно, требует тщательной проверки правоохранительных органов, поскольку для многих стало очевидным, что в российскую медицинскую практику внедрены технологии, конечной целью которых является снижение рождаемости в России.

В заключение нужно отметить следующее. Нет нужды доказывать очевидное, что под прикрытием псевдогуманистических идей и понятий лоббистами программ «планирования семьи» в России российскому государству и обществу нанесен колоссальный и непоправимый ущерб в области демографии, физического и морального здоровья нации. И это требует тщательного расследования органов ФСБ России.

Результат деятельности служб «планирования семьи» в России очевиден и прямо противоположен их внешне заявленным целям. Благодаря их усилиям Россия стремительно вымирает. К сожалению, наши геополитические противники достигли поставленных целей и задач, создавая систему «планирования семьи» в нашей стране. То, что они «планировали», того и добились.

И сейчас всем очевидно, что в рамках российской системы здравоохранения по направлению родовспоможения функционирует группа «иностранных агентов», которые занимаются деятельностью прямо противоположной родовспоможению.

Не устранив от принятия решений эту группу упырей (чиновников, экспертов, медицинских работников, депутатов-лоббистов), не демонтировав созданную ими систему снижения рождаемости в России, даже значительно увеличив материнский капитал, нам не решить сложную демографическую проблему в стране.

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Лариса ЕЛИСЕЕВА

* * *

Январь-трескун в ядерной силе.
Сочельник — перезвон — Звезда!
Мороз рождественский бессилён —
Конец Филиппова поста!
По всей земле снега-тулупы,
Но воссиял Востока свет!
Пусть день куриным переступом
Идет, но тьме возврата нет!
Январь зовут в народе сечень:
Сечёт он зиму пополам.
И, слава свет, на Святки свечи
Затеplены то тут, то там.
Под щедрый — под Васильев — вечер,
Хотя гадание грешно,
По всей Руси чуть слышно шепчут:
«Что мне дано? Что суждено?».
Но стынут в воздухе вопросы.
Мигают звезды, и уже
Крещенские звенят морозы.
Чтоб чисто было на душе,
Одни — стараясь исцелиться,
Другие — смыть греха следы,
С утра к Крещенью приобщиться
Идут на звон святой воды.
Креститель праздники уводит,
И перезимье настает.
Еще зима похороводит,
Но свет весны уже живет!

г. Новосибирск

Александр ПОШЕХОНОВ

ОСЕННИЙ КОСТЕР

Чуть осень взгрустнет —
Я в леса убегаю
Осеннею грустью болеть.
Под пасмурным небом
Костер разжигаю —
Пытаюсь все небо согреть.

Пытаюсь согреть
На земле одинокой
И мшаник, и луг, и жнивье,
Синичьи ватаги,
И галку с сорокой,
И грустное сердце свое.

Гори, костерок,
Расточая бедово
Всю удаль, как будто в бою.
Согрей мою Русь
И былинное слово,
А я уж за них — постою!..

г. Череповец

Татьяна БРЫКСИНА

* * *

Половецкие пляски раскосых ночей —
То гроза во всё небо, то ливень над садом,
Глухо падают яблоки в мутный ручей,
Руки льда холодней, кипятка горячей,
И душа зависает меж раем и адом.

Это август! — Не ворог, не ворон, не вор...
Я сама заманила лихого гостёчка —
Пусть уводит меня хоть в калмыцкий шатёр,
Хоть на съезжий базар, на последний позор, —
Лишь бы не солгала августовская ночка.

И окно занавешу, и яблок в подол
Наберу, не шарахаясь молний и грома.
Будет облаком плавать по комнате стол,
Будут яблоки биться о вымытый пол
И ежи топотить по дорожке вдоль дома.

Кто уйдет, кто вернется — загадывать зря!
И в тоске не насуплю шмелиные брови...
От июльской светлыни до лун сентября
Прогорит эта ночь, и очнется заря,
Словно брошенка, губы кусая до крови.

г. Волгоград

Андрей ФРОЛОВ

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
— Не таскайте, пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я ташу сестре — с капустой,
С мясом — папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит, в доме мир и лад!

г. Орел

Ольга НЕПОДОБА

СПЯЩИЙ ПОТОК

Инеем вскользь посеребрены скальные лбы.
Розовым цветом едва очертило восток.
С рёвом ворочая глыбы, встает на дыбы,
волей небес пробуждается спящий поток!

Скованный льдами, он вечность на склонах дремал.
Вечность для смертных — мгновение в мире высот.
Были метели венками у северных скал
и продолжали орлы свой небесный полет!

Молча вершины хранили покой ледника,
белые-белые цепи великих хребтов.
Спящий поток — задремавшая в недрах река
силы копила среди безмятежных снегов!

И неизбежно из дремы промозглой восстав,
темные русла взревут, и, оковы круша,
Спящий поток пробудится, и бешеный нрав
миру покажет себя... ледяная душа!!!

Так человеческий дух — может спать много лет,
Всеми забытый, безмолвный, но дай только срок...
Вздрогнет земля и, сметая, рванется на свет
Волей небес пробудившийся спящий поток!!!

г. Краснодар

Вячеслав ЧИЖОВ

* * *

Мне обидно за русских.
За бездомность стыжусь.
За отраду закуски
И за выпивки грусть.

До российской глубинки,
До меня добрались

Европейские рынки,
Зацепив мою жизнь.

И теперь мне не в новость
Весь базарный угар,
Где продажная совесть —
Самый ходкий товар.

Лихорадит наш город —
Вызревает Содом.
И за всех, кто мне дорог,
Я читаю псалом.

Жаль мне нашу деревню,
Как застрявший обоз.
А ведь в ней самый древний,
Самый русский вопрос!

Я за тело не трушу,
Вечно жить не стремлюсь.
Убивающих душу
С детства сильно боюсь.

Черти в душу вцепились,
Ген сломался любви.
Что, брат русский, дожились,
Или нам помогли?

Богородица, страшно!
Коли Русь твой удел,
Глянь — терпение наше
Полнит чаши предел!

г. Новороссийск

ЛИБЕРАЛЬНОЕ МРАКОБЕСИЕ

Либерализм есть нападение на саму Россию.
Ф.М. Достоевский

Бесы в храме

Профессиональные провокаторы применили против России психологическое оружие под названием «Pussy Riot» («Бешеные матки»). Пять бесноватых экстремисток, сопровождаемых зарубежными журналистами, проникли в наш главный кафедральный собор — храм Христа Спасителя и устроили у алтаря богомерзкие пляски с богомерзкими ругательствами. Трех экстремисток удалось задержать. И по команде закулисных режиссеров в медийном пространстве началась дьявольская вакханалия: застонали, заголосили по всей стране «бешеные матки» российского либерализма.

Мы понимали, что три бесовки, лыбившиеся в судебной клетке, — это те самые защищаемые извращенным западным миром «дети погибели», о которых говорил Христос. Не удержались, кинулись им подвывать воинствующие атеисты и т.н. «язычники»: «Немедленно отпустить и простить девочек!..» *Своих* почуяли. Как же тут удержишься, когда можно безнаказанно над Церковью поизгаляться?.. Когда еще такой случай подвернется?..

Давление на суд было беспрецедентным. Российские и западные СМИ, американские

РУССКИЙ ВОПРОС

конгрессмены, депутаты Бундестага, министр культуры Франции, развратная каббалистка Мадонна, солисты зарубежных рок-групп (в основном гомики, наркоманы и сатанисты) и, само собой, подвякивающие им доморощенные атеисты, сексменшинства и «язычники» в один голос, превратившийся в галдящий, неутихающий гвалт, требовали от суда освободить этих «бешеных маток».

До сих пор бесы прыгали и гримасничали на экране, доводили публику до экстаза на рок-концертах, злобствовали в «либеральных» СМИ. И вот — пришли в храм. Они всегда желали здесь покривляться и побуйствовать, но всё же побаивались. Теперь, похоже, настал момент, пришло время ничего не бояться. Как же, вся западная «цивилизация» на их стороне!..

В XIX веке они были в романах. В XXI — пришли в нашу жизнь. Даже сидя в клетке в зале суда — лыбились, были очень довольны, что на них фото- и телекамеры направлены, знали, что их бесовские ухмыляющиеся физиономии по всему свету разлетятся.

Да, бесы пришли в православный храм, позадирали там ноги в разноцветных колготках, поорали матерные речёвки — и получили мировую славу. И сколько сочувствующих им, сколько сторонников объявилось вокруг! «Нельзя осуждать! — загалдели со всех сторон. — Христиане должны всех прощать! Выпустить девочек!..» Они, «либералы», воинствующие атеисты и «язычники», ненавидящие нас, христиан, знают, что и кому мы *должны*. Они, далёкие от христианства, требовали от нас христианского милосердия... Циники и лицемеры. Слово это не светский суд, а мы судили самоназвавшихся «бешеных маток».

Высказывалось мнение, будто они раскололи страну. Неправда. Их провокация ярко обнажила давно существующий раскол российского общества. Раскол моральный, нравственный и национальный. Раскол, как мы еще раз убеждаемся, непримиримый. Прошедший век воинствующего атеизма и богоборчества породил несколько поколений бездуховных людей, то есть духовных калек, изгнавших из души или не допускающих в нее Духа Святого. Им так легче, спокойнее, удобнее существовать в мире. Не жить, не задумываться над смыслом жизни, а только примитивно существовать. Слова «Церковь», «священство», «Христос», «православная вера» вызывают у них мгновенную реакцию злости, истерии, ненависти, усмешек, брызжущей слюны или кривых улыбочек. «Надоела ваша церковь, надоели ваши попы, надоели вы со своим Христом! У нас светское государство!

Пошли к чертям! Лучше отпустите девочек!..» — это самая мягкая реакция с их стороны. Причем, повторяю, судило этих тридцатилетних бесовок именно то самое «светское государство».

Но главные, основные раскольники, конечно, т.н. «либералы». На самом деле, если внимательно посмотреть, никакие они не либералы, это самоназвание — всего-навсего их псевдоним. Слово это — обозначение их национальности, известно какой. Они жестко сплочены, едины во мнении, не терпят возражений, любой не их взгляд для них неприемлем и недопустим. Вспомним, как 20 лет назад они именовали себя «демократами»...

Все т.н. «либералы» патологически боятся правды. Для них правда страшнее смерти. Они знают, что их нынешнее положение в России держится исключительно на баснословной лжи и на одурачивании населения.

И впервые так явственно обнаружился этот прежде таившийся враждебный нам союз. Прямо-таки бросалось в глаза, было очень красноречиво это неслучайное единение. По отношению к бесам в храме воинствующие атеисты и «язычники» тесно сплелись с «либералами» и яростно подвывали им в этом общем либерально-атеистическом хоре ненавистников православной веры.

Духовный раскол в российском обществе, повторяю, существовал давно. Раскол жесткий, бескомпромиссный и очень глубокий. Бесы в храме его лишь высветили, резко обнажили, ныне он стал виден и понятен абсолютно всем. Раскол по линии веры. Это гораздо серьезнее, нежели идеологический раскол. Вера выше и глубже идеологии. Пропасть между нами проходит не через сознание, а через сердце. Плевков в наши святыни — это плевков в сердце русского человека, это оскорбление наших чувств, а не нашего ума. Атеисты и «язычники» в этой битве не случайно ринулись в стан «либералов», их чувства бесами не оскорблены, они *своих* увидели на стороне наших ментальных врагов и потому русскими уже именоваться не могут. Сейчас как никогда актуальны слова Достоевского: русский — значит православный.

Ни теперь и ни в какие иные времена мы с ними не помиримся. Да и не хотят они мира с нами. Слова «Святая Русь» **всегда** порождали в них бесовскую злобу и зубовный скрежет. Но бесы в храме не только высветили наш с ними сакральный раскол, но и указали на главную болевую точку нашего размежевания, задели основной нерв нашего национального самоощущения.

Собственно говоря, ничего нового не произошло. Просто враги русской нации вновь открыто, явственно, с показом по всем телеканалам объявили нам войну, как 400 лет назад — в 1612-м, как 200 лет назад — в 1812-м, как в 1941-м...

Бесы ведут войну по всему миру, не только в России. И поле битвы — сердца людей. Никакого мира с ними быть не может. Наша вера — это меч Христа: «Не мир Я принёс вам, но меч».

После суда

Итак, суд в конце концов состоялся. Приговор был вынесен. Три бесовки получили по два года заключения каждая*. И вновь всколыхнулся мировой гвалт, осуждающий это судебное решение. Ох как не нравится Западу, когда судят бесов!

Конечно, эти три безбашенные дурочки — слишком мелкие сошки, чтобы много о них говорить. Главные, махровые, опытные их учителя остались на свободе и оказались как бы ни при чём. В суде о них было сказано вскользь как об «организаторах». И мы пока не знаем их подлинных имён, хотя наверняка они появлялись и на экранах, и в прессе. Но один всё же не удержался и в день вынесения приговора себя выставил: Борис Абрамович Березовский. Этот мошенник 17 августа обратился в Интернете к Путину: *«Тебе предстоит решить земную судьбу трех девушек... Твой обвинительный приговор станет приговором самому себе... Оправдательный приговор Pussy Riot станет твоим покаянием...»*. Заказчик явно не рассчитывал на осуждение этих бесноватых дурочек.

После оглашения приговора началась новая вакханалия в «либеральных» СМИ. Особенно буйствовали «Эхо Москвы» и «Русская служба новостей». 18 августа в течение всего дня почти все передачи этих радиостанций были посвящены данной теме. Кого только они ни вытаскивали в эфир! Тут были и адвокаты бесовок, и известные «либеральные» юристы, и муж одной из осужденных (гражданин Канады), и какие-то странные «историки», и спятивший с ума Андрей Кураев, и женщины, отсидевшие свои сроки в колониях... Все они в один голос осуждали приговор, в то время как звонившие в студию радиослушатели в большинстве своем говорили о слишком мягком наказании... А доцент МГУ И. Карацуба в эфире РСН даже назвала эту бесовскую акцию героическим поступком... Что ж, для адептов сатанизма, наверное, это так и выглядит.

* 10 октября 2012 г. Мосгорсуд заменил срок заключения одной из экстремисток (Е. Самуцевич) на условный и освободил в зале суда.

Запад, само собой, тоже никак не мог промолчать. Даже Ангела Меркель что-то там вякнула о «слишком жестоком наказании», хотя в законодательстве той же Германии за хулиганство в храме предусмотрен тюремный срок до трех лет. Но почему, отчего они, зарубежные политические деятели, вдруг едино, сплоченно после преступного кощунства в нашем главном храме, после оскорбления наших религиозных чувств ринулись учить нас жить?! И ведь никто из них публично не осудил эту провокационную акцию, никто из них не озаботился нарастанием, провоцированием антирелигиозной вражды во всём мире! Нет, совсем наоборот, они выступили в поддержку преступниц, они постарались морально оправдать издевательство над святыми чувствами русских людей. Всё это лишний раз подтверждало и подчёркивало то, как они ненавидят Россию, как они презирают нас, русских людей, как им безразличны наши святыни и наши чувства.

Проявил себя и престарелый лидер европейской попсы Пол Маккартни. Он обратился с письмом к ухмыляющимся в клетке дурочкам: *«Я надеюсь, что вы останетесь сильными, и уверен, что я, так же как и многие другие люди, которые, как и я, верят в свободу слова, сделают все возможное для того, чтобы поддержать вас и принцип свободы творчества»*. Вот только Пол Маккартни почему-то закрыл глаза на то, как у него на родине, в Англии, в это время скрывался в посольстве Эквадора человек, реально борющийся за свободу слова — Джулиан Ассандж. Английские власти пообещали штурмом взять посольство Эквадора, чтобы арестовать Ассанджу и выдворить в Швецию, чьим гражданином он является, а та, в свою очередь, намерена была передать его США, где с ним посчитаются по полной программе за публикацию на сайте WikiLeaks огромного числа документов, разоблачающих преступную деятельность Америки по всему миру. То, что творилось у него под боком, Пол Маккартни знать и видеть не желал, а вот судьбой панк-шайки «Pussy Riot» вдруг озаботился... **Запад и лицемерие срослись настолько, что уже невозможно одно отделить от другого.** Там, в Америке, за непозволительную свободу слова Ассанджу грозит, как все понимают, не двухгодичное заключение, а пожизненный срок или электрический стул. И ни одна «правозащитная» сволочь не то что голоса не подаст — даже глазом не моргнёт.

Мы живём в такое время, когда они, «либералы», воинствующие атеисты и «язычники», готовы сжигать на кострах верующих людей. В первую очередь, православных веру-

ющих. Время мракобесия в его истинном звучании и понимании. Духовный мрак и реальные, видимые бесы — жуткая картина нашего времени. Телевидение, радио, Интернет ежедневно, ежеминутно демонстрируют нам это заливатское, самоупоительное, громогласное **мракобесие**.

История с провокацией в храме Христа Спасителя в очередной раз показала, что «либералы», воинствующие атеисты и «язычники» — это люди, лишённые нравственности. Они вновь пытались нас убедить в том, что им «всё позволено». Скудоумие, невежество и цинизм стали их главными отличительными чертами. Их, к несчастью, много, слишком много. Именно в этом основная беда России. Именно они мешают, не дают ей восстановиться в качестве великого, самоценного, независимого государства. Только по этой причине здесь попирается правда, высмеивается Истина, унижается совесть и оскорбляется душа русского народа. Да, их много — безграмотных, хамоватых, лицемерных, словоблудствующих, агрессивных-трусоватых и безразличных к чаяниям нации и страны. Они — почва, питательная среда для запредельной преступности, коррупции и безбоязненного, тотального вранья, льющегося на нас ядовитым потоком. На них, на их озлобленности и невежестве держится здесь оккупационно-олигархическая система власти. Для них и впрямь Бога не существует.

Когда я пытался с ними разговаривать, меня поразило то, что они не знают ничего и не разбираются ни в чём, что они вообще лишены способности к анализу и логическому мышлению. Кроме повтора избитых, навязанных через СМИ клише и примитивных штампов они не в силах выдать из себя ни одной свежей, ни одной мало-мальски разумной мысли. Отсутствие Бога в их душах лишило их духовного зрения, ощущения правды и умения мыслить. Из их безбожия исходят их скудоумие, мракобесие и душевная тьма.

Что ж, Россия переживала и не такие времена. Переживём и нынешнее либеральное мракобесие. Но, с другой стороны, наверное, всё это и должно было произойти, чтобы все увидели, кто есть кто, чтобы мы явственно разделились, чтобы враги России, нашей веры и русского народа стали понятны, различимы, легко узнаваемы. И любые споры с ними бессмысленны.

Август 2012

О НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Вопрос о том, какая форма государства необходима России, является постоянным для интеллектуальных занятий всех, кто так или иначе пытается представить себе будущее нашей страны.

Что нынешняя форма не является приемлемой, кажется, ясно уже всем. Называют её по-разному: либеральной демократией, управляемым хаосом, диктатурой олигархии. Объединяет все эти определения убеждённость в том, что мы находимся в тупике, из которого нужно срочно выходить.

Выходов из тупика предлагается множество, но они чётко распределены по идеологическим векторам.

«Левый» вариант говорит нам: «выход — где вход». Народ соблазняют реваншем социализма, представляя как реальность пропагандистские картинки нашего недавнего (или уже отдалённого — на целое поколение) прошлого, из которого исключён весь негатив, включая тот, который разрушил нашу страну, раздробил её на множество государств и позволил захватить власть её врагам. Социализм, разумеется, против Империи. И против национального государства, поскольку его главный принцип — консолидация русского народа на национальной основе, а не на классовой.

Либеральный вариант говорит то же самое, но видит «вход» на рубеже столетий. Либералам, как они думают, очень хорошо жилось в 90-е годы, и свободы — политические и экономические — были обеспечены им до такой степени, что теперь они предлагают туда вернуться. Может быть, кому-то это понравится, но основной массе населения подобное возвратное движение принесёт только муки и смерть. Либерализм против Империи категорически. И против национального государства тоже. Поскольку его основа — космополитизм и свободная игра частных интересов.

Направление движения у либералов и левых совпадает, и потому на «болотно-сахарных» митингах они идут вместе. Все

прочие силы и отдельные граждане со смутными политическими представлениями присутствуют на этих массовых мероприятиях по недоразумению. Неприемлемость ориентаций нынешней власти и общая смута во взглядах на политический процесс выводят на улицы людей, привыкших получать информацию из заведомо недостоверных источников. Они становятся игрушкой в руках политехнологов. Одни — превращаясь в зомби у экранов телевизоров (проправительственные ориентации), другие — у мониторов компьютеров (антиправительственные ориентации). Свободная работа ума, обогащённого русским культурным и интеллектуальным наследием, увы, оказывается уделом немногих. Но только в этой среде просматривается знание того, как обустроить Россию и сохранить её для будущих поколений.

Третий мировоззренческий комплекс, предлагающий иной выход из тупиковой ситуации, — это консерватизм (или национализм). Здесь присутствует понимание причин, почему Россия продолжает своё стояние в тупике: всё предопределяется её отказом от национальной традиции, который происходил в XX веке неоднократно и связан прежде всего с катастрофическими событиями 1917-го и 1991 годов. Для левых и либералов эти события, напротив, считаются политическим триумфом, который открыл для нашей страны какие-то новые перспективы. Для национального, консервативного мировоззрения подобные оценки являются кощунственными. Следовательно, какие-либо альянсы с левыми и либералами оказываются для него неприемлемыми: русский выбор и русский путь совершенно иной.

Так в теории. На практике немало тех, что называют себя «русскими националистами», встают в колонны либералов и даже участвуют в оргкомитетах массовых акций, декларирующих преимущественно либеральные ценности и не гнушающихся оскорбительными выпадами в адрес русской политической символики. Этот альянс оказывается до того плотным, что либералы для подобных политических флюгеров оказываются ближе, чем некоторые русские организации. Так, целый шквал оскорблений со стороны ряда довольно известных в русском движении лиц был обрушен на партию «Великая Россия» за её призыв не участвовать в митинге на проспекте Сахарова 12 июня 2012 года и демонстрационный разворот своей колонны в обратном направлении.

Отчего же в среде, которая в теории должна демонстрировать приверженность русским национальным ценностям, появилось так много лиц и целых организаций, готовых следовать за либералами в их стремлении «свалить Путина»?

Одна из причин — идейный надлом, в котором прямо просматривается русофобия: некоторые «националисты» стали отрицать всю государственную историю России, фактически повторив русофобский тезис о «тюрьме народов» и присоединив к этим народам также и русский народ. Мол, Россия для русских всегда была тюрьмой. Почему? Потому что она была Империей. А Империя включает многие народы. Развивая мысль в этом направлении, теоретики национал-демократии и национал-социализма полагают, что русскому народу другие народы были только в тягость, а Империя — это нечто вообще антинациональное, потому что многонациональное. Из всего этого формируется клевета на русское историческое наследие, проклятия в адрес русской государственности, а также сепаратизм в текущей политике.

Идейные блуждания доводят иных «русских националистов» до лозунга «Хватит кормить Кавказ!». Этот лозунг был брошен в массы на рубеже 2010—2011 гг. с целью использовать обострение ненависти к власти после проведения акции молодёжи на Манежной площади, где от Кремля требовали решительных мер против этнобандитизма. Кому-то понадобилось склонить этот протест в совершенно деструктивное русло — в требование «отделить Кавказ». Действительно, для антиимперского мировоззрения страны не жалко: её можно разрезать новыми границами, продолжая тенденции, заложенные переворотом 1991 года, когда многим хотелось «сбросить периферию».

Термины «нация» и «национализм» пришли к нам из Европы, это так. Но в то же время они стали частью научной терминологии, и теперь это русские слова с русскими смыслами. Нет причин, чтобы определять русскую нацию в «немецкой» (этнической) или «французской» (гражданской) интерпретации. Нация в России складывалась по-русски. И отрицать наличие черт нации у русского народа в имперский период — значит придумывать время зарождения русской нации в какой-то другой период. В советский («новая общность — советский народ») или в постсоветский («россияне»). Но в эти периоды официальная доктрина государственности скорее отрицает русское, чем применяет опыт русской истории.

Понимая под нацией общность солидарности граждан (подданных), сознательно эту общность формирующую и объединённую служением своему государству, мы непременно перенесём черты нации в имперский период России. Не должно быть сомнений в том, что Россия в этот период — это русское национальное государство. Власть была русской, доминирующая и ведущая культура — русская, государ-

ственный язык — только русский, ведущая роль — у русского народа, большинство населения — русские (понимаемые как триединство великороссов, малороссов и белорусов), армия — русская и так далее. Всё в Империи значилось и было по преимуществу русским. И лишь деструктивные, антигосударственные силы пытались бороться с «великорусским шовинизмом» и Русским государством. После революции 1917 года эти люди волей случая оказались у власти, после 1991 года подобные им люди (страшащиеся даже лишней раз произнести слово «русский») продолжают контролировать власть. Поэтому мы можем с уверенностью говорить о том, что до революции Россия была более русской страной, чем в настоящее время или в советский период. Более того, вернуться к своей русской сущности она может, только востребовав историческое наследие Империи.

Безусловно, нация в Российской империи находилась в стадии становления. Но черты нации возникли в народе в периоды особой опасности — и во время борьбы со Смутой, и в Отечественную войну 1812 года, и в начале Первой мировой войны. А вот советская власть всячески препятствовала росту русского самосознания, пытаясь переделать русских в советских. Нынешняя же власть бесполезно пытается переделать русских в россиян. Но русское самосознание не только сопротивляется угнетению, но и всё больше политизируется. И эта политизация является опорой русского национализма, а в перспективе — русского государственного строительства.

Отчего же в примыкающих к левым и к либералам крыльях русского национального движения проявляется такое неуважение к имперскому периоду русской истории, почему здесь — среди нацдемов и нацсоциалистов — пытаются противопоставить Империю и национальное государство? Причина — в слабости этих крыльев, которые предпочитают национализму его суррогаты и смешение с иными идейными комплексами — в основном зарубежными. Нацдемы, выдвигая лозунг «Европейский выбор», фактически становятся по преимуществу либералами, а нацсоциалисты, проявляя приверженность к «кровным» определениям нации, заимствуют расизм из идеологии германских нацистов. У русской нации может быть только русский выбор, а само определение нации исходит из того, что это — политическое объединение. Что же касается «кровного вопроса», то он разрешается культурными ориентациями русского большинства.

Можно ли превратить Россию в государство, которое будет «чисто русским» в этническом смысле? Или в государ-

ство, где русским будет предложен особый статус, а всем остальным гражданам — принижённый? На эти вопросы определённый ответ: нет. Миссия русских — лидерство. Как в мире, так и в своём государстве. Русские не отталкивают, а обнимают многие народы. Иное дело, что теперь — не до объятий. Теперь русские борются за своё выживание и равенство прав в государстве, которое они по праву считают своим, но по факту — захваченным чужими силами.

Представлять борьбу с русофобией и антинациональным характером власти как попытку выбить для себя какие-то «этнические» привилегии — это клевета на русский народ. Для русских в России достаточно соблюсти равенство прав граждан перед законом, а традиционное русское лидерство и консервативные установки во власти предопределяют возвращение к изначальному и извечному состоянию — русскому характеру России. Злобные мечты о репрессиях против иностранцев по принципу «крови» вредны для русского человека. Они убивают в нём русскую сущность.

Безусловно, в русском национальном государстве потребуются меры по реабилитации главного государствообразующего русского народа — восстановление его демографического потенциала и возрождение русской культуры, угнетённой русофобами всех мастей. Но это не значит привилегий за какую-то запись в паспорте или метрике. Это лишь восстановление в правах и компенсации за понесённый ущерб. И ни в коем случае не этническая чистка. Чистка госаппарата от русофобов должна быть, ограничение внутренних и внешних миграционных потоков — должно быть, расселение избыточного населения из мегаполисов — должно быть. Но безумие — делать расчёт русского будущего, исходя из физического устранения других народов. Подобная установка ведёт только к самоуничтожению.

Безумие идейных установок в «крыльях» русского движения ведёт к тому, что здоровые силы притягиваются к противоположному полюсу и рискуют приобщиться к сторонникам чуждой для русских власти. Вместо идейно оправданного выбора там и там происходит встраивание в сценарий, написанный враждебными русскому мировоззрению силами. Чтобы уклониться от безумия, с одной стороны, и от недалёковидности — с другой стороны, русским людям стоит прочно придерживаться собственной национальной традиции — быть консерваторами в полном смысле слова. Что и будет означать ориентир на восстановление в будущем русского национального государства имперского типа — самобытного русского государственного устройства.

Александр ШУМСКИЙ,
священник, член Союза писателей России

У РУССКИХ ХОТЯТ ВЫРВАТЬ ЯЗЫК

Проблема языка всегда была и остается одной из ключевых при рассмотрении исторической и духовно-нравственной судьбы любого народа, особенно если этот народ претендует на выдающуюся роль в мировой истории.

Великими языками были и остаются английский, немецкий и французский, посредством которых европейские страны и народы творили свою имперскую историю в определенное историческое время. Величайшим имперским языком является, без сомнения, русский. Из имперских языков русский — самый великий, потому что именно посредством этого языка русский народ создал самую большую, самую мощную и самую долговечную империю в новой и новейшей истории. Этот язык создал величайшую русскую культуру.

По большому счету лишь русский народ можно назвать состоявшимся в полной мере имперским народом. Ведь только православному русскому народу удалось построить действительно полноценную империю. Все остальные имперские проекты: английский, французский, германский были либо незавершенными и недолговечными, либо не охватывали единое неразделимое пространство. Такие империи назывались колониальными. Но колониальная империя — неполноценная империя. Недаром же главный английский геополитик Джон Маккиндер утверждал, что только тот народ, который владеет евразийским пространством, можно в полной мере считать властелином мира. А евразийское пространство и есть имперское российское пространство. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что русский народ самый успешный исторический народ, а Российская империя, в том числе и в советском варианте, наиболее удачная из всех. Вот этой успешности нам и не могут простить ни англичане, ни французы, ни немцы, ни шведы, ни поляки — никто. И, конечно, особенно ненавидят нас сегодня США, этот протухший Карфаген, натужно пытающийся сделать Римом.

То, что Россия и русский народ продолжают существовать, — великое Божие чудо. По всем человеческим и античеловеческим меркам нас уже давно не должно быть. По расчётам всяческих римских клубов, штабов Рокфеллеров и Ротшильдов, «кошера бессмертного» американской политики Збигнева Бжезинского и прочих мы обязаны были уйти под холстинку еще лет пятнадцать назад. Но мы не только живы, но еще и сопротивляемся. Невольно вспоминается сказка про Мальчиша-Кибальчиша, в которой проклятые буржуины никак не могут понять тайну непобедимости России. Практически нет ни одной сферы русской жизни, русского мира, которая не подверглась бы сегодня самому беспощадному разрушению. Но русский народ не желает умирать, восклицая словами Владимира Высоцкого: «Я жив! Снимите черные повязки!»

И вот начинает сбываться кошмарный сон Збигнева Бжезинского — Россия вновь пытается собрать евразийские пространства в единое целое и овладеть осью истории. Маккиндер переворачивается в гробу. Но единое имперское пространство, которое вновь формируется вокруг России, немыслимо без единого языка. Очевидно, что таким языком может быть только русский. Враги России и русского народа всегда очень хорошо понимали, какое значение имеет русский язык для нашего единства и, следовательно, для нашего существования. В течение всех перестроечных горбачевско-ельцинских лет русский язык подвергался чудовищной термической обработке. Ни один западный язык не выдержал бы таких температурных перегрузок. В том, что русский язык еще не сгорел дотла, великая заслуга Русской Православной Церкви и русской классической литературы.

И вот сейчас, когда на повестку дня вынесен вопрос о восстановлении имперских контуров России, на русский язык началась невиданная атака, которая по своей тотальности и наглости может даже превзойти горбачевско-ельцинскую эпоху. На острие этой антирусской атаки находится проект нового закона «Об образовании». Буквально с бешеным упорством радикально-либеральные силы, окопавшиеся в системе образования, проталкивают этот законопроект. Это бешенство усиливается еще и от того, что недавние болотно-либеральные потуги завершились лишь жалким и уродливым выкидышем. Вообще это очень интересный по-своему законопроект. Главная его характеристика заключается в том, что он совершенно бессодержателен. Обсуждаемый законопроект в духовно-нравственном отношении абсолютно пуст. Но это очень хитрая, лукавая пустота. Наполняй ее чем хо-

чесь. Главная задача авторов законопроекта — внести в образование и в преподавание хаос и бессмыслицу. Но хаос этот управляемый, и цель его одна — разрушение всех традиционных устоев русской педагогической школы. Русская педагогическая система, русская система образования во главу угла всегда ставили нравственное воспитание, которое было призвано раскрывать в человеке Образ Божий. И даже советская педагогика, отбросившая Бога, тем не менее сохранила главный вектор образования — нравственное воспитание. В новом законопроекте нет четких нравственных императивов, ни дореволюционных, ни советских, в нем вообще не обозначена высокая нравственная воспитательная цель!

Поскольку именно русский язык, великий и могучий, является главным средством нравственного воспитания, то он и оказался в новом законопроекте на правах пасынка, которому в любой национальной окраинной квартире России теперь могут указать на дверь. Потеря имперского масштаба для русского языка означает деградацию и смерть. Русский язык для России и русского народа является системообразующим. А что это значит? Это значит то, что его деградация неминуемо катастрофически скажется и уже сказывается на всех аспектах русской жизни. Например, есть прямая связь между уровнем русского языка и демографией. На первый взгляд это кажется абсурдным. Но если вдуматься, то нетрудно будет проследить определенную последовательность. Деградация русского языка неизбежно ведет к понижению уровня образованности народа и, следовательно, к его маргинализации, которая, в свою очередь, порождает оптимальные условия для бурного развития греха и порока, ведущих к резкому возрастанию смертности. Вот именно это мы с вами сегодня и наблюдаем. Десталинизаторы как заклинание произносят слова: «сталинские репрессии, сталинские репрессии». Да, репрессии были, и радоваться по этому поводу оснований нет, но почему-то, несмотря на репрессии, несмотря на страшную войну, русское население при Сталине интенсивно прирастало, а не убывало катастрофически, как в наши либеральные дни.

Количество расстрелянных и погибших в лагерях при Сталине не превышает 2 млн. человек. Это уже давно доказанная статистика. Лишь невменяемые диссиденты увеличивают это число в двадцать раз. И это, как хорошо известно, не привело к демографической катастрофе. А на сколько миллионов сократилось и продолжает сокращаться русское население в результате либеральных реформ? Тут, как говорится, Сталин

отдыхает! Так кто страшнее — сталинист или либераст?! Между прочим, замечу попутно одну интересную закономерность: сталинист не может быть педерастом! Неопровержимый факт!

Сталин, кстати, очень хорошо понимал, какую роль играет русский язык в развитии и укреплении государства. Очевидно, что он связывал уровень развития русского языка с национальной безопасностью. Можно по-разному относиться к товарищу Сталину, но нельзя отрицать одного — он всегда исходил из национальных интересов своей страны, а не из национальных интересов иностранных государств. Именно при Сталине была остановлена кавалерийская большевистская атака на традиционную русскую систему образования и была в значительной степени восстановлена дореволюционная образовательная система. Характерно, что именно при Иосифе Виссарионовиче Академия наук СССР начала действовать как системный механизм, в котором все части работали на одну цель — укрепление государства и национальной безопасности. Именно в это время изучение русского языка было поднято на академический уровень, так же, кстати, как и византология. Филологический факультет Московского Университета стал по праву считаться вершиной гуманитарного образования. Именно при Сталине наш величайший поэт А.С. Пушкин, олицетворяющий русский язык, получил мировой статус. Развитию и сохранению русского языка в советское время придавали такое же стратегическое значение, как и развитию оборонно-промышленного комплекса. И при этом десталинизаторы нагло пытаются уравнивать Сталина с Гитлером, который воцарил дотла сечь русскую культуру.

Те, кто заканчивал советскую общеобразовательную школу, подтвердят, как нелегко было изучать русский язык, какие высокие требования предъявлялись к ученикам, как трудно было писать выпускное сочинение. И надо заметить, что такие высокие требования к изучению русского языка предъявлялись по всей стране. Уровень владения русским языком в нерусских регионах России и в союзных республиках был очень высоким. В этом убеждался любой, кто путешествовал по территории Советского Союза. Двоечник по русскому языку советского времени сегодня считался бы грамотеем. Вот до чего мы дожили! Но даже и сегодня получить по-настоящему полноценное образование можно только на русском языке. И становится понятно, почему либералы-маргиналы, состряпавшие законопроект об образовании, пытаются приравнять имперский русский язык к региональным национальным языкам. Эти маргиналы объективно вы-

полняют план Збигнева Бжезинского по расчленению России и уничтожению русского народа, тем более что в переводе с церковнославянского слова «русский язык» буквально и означают русский народ.

В этой связи хотелось бы особенно подчеркнуть роль церковнославянского языка. Язык — вещь таинственная, мистическая, чудо Божие. Нам никогда не удастся разгадать до конца тайну человеческого языка. Крупнейший русский филолог Виктор Владимирович Виноградов нередко говорил: «Русский язык — чудо из чудес». Но у этого чуда есть своя корневая система. Русский язык — это древо, усыпанное драгоценными плодами, а корневая система, дающая жизнь древу русского языка — это церковнославянский язык, который незримо и тихо все время животворит древо, питает его плоды живой водой Божией благодати. Без живого церковнославянского языка, хранимого Церковью, русский язык мгновенно умрет. Тем более убийственна идея церковных либералов заменить церковнославянский богослужебный язык русским. Они сейчас, слава Богу, попристихли, но никуда не делись и ждут своего часа. Заменить церковнославянский богослужебный язык русским — это все равно, что вырвать дерево из земли и вновь посадить его макушкой вниз. Что из этого получится? Дерево быстро засохнет или сгниет. И не останется ни церковнославянского языка, ни русского. Но особенно знаменательным является тот факт, что усилия церковных либералов и либералов от системы образования полностью сливаются в едином векторе разрушения Веры и Родины.

Сегодняшнее состояние русского языка чрезвычайно тяжелое. Русский язык напоминает нынче человека, сжираемого раком. И рак этот имеет название — сквернословие. Метастазы этой страшной опухоли проникли повсюду. Сквернословят все — от мала до велика, дома и на улице, в публичных местах и на телевидении. Я уже не говорю об интернет-пространстве. А ведь сквернословие — один из признаков одержания нечистым духом. Недавно иду по улице и слышу нежные девичьи голоса. Прислушался и чуть в обморок не упал. Из нежных девичьих уст изрыгался такой мат, который трудно было услышать в советское время даже в пивной. Я говорю: «Девчонки, ну нельзя же так материться, вы же Бога, Божию Матерь, себя и своих родителей оскорбляете». Они мне в ответ, пожимая плечами: «Да так сейчас все говорят». Как тут не вспомнить слова апостола Иакова: *«И язык — огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и*

воспалает круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны» (Иак. 3: 6). А ведь в советское время за матерщину в публичном месте можно было легко схлопотать пятнадцать суток, а за повторное нарушение реально было получить срок и побольше. Выругаться матом при девчонках в советской школе означало покрыть себя несмываемым позором. Да нам и в голову такое не приходило. А сейчас все школьники не просто употребляют мат, они на нем разговаривают! Вот об этом озаботились бы создатели нового закона об образовании.

Но матерщина притягивает бесов и отгоняет ангелов. Матерящийся народ не имеет будущего. Матерящийся народ теряет силу и способность к сопротивлению. Это понимали даже большевики. Известно, что в Красной армии мат был запрещен, а в Белой, напротив, матерились без всякого ограничения.

Верховная власть обязана обратить особое внимание на этот страшный порок. Мат должен быть законодательно абсолютно запрещен. Ведь собираются же ввести закон, предусматривающий ответственность за оскорбление чувств верующих. А матерщина разве не оскорбляет эти чувства?! Матерщина оскорбляет любое нравственное чувство!

И сколько бы ни сравнивали состояние русского языка при советской власти и при либеральной, мы не найдем ни единого аргумента в пользу последней. Для чего нужны были либеральные реформы? Для того, чтобы народ полностью оскотинился! А узколюбые крайние националисты, желающие изгнать русский язык из своих регионов, не понимают, что убивают собственный национальный язык. Дело в том, что русский язык в имперское время никогда не угнетал местные языки и наречия, а, напротив, способствовал их развитию. Вспомните, какие были потрясающие переводы на русский язык национальных писателей и поэтов в советское время.

Региональным националистам не нравится само прилагательное «русский». Я слышал в свое время, как один грузин говорил: «Ненавижу Шота Руставели, потому что в его имени есть сочетание трех букв «рус». Но, согласитесь, это уже похоже на безумие.

Новый законопроект об образовании следует назвать законопроектом о безобразовании. Это безобразный проект в самом точном смысле слова, т.е. без Образа Божьего.

Не позволим темным силам вырвать язык у русского народа!

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Виктор МЕЛЬНИКОВ (г. Коломна, Московская обл.)

НА ОСТРОВЕ БОЛИ

Рассказ

Не верь, не бойся, не проси.
Арестантская мудрость

Женская колония находится далеко за городом. До нее можно добраться только рейсовым автобусом или на личном транспорте, у кого он есть, а вот так, пешком — по полям и перелескам, с холма на холм, с межи на межу — долго топтать... Да и пока дойдешь — много сил на дороге оставишь. Железная дорога в этих краях не проложена. Глухие, в общем, тут места.

И все-таки люди идут сюда.

Колония колонией, а забывать родного человека, пусть он и заблудшая овца, как-то не по-христиански, не по-нашему. И чем ближе подходит человек к этому месту, тем больше и уродливее кажется ему открывшееся перед ним скопление зданий, грубо сложенных из красного кирпича и надежно закрытых бетонным забором с натянутыми спиралями колючей проволоки. В центре высятся мрачное пятиэтажное здание — пристанище заключенных.

Вокруг этого безрадостного заведения, издали похожего на фабрику, растут стройные, ровные сосны — будто стрелы,

вытянутые из-под земли. На этом месте санаторий бы построить — светлый, просторный, а тут колонию соорудили — подальше от людских глаз. И не какую-нибудь, а женскую! Им бы, этим невольницам, в родильных домах сейчас лежать, детушек рожать, а они за колючей проволокой.

Колония снимает с человека маску, которую он носил всю свою жизнь. И под ней вдруг неожиданно оказывается совсем другой личины человек. И не обязательно он становится уродливее. Пройдя через унижение, насилие и жестокость, раскрывается порой такая непростая душа.

В жизни у каждого человека немало дорог. И у каждого своя тропинка. И вот идет он по ней и ищет свою судьбу. Веками принято, что женщина всегда ждет: то мужа, то отца, то сына. Или с поля боя, или из далекого странствия, или из плавания... Но бывает, оказывается, и по-другому: когда ждут женщину. Кто-нибудь да ждет ее с молитвой на устах. Всё ей простив, лишь бы она вернулась скорее домой!

Но даже в колонии, за стальной паутиной колючей проволоки, женщины всегда остаются женщинами! И в унылом сером потоке то здесь, то там сияют, словно морской жемчуг, рассыпанный на грубом холсте, прекрасные лица. И как поразительно многообразна эта красота в неволе! Вот прямо-таки царское величие, вот необыкновенная утонченность и живость. Даже сквозь лагерную вульгарность, сквозь испорченность упрямо пробивается изначальная гармония...

И разве можно запретить весне пройти через железные лагерные ворота? После стылых холодов сквозь толщу снега пробивается небольшими пятачками земля с прошлогодней травой. Вырастает из сугроба здание колонии, украшенное по карнизу сверкающей бахромой сосулук. Всё кругом преображается: и солнце, и ветер, и запахи. Весна дарит невольницам не только свое тепло, но и новое время, новую жизнь, надежду на скорое освобождение. Домой! К детям, мужу, внукам, матери...

В такие вольные минуты им хочется не то чтобы «встряхнуться», а всю свою жизнь изменить! Чувства вспыхивают, словно пузырьки в бокале шампанского, мечтается о чем-то сердечном и теплом. Любви бы, как в «розовых» книжках, да побольше, чтобы унесло и захватило с головой! Но вот парадокс: из-за любви большинство из них и оказались здесь! Но у каждой из них — своя судьба, своя собственная история...

*Много снега навалило,
Много и растаяло.
Дура, я его любила,
Что меня заставило?*

Вера Фролова

Прошел еще один белый от скорби день, который каждая из нас вычеркнула из своей жизни. Но есть в нем и преимущество: он на короткий миг приблизил нас к освобождению, к своему родному дому, к встрече с родными. Закат уже догреб за нитями «колючки», и даже стало видно, как высоко в небе пробивается одинокая звезда. Словно колкая льдинка, она повисла над нами, вот-вот готовая сорваться вниз. А может, это и не звезда, а слеза чьей-то матери? Не потерять бы себя за эти годы!

В нашей камере сидит двадцать женщин. Десять коек по одной стороне, десять — по другой. Но, несмотря на тоску и безысходность, мы пытаемся сохранить себя, не потерять человечность. Стараемся одеваться аккуратно. В камере нашей чисто — всё прибрано, наверно, не у каждой на воле бывает такой порядок.

Сегодня хозяин передал нам одно диковинное письмо. Послание было адресовано не нам, а самой администрации. Хозяин рассудил по справедливости: пусть женщины сами решат. Дядька он добрый. Полный такой, как колобок. Похож на артиста Леонова из «Джентльменов удачи». Мы его так и прозвали: Редиска. Но если в фильме под словом «редиска» подразумевается злой, плохой человек, то наш Николай Фомич совсем другой.

Письмо написал одинокий мужчина. Это, конечно, не редкость: нам много пишут. Но здесь была странная особенность: мужчина принципиально хотел жениться на какой-нибудь заключенной, чтобы воспитать из нее достойную подругу жизни. Но абы какая ему не нужна, читали мы под обидный хохот, поэтому он просит высочайшего позволения прийти в тюрьму и самолично осмотреть весь контингент. Напористый оказался мужичок!

— Это что, из тюрьмы в тюрьму, что ли, получается? — воскликнула рыжая Валька Зыбина.

— А, может, он сам доходной? Не, прежде чем на это решиться, надо его основательно, бабоньки, проверить, — хихикнула разбитная Катька Наумова.

И, несмотря на одиночество и отчаянное наше положение, мы дружно забраковали этого привередливого женишка. Несмотря на неволю, мы по-прежнему любим, как и любили до этого — молодых, стройных и сильных. Алысеющие да с брюшком... Кому они годятся? В общем, мужик нужен такой, чтоб хотелось! Чтобы любовь была! Как у меня когда-то с Василием.

Помню, была дружеская вечеринка. Играла музыка. Все танцевали. А мне вдруг захотелось побыть одной — нахлы-

нуло что-то... Уселась на подоконник, смотрю за стекло, а там луна в небе сияет и свет от нее льется и обволакивает землю, перемешиваясь с туманом, как в сказке. Так красиво — кажется, век бы не отрывалась... Но тут почувствовала, словно кто-то на меня смотрит. Обернулась и увидела восхищенный взгляд. Стоит такой древнерусский богатырь: высокий, плечистый, волосы русые, волнистые, а еще — пронзительно-синие глаза.

Я не удержалась да и брякнула:

— Молодой человек, вы рот-то закройте.

Смутился он, покраснел и говорит:

— Извините, загляделся... Пойдемте танцевать?

Закружились мы, а я музыки почти не слышу. Сердце заходится, а в голове так и отдается: «Он! Он! Вот кто мне нужен!» Чувствую: и его ко мне как магнитом тянет. Спрашивает, а у самого голос дрожит:

— Вам нравится музыка?

Что я могла ему ответить? Я готова была с ним танцевать не то что под любую мелодию, а всю вечность, лишь бы музыка не заканчивалась!

— Могу пригласить вас к себе домой, — сказал он и запнулся... — Камин не обещаю, но хорошее вино и настоящую музыку гарантирую.

— Так вы можете пригласить или все-таки приглашаете? — обнаглела я.

Он засиял улыбкой:

— Конечно, приглашаю! Извините, что неправильно построил предложение. Вас как зовут?

— Вера.

— Хорошее имя... В нем и надежда и любовь...

Это было, как признание в любви. У меня закружилась от счастья голова, и точно вихрь какой-то подхватил нас. И был вечер, и вино, и любовь. Даже сейчас я нисколько не жалею, что в первую же ночь понеслась за ним. Да и чего жалеть? Мы прожили с ним вместе неполные двадцать лет. Это было, как один день.

Но потом случилось это «вдруг». Не знаю, в чем тут дело. То ли я постарела? А началось всё с того дня, когда я потеряла обручальное кольцо. Вот и не верь в приметы...

Прихожу как-то домой, а он с молоденькой в кровати лежит. У меня аж в глазах что-то треснуло — такая боль! Выскочила из дома и только под самую ночь вернулась. Хотела броситься под поезд, но потом подумала: это что же — я умру, а он будет любиться с этой? Пришла домой. Молча легла в кровать. А утром за завтраком положила ему в кофе яд. Всё

произошло как-то само собой. Даже думать не было времени. Промелькнула мысль, и я ей не сопротивлялась... Он, ничего не почуввав, ушел на работу. Но недалеко ушел. На трамвайной остановке его забрала «скорая», да не помогло. Я позвонила в милицию и всё им выложила начистоту. И сейчас нисколько об этом не жалею. Детей только жаль. Внучок у меня родился как раз в тот день, когда меня судили...

Вот прошла еще одна ночь, вся черная от моего горя...

*Чужедальняя сторонюшка
Не мёдом полита,
Она не сахаром посыпана —
Слезами залита.*

Раиса Юфрякова

В камере мертвая тишина, а мне снова не спится. Считаю и до ста, и до тысячи, и до трех утра — ничего не помогает. Наверно, всё, что пережила, мне никогда не забыть, не выкинуть из памяти. Задним числом всё прокручиваю и прикидываю. Может, не надо было возвращаться в Россию? Может, надо было перетерпеть? Тогда всё было бы по-иному. А может, наоборот: раньше надо было бежать из Таджикистана? Зря не слушала Федора. Думала, что всё образуется. Да и как бросить дом, сад? Да и к самому Шурабу так привыкла, что он стал почти родным городом... Что значит почти? Он действительно стал родным: дети мои в нем родились. Федор работал на шахте, большие деньги зарабатывал. Сад тоже приносил доход. Урюк, вишню, черешню ведрами собирали.

Шураб, хотя и таджикский город, но это был такой русский островок с тремя большими шахтами. Жили в нем горняки из Донбасса, Кузбасса и из далекой северной Воркуты. И всё бы так и продолжалось, кабы не развалился Союз. Местные националисты зашевелились. Вначале осторожно подняли головы, а потом всё смелее и смелее. Крайними оказались мы.

Нам не давали нормально жить. На каждом шагу только и твердили: убирайтесь в свою Россию! А как уехать? Кому продать дом? Кто мог — уезжали. Бросали квартиры и с одними чемоданами возвращались домой. Квартиру бросить легче. А дом, который выстроен собственными руками, не так просто оставить! Он притягивал к себе каждой ступенькой, каждым окном, каждой половицей. А таджики однажды ворвались к нам ночью с ружьями. Федора избили так, что он неделю в постели провалялся. А через три дня отключили воду. Приходилось обходиться привозной.

Так мы промучились еще два месяца. Город, который мы называли цветущим садом, постепенно превращался в каменистую пустыню. Двухэтажные дома стояли мертвыми без жильцов. Таджики растаскивали чужие вещи по своим кишлакам. Мы на улицу выходить боялись. Хлеб пекли в доме.

К концу лета стали собираться и мы. Но однажды в наш дом среди бела дня ворвались бандиты. Они уже ничего не боялись. Негодяи были с металлическими палками. Ими они крушили всё, что попадалось на глаза. Федор кинулся на бандитов. Один из уродов сбил его с ног и долго избивал своей палкой, пока муж не затих. Я сидела на полу в углу, прикрыв собой троих детей. Ко мне подошел этот мерзавец, ткнул палкой в лицо:

— Перебьем всех твоих щенят, если через неделю не уберешься.

Через три дня я похоронила мужа, собрала чемодан — и на вокзал.

Денег было не много, но зато имелись золотые украшения. Вот они-то нас и спасли, а так — померли бы с голода, и все дела.

В России мы оказались никому не нужны. Здесь была такая неразбериха! Кто-то нам посоветовал поехать в Себеж, под Псков. Запущенный городишко, но красивый. Озера, высокий крепостной холм... Дали нам полуразрушенный дом — обживайтесь! Где сами ремонтировали, где мужиков местных нанимали. Те относились к нам с участием — редко кто деньги брал. Да и какие у нас деньги! Слезы одни. Но понемногу стало всё налаживаться. Устроилась на работу. Ребятишек определила в школу. Вроде бы жизнь наша начала устраиваться. Но так было недолго.

Года через два в нашем городке стали появляться узбеки и таджики. Превратив свою родину в бесхозные руины, они кинулись в Россию на заработки.

Однажды прямо ко мне на работу прибежал старший сын. Его всего трясло.

— Ма, — с оглядкой обратился он ко мне. — Там по дворам таджики шастают. Ищут работу. Среди них там эти.

— Кто «эти»? — не поняла я.

— Ну, те, которые в нашем доме были.

— Да не может того быть! — Сердце мое защемило. — Что им здесь делать? Тебе показалось.

— Нет, ма, — Валерка весь вспыхнул. — Там тот, который отца убил. — Он не сказал «бил», а именно сказал «убил».

Я, глубоко дыша, вскочила с места.

— Пошли!

И мы увидели у нашего забора того головореза. Он сидел на корточках.

— Ну, узнала? — спросил сын.

— Да, — еле выдохнула я.

— Давай милицию позовем! — предложил Валерий.

— Ну и что мы им скажем? — возразила я. — Вот этот подонок убил нашего отца!? Бесплезно все это.

— Бесплезно?! — вдруг крикнул Валерка. — Бесплезно, да?!

Он вдруг схватил кирпич и рванулся вперед. Я — за ним. Но разве угонюсь? Валерка подбежал к убийце отца и с размаха ударил его кирпичом по голове. Башка у таджика не выдержала — так и хлынула кровь. Но и кирпич раскололся надвое. Я зачем-то подобрала эти куски.

— Беги в школу! И до вечера домой не возвращайся! Слышишь?

Валерка попятился и убежал. Я осталась. Я не могла сдвинуться с места. Появилась милиция. А я стою перед ними с окровавленным кирпичом.

— Я его убила... — только и смогла им сказать.

Валерка кричал на суде, что это он сделал, но ему никто не поверил.

Ничего, отсижу как-нибудь. Зачем же моему сыну портить жизнь. Моя жизнь давно прожита. Я по утрам отрываю листики календаря, которые прячу у себя в тумбочке, и мне кажется, что я рву не прожитые дни, а умершие. И я не выбрасываю эти листки, а складываю их стопочкой, и они желтеют, скручиваются и увядают, как сорванные цветы.

*Привели меня на суд,
А я вся трясуся:
Присудили сто яиц,
А я не несуся!*

Зоя Аносова

Клавка Камышина неожиданно предложила всем нам: а не отправить ли в газету брачное объявление? Написали три адреса. Спустя неделю на всех трех посыпался ком писем. Отбирали мы кандидатуры всей камерой. На прошлой неделе Татьяне Выхиной, которая осуждена на пять лет за убийство гражданского мужа, мы выбрали самого симпатичного жениха — темноволосого и спортивного.

Мужик втрескался в Таньку с первого взгляда. Да и ей жизнь слаще стала. Все-таки, какая-никакая, а надежда. А вдруг и правда что получится?

Но больше всех повезло Полинке Зверевой. Вот уже полгода она каждую неделю получает от своего адресата по дватри письма, и на ее день рождения, который будет в июле, кума разрешила им с женихом первое свидание.

А намерения у жениха действительно оказались самыми серьезными. Он уже съездил к Полине в ее город и познакомился с ее матерью и сыном. Забота его чувствуется даже в мелочах. В каждое письмо он обязательно вкладывает пустой конверт с маркой, чтобы Полина не тратила на ответ из своих скудных денег. Сидеть ей уже немного осталось, но Сергей написал ей, что готов ждать ее даже десять лет. И Полинка совсем другая стала. Она даже губы красит, когда письма приносят в камеру. Словно на свидание с мужиком собирается. Вот что любовь делает с бабой!

*С неба звездочка упала
На прямую линию.
Витя Веру перевел
На свою фамилию.*

Полина Зверева

Выбрасывает же судьба, черт побери, такие коленца! Нет, ну надо же такому случиться! Чтобы стать счастливой, надо попасть в тюрьму. Курам на смех! Вначале мне было как-то неловко о себе рассказывать. Ведь всё это начиналось как бы в шутку. А здесь вдруг такой оборот! Он и к матери моей съездил, и с сыном моим познакомился. А Вовка мой — парень ершистый: к нему на драной козе не подъедешь! Значит, мужик действительно толковый.

Если я раньше спокойно отсиживала свой срок, то теперь невыносимо хочется домой. Увидеть всё своими глазами. И почувствовать себя, наконец, счастливой бабой. Ну, как тут не ошалеть?! Вот послушайте, что он пишет!

«Здравствуйте, Полина!

Вчера я снова гостил у Вашей мамы. Вовка меня встретил на автобусной остановке. До дома мы шли, взявшись за руки. Я видел, что ему это очень приятно — вот так идти по улице с мужчиной за руку. И когда нам навстречу попался кто-то из его друзей, он только сильнее сжимал мою руку. Мы, можно сказать, с ним подружились.

Жаль, что Вы не видели, как он мне помогал чинить крышу Вашего дома! Он такой шустрый! Я всё боялся за него, чтобы он не скатился с крыши. А потом мы с аппетитом уплетали щи, сваренные Вашей мамой. Она выставила на стол бутылку, ну, как это полагается, но я не стал пить. Лучше Вы

возвращаетесь быстрее, и мы тогда поднимем бокал за Ваше возвращение, за Вашу новую жизнь!

В этот вечер мы втроем пересмотрели все Ваши фотоальбомы. Нина Васильевна с большой нежностью комментировала мне каждую Вашу фотографию. Теперь я о Вас знаю всё. И мне даже порой кажется, что мы с Вами уже были когда-то знакомы. Потом расстались, чтобы вновь встретиться и прожить вместе всю оставшуюся жизнь.

Вы только ведите себя там хорошо, и, может, Вас даже выпустят раньше. Жить нам есть где. У меня двухкомнатная квартира. Коплю деньги на машину. И мы на ней будем ездить каждое воскресенье к Вашей маме.

А еще я Вам скажу, что мне кажется, это не Вы сидите, а я. Эта такая мука — ждать Вас! Я очень хочу, чтобы это всё закончилось, и мы были бы вместе. Я сделаю всё, чтобы Вы почувствовали себя счастливой женщиной.

Ваш Сергей».

Ах, Сереженька мой, Сережа... Да где же ты был раньше со своими ласковыми словами? Ты действительно такой хороший, или это мы друг друга выдумали на бумаге? А может, это просто мой сладкий сон, от которого не хочется просыпаться?

*Говорят, картошку съели
Колорадские жуки.
Проживем и без картошки,
Лишь бы были мужики!*

Раиса Альперина

Часто вспоминаю мальчишек с нашего двора.

Однажды, уже взрослые, они всем гуртом пришли ко мне домой на день рождения. Как я была им рада! Но я не знала тогда, что это будет моя последняя с ними встреча. Что разбежимся мы, и никогда больше не будем видеться. Вернее, нам будет стыдно встречаться.

Всё было как обычно: чай за пожелтевшим от времени самоваром и воспоминания о школе. Дом наш находился рядом с кинотеатром «Комсомолец». Да и улица называлась тоже — Комсомольская. Раньше это была самая шикарная улица в городе. Еще наша улица была знаменита тем, что во дворе кинотеатра размещалось кафе «Аллегро». Но особым шармом этого двора был изящный фонтан. В детстве мы не вылезали из этого киносарайчика. А повзрослев, стали заглядывать в «Аллегро». Так что этот маленький уютный дворик был как бы частицей нашей жизни.

Сейчас этот кинотеатр стал знаменит в городе тем, что в нем показывают хорошие старые фильмы. В тот день в нем демонстрировали нашумевший когда-то фильм «Покаяние». За столом было решено: сначала заглянем в кафешник, а затем — на последний сеанс в старенький «Комсомолец». Вспомним молодость.

Один только Олег отказался идти с нами, сославшись, что завтра ему рано вставать. До начала сеанса оставалось уже совсем немного времени, и мы собрались проводить Олега до трамвайной остановки. Когда были почти уже у выхода, к нему подошел подвыпивший парень, едва достававший ему до плеча.

— Дед, дай закурить, — попросил он и нахально потянулся к пачке сигарет в руке Олега.

— Курить вредно, да и не место тут, — Олег убрал руку в карман.

Мы все направились к выходу.

— А это не твое дело! — зло выкрикнул парень.

Я заметила, что он кому-то махнул рукой и последовал за нами. Назревала драка. Я чувствовала себя спокойно в окружении своих уже давно повзрослевших мальчишек.

Пока мы одевались в гардеробе, группа подростков выскочила из кафе. Я прикинула соотношение сил: трое на одного. Но зато мои спутники — сильные, рослые мужчины, к тому же трезвые; ну а проучить хамьё, конечно, следовало бы. Вышли во двор. Я поняла, что не ошиблась, — те поджидали в нескольких метрах. Вихляясь, подскочил уже знакомый нам парень.

— Теперь они дадут закурить, теперь они хоро-о-о-шие, — издевательски протянул он. — Правда, мужики? Вот только прощения у меня попросят и сразу дадут.

Кольцо вокруг нас плотно сжималось, раздавались пьяные выкрики. Наши ребята бездействовали. Почуввав это, подростки первыми ударили Володю — в лицо. Охнув, он закрылся руками. Несколько человек набросились на Валерку: свалив на землю, били ногами, куда попало. Толику Зиновьеву сорвали очки, и он, близоруко шурясь, сидел на подтаявшем снегу. Только к Олегу боялись подступить, думали, видно, — не по зубам. Тот было бросился на выручку, но блеснул нож, и он отступил. Меня, как тряпичную куклу, отшвырнули в сторону. Уже падая, услышала слабый звонок в кинотеатре. Мимо шли люди, но никто не остановился, чтобы нам помочь.

Драка внезапно прекратилась: одного из нападавших схватил за локоть милиционер. Еще двое, оглашая свистками

ночную улицу, подбегали с другой стороны. Подростков затолкали в милицейскую машину, а у нас переписали адреса и попросили завтра подойти в отдел. Больше всех пострадал Толик Зиновьев. От распухшей переносицы, расплываясь к вискам, залиловели синяки, и он то и дело прикладывал к ним снег.

— Ребята, — начала я робко, хотя саму трясло от внутренней дрожи. — Почему так получилось? Почему вы дали себя избить? Почему вы дали себя унижить? Не поверю, чтобы вы их не одолели. Не поверю! Да вы просто трусы!

Олег невесело усмехнулся:

— Тебе хорошо рассуждать. Ты — женщина. А нам — что, идти под нож? Им ведь ничего не стоило пустить его в ход. Ну и, конечно же, струсили, — признался он.

— Ребята, мне жаль вас, — тихо сказала я. — Что толку, что у вас есть кулаки, но нет мужества? Вы — не мужики!

Я, не попрощавшись, пошла к своему дому. Никто меня не кинулся провожать. Мои ребята остались стоять за какой-то невидимой чертой.

А потом я встретила своих обидчиков. Они шли втроем по тротуару, посасывая пиво прямо из бутылки. Я их сразу узнала, хотя и ехала на машине. Они вели себя так же нагло, как с нами — отталкивали людей с тротуара, тыча в них пальцами. Как и тогда, никто не давал им сдачи. Я свернула с дороги и наехала на них. На всех троих...

Почему я так поступила? Может быть, в последний момент я вспомнила своих ребят, и мне не захотелось быть похожими на них...

*Проплясала сапоги,
Самые носочки.
Поглядите, матери,
Как гуляют дочки!*

Клавдия Камышина

Мне нет еще и сорока, а что-то всё чаще и чаще вспоминается детство. Как перед смертью. Вспоминается родная деревня, родной двор... Вот мне пять-шесть лет, я прошусь у матери на речку. Не знаю почему, но она меня не пускает. Все мои подружки уже дано убежали, одна я осталась. Я и ногами топала, и редела в три ручья — ничего не помогало!

— Иди лучше во двор да за курами присмотри! — Мать была настроена категорически.

Губы у меня от обиды затряслись, слезы полились сильнее, и я выбежала во двор. А день действительно был очень жар-

ким. Куры спрятались в сарае, а Жучка в своей будке. Залезла и я к ней. Не от жары в тень спряталась, а со зла: пусть меня мать поищет! Никогда не вылезу!

Прошло часа два, пока мать не кинулась искать меня. Не найдя во дворе, она вышла на деревенскую улицу. Кого только ни спрашивала! Никто меня не видел. Да и как меня было можно увидеть, если я спряталась в собачьей будке! Мать спустилась к речке, прошла даже около леса — меня нигде нет!

А красная полоса заката уже коснулась леса и стала вытягиваться вдоль всей деревни. Лес затянули сумерки, потемнело поле, наступила глухая тишина. Мать с ног сбилась, голос от крика сорвала, а найти меня не может. Я только сейчас представляю, что она тогда пережила. А во мне была только одна злость и желание отомстить. Вот скажите: почему дети бывают такими злыми?

Мать в дом заходить не стала, а опустилась без сил на крыльцо.

— Гриш! — вдруг окликнула она отца. — А ты заметил, что Жучки нигде нет, да и еда стоит нетронутой?

Тут надо сказать, что Жучка преданно поддерживала мою игру и лежала со мною, не отлучаясь. Даже когда мать позвала ее, собака только хвостом слегка пошевелила, а вылезать из будки не стала. Но мать заметила ее. Встала и, подняв миску, протянула к отверстию в будке.

— Ты-то что, Жучка, не ешь? Переживаешь? Не балуй.

Я подползла к отверстию и выхватила миску из рук матери. Та хрипло вскрикнула и упала в обморок. На крик выскочил отец с охотничьим ружьем. Я тоже, испугавшись за мать, выползла из будки. Жучка выскочила вслед за мной и давай облизывать лицо хозяйки! Когда мать очнулась, досталось мне по полной программе: и отцовского ремня, и «угла». А потом ели втроем на кухне и смеялись до упада.

На этом моя история не закончилась: она потом повторилась со мной, но уже со стороны моей дочери. Недаром говорят: от осинки не родятся апельсинки. Сразу свою беду не расскажешь. Ее понять нужно. Но как всё это тяжело вспоминать! Как больно...

Ларисочка, мой бедный ребенок, которого я сама потеряла, так и стоит перед глазами, как живая. Не верю, не верю, что ее больше нет! Верю в другое: вот вернусь домой, а она меня ждет. Она всё должна мне простить. Ведь я ее мать.

Да, я действительно ее сама потеряла. Надо было бы за ней приглядывать постоянно. А я уезжала из дома на два-три дня, а то, бывало, и на неделю. Завод, на котором я работала, оstanовился, людей повышвыривали на улицу. А жить на что? Одна подруга и посоветовала мне идти работать проводни-

цей на пассажирские поезда. Пришлось идти. А что поделаешь? Жить-то надо. И если бы не эта работа, мы бы с Ларисой точно с голоду умерли. Папашка наш сбежал, я о нем года два ничего не знала. Пришлось тянуть лямку одной. Вначале без него было тяжело, а потом привыкла. Душа только моя болела за дочь, когда я была в своих дальних поездках. Выходит, не зря болела. Чувствовала беду...

В тот раз я вернулась домой раньше обычного. Рейс мне поменяли на другой, и я на целые сутки выгадала. Лечу я домой — радостная, счастливая! Как там моя Лариска? Девка уже почти невеста. Четырнадцать лет стукнуло.

Еще в коридоре я вдруг услышала, как из нашей квартиры доносится музыка, смех и крики. Было столько голосов, будто там поселился огромный цыганский табор. Открываю дверь... И я там такое увидела! Я даже лицо прикрыла руками, как от пламени. На диване, на кровати и просто на полу лежали полуголые тела. Кто-то пил вино из горлышка, кто-то курил, а моя Ларисочка сидела в кресле в одних трусиках и вытягивала из пробирки в шприц какую-то молочную жидкость.

Рядом, около ее ног, валялся какой-то парень. Я подбежала и ударила дочь по рукам. Шприц упал на парня, он его подобрал и начал тыкать себе в руку. Я схватила его за плечо и потащила к выходу. А он — вялый, как тряпка. Да и не только он, все собравшиеся. Я начала выкидывать непрошенных гостей из своей квартиры охапками, как щенят. Они кричали и визжали. Но меня ничего не останавливало. Я была в бешенстве. Каким-то углом зрения я увидела, как с кресла поднялась Лариса и кинулась на меня. Моя кровинушка, моя дочь... Она бежала на меня, выставив вперед руку с кухонным ножом. Я ударила ее и, схватив ее руку с ножом, отшвырнула назад. Моя девочка ударилась виском о батарею и затихла... Что со мной было дальше — не помню...

В один момент сгорела вся моя судьба. И уже ничего не вернуть назад.

До суда я трижды пыталась покончить с собой. Жизнь мне уже была не мила... Зачем она мне, если доченьки моей нет? Как-то, в камере, я взглянула на себя в зеркало. И даже отшатнулась от этого куска стекла! На меня смотрела какая-то осунувшаяся старуха. И наверно, вряд ли кто-нибудь в камере может сказать, что мне нет еще и сорока. Старуха...

*Ой, матаня, ты, матаня.
Ты была богатая.
А сегодня ты, матаня,
Ходишь оборватая.*

Валентина Зыбина

И хотя у меня за плечами третья судимость — бабы со мной дружат. Что ни попросят — всё для них сделаю. Но себя унижать никому не позволю. За это могу и здесь кому хошь морду расквасить. Но до этого у нас вроде не доходит. У каждой своя судьба, каждая может постоять за себя. Так что живем мы дружно. Как один колхоз. Кроме одной — Лариски Лаптевой.

Она всех нас сторонится и разговаривает всегда свысока. А кто она такая есть?! Зэчка, как и мы! Но нет, держит с нами фасон, сторонится. Манерная, а уж когда ест — оттопырит свои пальчики, ну прямо как в ресторане сидит! Вообще-то она бабенка красивая! Черные волосы гладко зачесаны назад, глаза голубые и огромные. Интересы у нее, конечно, тоже не такие, как у нас. Если мы все читаем женские романы да детективы, то ей обязательно подавай классику!

Она однажды о себе так и заявила: «Вы все бабы, а я — Богиня!» Ну, это уже был с ее стороны явный перебор!.. Мы все обозлились против нее и искали повода, чтобы как-то насолить ей. И тут нас надоумила наша библиотекарша Вика Лазарева, она с нами в одной камере сидит. Баба она неплохая, общительная. Ей такие передачи несут! И она всегда с нами делится. А у кого из баб ребятишки в тюремном саду, то она специально для них заказывает конфеты. В общем, своя в доску! И вот она придумала такую игру. Вроде мы накинемся ночью на Лариску, а библиотекарша бросится защищать ее, и раскидает всех нас по камере. А нам что? Лишь бы Лариску поколотить! И вот эта ночь наступила.

Вначале мы накинули на Лариску одеяло и навалились на нее всем скопом. Колотили ее так, что мама не горюй! Девка пыталась выкарабкаться из-под одеяла, но какое там! И тут, как коршун, сзади на нас налетела библиотекарша. И как начала нас раскидывать!

Библиотекарша с Лариской после этого сдружились. Целыми часами сидели друг у друга на кровати, и все ворковали да ворковали. Разговоров у них было на сто лет тюрьмы! А Лариска Лаптева оказалась совсем не лаптем. Эта любительница классики с пистолетом в руках участвовала в вооруженных нападениях. Причем в компании со своим мужем. Он погиб в перестрелке, а дамочка наша здесь, и чалиться ей еще долго.

*Я любила молотить,
Любила подмолачивать.
Любила головы крутить,
Карманы выворачивать!*

Лариса Лаптева

Я после суда боялась попасть в тюрьму. Думала, здесь сидят такие стервы, которым убить, что с мужиком переспать. Согласна была на одиночку, но только не в общую камеру. А оказалось, зря боялась. Тут такие развалюхи! Колхозницы!.. И я, естественно, с самого начала не вписалась в их стаю. Быдло, самое натуральное! Конечно, ими можно верховодить, но зачем мне всё это? Сидеть вместе за одним столом, разговаривать с ними, делить их пайки? Нет, я лучше сама по себе. А если сунутся — то быстро носы поотрываю. Тем более я сейчас не одна, у меня крепкий тыл — Вика Лазарева. Она мне недавно так подмогла — век не забуду!

Днем я еще держусь, когда на виду у всех, а ночью, когда тьма за решеткой... хоть волком вой. Волосы размётаны по подушке — длинные-длинные. Как любил их мой Вахтанг! А теперь его нет, да и меня уже давно нет на этом свете... Одна тень от меня осталась. Ходит, мается по земле, некуда ей прийтнуться. Пусть я бы лучше погибла тогда, в той перестрелке, чем вот так мучиться. Стонут вместе со мной проёмы окон за металлической решеткой. Темнота накаляется... И я уговариваю себя умереть.

— Умри, умри... — стонет моя тень. — Не нужна тебе такая жизнь. Одна мука от нее. Жизни человек должен радоваться...

Я родилась не с серебряной ложкой во рту. Мать работала на фабрике, отец шоферил на стройке. Я видела, что они давно друг друга не любят. Отсюда и их постоянные ссоры на кухне, постоянные пьянки отца. А я мечтала о своем будущем, начитавшись дамских романов. В нем обязательно красовался принц на белом коне, который приедет за мной на наш грязный двор. Перед сном я старательно расчесывала свои волосы и с улыбкой заглядывала в зеркало, примеряя на себя загадочный взгляд «роковой женщины».

Но все получилось гораздо прозаичнее.

Стоял дождливый день. Я стояла на остановке и ждала автобус. Зонта с собой не взяла и мокла под дождем. Вдруг из дождя, как привидение, вышел мужчина — в белом костюме и с огромным зонтом в руках. Капли дождя разбивались о его «гриб» и отлетали далеко в сторону. От него шло какое-то сияние. И я словно попала в эту ловушку света. Дождь уже больше не хлестал, а с нежностью ласкал меня своими струями... Мокрое платье плотно прилипло ко мне. Я стояла перед ним, как обнаженная. Он заметил меня и остановился. Это был зверь-мужчина. И в этот миг что-то больно ударило в мое сердце. Я не поняла: то ли в меня попала молния, то ли взгляд его глаз — темных, упрямых, настойчивых. Внутри

всё закружилось. Он вытащил меня из толпы и увлек за собой. Под его зонтом было так надежно! Это был какой-то другой мир, другой остров! Я шла за ним, и только жалобно попискивали подо мной мои размоchenные босоножки.

Это было какое-то любовное безумство. Я вторилась в него с самого начала. Всё происходило, как во сне. Сном всё началось, сном и закончилось. Иногда я думаю: а было ли это вообще? Наверно, было, раз после этого сыночек мой растёт...

Семь лет мы с Вахтангом были вместе. Когда он на меня смотрел, я чувствовала, как он любит. И весь он был слит из силы, бесстрашия и добра. А какие глаза были у него! Этого не передать. На третий год я родила ему Ванюшу. И он не бросил меня, а наоборот, ещё больше берёт. Купил дом за городом, перевел его на мою мать, своей-то у него не было — детдомовский. Мать с Ванюшей и жили в том доме, а мы в городе, в квартире. Вначале он про себя говорил, что занимается наукой, пишет диссертацию. Вскоре я поняла, что это за наука такая. Грарили богатые квартиры, магазины... Но что бы он ни делал, я никогда бы от него не отступилась. Так я его любила.

Однажды я сама напросилась к нему на дело. Безумно хотелось быть с ним рядом в опасные минуты. Вахтанг всё отмахивался: мол, не бабье это дело! А потом все-таки согласился и взял меня. Какой восторг кипел во мне! Операция была пустяковая: в одном селе грабанаули магазин. Не важно было, сколько денег взяли. Я была тогда в таком состоянии, будто открыла для себя пиратский остров с его авантюрной жизнью!.. Всё нравилось: погоня, кровь, сумасшедшие наряды и деньги.

Ваха, как чувствовал, говорил: вот еще немного погастролируем и заляжем на дно. Навсегда. Будем просто жить. Для себя, для Ванюши. Денег хватит на несколько жизней. Он, видимо, чувствовал свою смерть. А может, искал ее?

Тот план нападения на банк разрабатывала я. Просчитали всё до последней секунды. Но кто мог предположить, что среди посетителей банка окажется милиционерша, и не в форме, а в простом сатиновом платье и с оружием в дамской сумочке? Она положила многих наших ребят. В общем, там такая пальба была! Тетку ту ребята изрешетили всю: она там, на полу, и отдала Богу душу. Вот так я и оказалась здесь. Крови на мне не было, поэтому и дали восемь лет.

Сдружилась я только с Викой Лазаревой. И то только после того случая, когда она меня отбила от наших сучек. Вот тебе и библиотекарша! На вид такая типичная рафинированная интеллигентка. Изящные кисти рук, тонкие черты лица,

ироничный взгляд из-за стекол модных очков... Ее легко можно представить где-нибудь в филармонии, а она отбывает срок за умышленное убийство.

Раньше она сидела в другой камере, но потом вдруг неожиданно напросилась к нам. Хотя та камера и поменьше была. Кровати наши рядом. В основном, разговор начинает она. То книгу какую расскажет, то свежую новость с воли подбросит. Ведь у нее доступ с книгами в каждую камеру. Ей и записочки передают. На этом она хорошие бабки делает. После того, как я ей однажды рассказала про дом, про Ванюшу, я увидела, что ее эта история очень заинтересовала, и она то и дело возвращается к этой теме. Однажды сама предложила:

— Твоему мальчику нужна домашняя учительница. Ну, чему может научить его твоя мать? Может, мне помочь тебе? У меня скоро срок кончается, могу заняться этим. Мы с тобой подруги, и я, видишь, не дура. Ведь не зря на филологическом училась. Подумай.

— Даром ведь не будешь работать. А как я тебе буду оплачивать, коли сама здесь парюсь?

— Даром, конечно, не буду. Но ведь у тебя, наверно, на воле осталась заначка? Такие дела воротила...

— Ладно, подумаю, — ответила я, и после этого наш разговор дальше не продвинулся. Но часто я об этом думаю. Да, есть у меня заначка. И неплохая. Но она вся лежит в одном месте. Про нее даже моя мать не знает. Там и деньги, и золото. Как ей поверить? Это здесь она — подруга, а там хапнет всё, и поминай как звали! С другой стороны, Ванюшке надо дать образование, устроить его в престижную школу. А для этого нужны большие бабки. А мать на свою пенсию что сможет дать? Прокормить только да одеть... Здесь есть о чем подумать.

*Я тогда тебя забуду,
Мой милёнок дорогой,
Когда вырастет на камушке
Цветочек полевой.*

Вика Лазарева

Я эту Ларисочку сразу признала! Заметная, стерва. Она меня не знает, но я-то до гробовой доски ее помнить буду. Ведь до нее Вахтанг моим был. Но как ее увидел — меня напрочь забыл. Да, любовь — это чувство приговоренное. Пострашнее расстрельной статьи. Ведь когда я его любила, то ничего делать не могла, ни о чем другом не думала. Это чувство просто мешало мне жить. Чего я только ни делала! И под пули лезла, и раненного его выхаживала, а он вот как со мной!..

Я знала его крутой нрав. Зверь! Он если любит, так любит на всю катушку, а уж если кто ему поперек дороги — живым в могилу вкопает. Одним словом — максималист. Ну, я, конечно, не посмела ему перечить. Но на эту лявву зуб заточила! И вот как встретились. Специально из-за нее перевелась в эту камеру. Вначале думала замочить ее сразу. Но уж больно легкой мне такая месть показалась. Надо вытрясти ее, как копилку. Наверняка у нее целый банк закопан. Всё вроде идет пока по плану. Дело за малым. Не спугнуть бы только!

Был момент, когда я чуть было ее не пожалела. Это когда она мне про своего сынишку втюривала. А потом подумала: ведь на его месте мог оказаться и мой сын! Нет, разведу я ее по полной программе! Я ей причину такую боль, что она пожалеет, что на свет родилась! И сынишку ее поганого в детдом сдать, а ее маменьку-пьяницу раньше срока на тот свет отправлю. Ничего, дайте мне только выйти отсюда!

А Вахтангу моему я поставлю памятник на вершине Казбека. Во весь рост. Как царю Грузии. Он давно собирался туда взобраться. На самую вершину, но все как-то со временем не сходилась.

*Говорят, что я старуха,
Только мне не верится:
Ну какая ж я старуха —
Всё во мне шевелится!*

Ирина Евсеева

Когда Наташка привела в наш дом своего жениха, я сразу так и подумала: нет, это скорее для меня бы он подошел. Ну, куда он ей — старше на пятнадцать лет! А для меня бы как раз...

Николай оказался художником. Я его так и назвала за глаза: «интеллигент». Картины мне его сразу легли на душу. В них были простые мотивы, которые не ошеломляли, а радовали глаз, как бы нашептывая милые слова и напевая приятные мелодии. Удивляло меня только то, что цвет его картин всегда был серым. Я так его однажды и спросила: «У тебя, Николай, что, денег нет на другие краски?» Но это я так сдуру ляпнула, не подумавши. Видимо, серым цветом ему удобнее писать. Странно: даже глаза у него были серыми, а волосы — точно пеплом присыпаны. Дочь так и называла его: «сероглазый король».

Вообще его работы можно легко отличить от картин других художников. У него, если время суток, то утро или вечер. Если атмосферные осадки, то дождь. В общем, всё просто и

тихо. Земля и небо. И больше ничего. Я однажды не выдержала и спросила его:

— Почему ты людей не рисуешь? На портретах ты куда больше бы заработал. Я однажды отдыхала в санатории, так к нам в корпус каждый день один художник приходил. Он в день по два-три портрета писал. И людям радость, и себе прибыль.

— Мне, Ирина Николаевна, пейзаж ближе, чем человек, — отвечал он. — В природе душа есть — удивительная и щедрая. А в человека проникнуть трудно. Он скрытен и лицемерен. Вот если только вас написать? Согласитесь?

Я кивнула ему, а самой сделалось так страшно, будто я согласилась не портрет с меня срисовать, а на что-то такое тайное и грешное.

Писал он меня по утрам, когда Наташка убегала в свой техникум. Я еще не успевала встать с постели, а он уже подстраивал к моей кровати мольберт и, насупив брови, прикусывая губы, что-то там малевал. Изредка подходил, что-то на мне поправлял, раскидывал по подушке мои волосы. Мое сердце в такие минуты выскакивало из «ночнушки». Однажды я не выдержала, и сама схватила его за руку:

— Дурачок ты мой! Не портрет мне нужен. По тебе я горю. Иди ко мне...

Он не оттолкнул меня, прислонился к моей кровати сначала одним коленом, потом другим, приблизил свое лицо к моему, и больше я ничего не помнила...

Так началась наша любовь. Вечером и всю ночь он был с дочерью в ее комнате, а утром до самого обеда — со мной. Как только мужика хватало! Мне этих четырех часов достаточно было для полного счастья. Портрет наш остановился — было не до него. Я ценила каждую минуточку, проведенную с любимым. И наступил момент, когда этих минут мне уже стало не хватать, тогда я стала ревновать Николая к своей дочери. Да я и сама видела, как он уже стал стесняться целовать Наташку при мне. Дважды он грубо оттолкнул ее от себя. Девочка моя ничего не понимала.

Душно становилось у нас в доме... Надо было что-то менять, да поскорее. Но Николай наотрез отказался разговаривать на эту тему с Наташей. Тогда я решила всё взять на себя.

Однажды за ужином, когда Николая не было у нас, я ей всё и рассказала.

— Как ты посмела? Ведь ты — моя мать! А он... негодай! — У девочки началась истерика.

— Наташа, успокойся. Давай всё спокойно обсудим. Ты молодая, ты еще себе человека найдешь. А для меня он, мо-

жет быть, последний мужчина. Последняя моя любовь... — Я старалась подобрать жалостливые слова, чтобы дочь поняла меня и сама бы отреклась от Николая. И напоследок у меня вырвалось: — Я люблю его! И тебе я его теперь не отдам!

И здесь случилось то, что никак не входило в мои расчеты. Наташка вскочила и схватилась за нож.

— Дочка, не дури! — крикнула я ей.

— Я тебя убью!

Наташка не шутила.

От первого удара я увернулась. Мне надо было взять да убежать из квартиры. Может быть, всё бы и успокоилось. Но я этого не сделала. Будто за моей спиной Николай стоял. Когда Наташка кинулась на меня во второй раз, я схватила с плиты чугунную сковородку и ударила ею в летящую на меня с ножом дочь. Она отлетела от моего удара и упала на стол. А я ее била, била, била... И откуда только эта злость взялась! И кричала: «Он моим будет, он моим будет!..»

Потом вдруг наступила тишина. Девочка моя была уже давно мертва. И ей уже никто не был нужен: ни я, ни Николай. Немая сцена, когда я лежала на трупке моей дочери, длилась удивительно долго... Я тоже была мертва. Но моя жизнь постепенно возвращалась ко мне, и я, по мере ее возвращения, медленно, чтобы не сойти с ума, оценивала случившееся. А до этого я была глуха и слепа, и разум мой тогда не подчинялся мне... И когда я, наконец, поняла, что натворила, из души вырвался такой страшный крик, что до сих пор его слышу..

*Я люблю тебя, береза,
Я люблю тебя, страна!
Ты одна, моя береза,
Мне из камеры видна!*

Полина Зверева

Над колонией нашей снова нависла ночь. Короткая, теплая. Деревья гудят своей листвой. Но осень настанет — ветер сорвет листья, рассыплет их по земле. Потом будет зима с высокими снегами. Потом снова весна. И так дальше по кругу. Меняются времена года, меняемся и мы вместе с ними. Сколько дум здесь передумано! Сколько чувств пережито здесь! Сколько выстрадано... И кажется, что тогда, до колонии, это совсем была не я, а какая-то другая женщина. Злобная, несчастная...

Но всё это забыто. Скоро на волю! Там меня ждет мама, сын, Сережа... С того времени, когда я познакомилась с ним,

я перестала себя чувствовать одинокой. Другая жизнь началась у меня: светлая и теплая, добрая, щедрая, тихая — всякая, но всегда нужная и со смыслом. И я не заметила, да, не заметила, что превратилась в счастливую женщину, которую ждут там, на воле, и очень любят. И я тороплю время, чтобы оно быстрее кружилось. Но пока остается терпеть и ждать. И я терплю. И жду.

А у нас в камере сейчас не до скуки. Кума объявила, что в тюрьме объявлен конкурс красоты. Примет участие и местное телевидение. Из каждой камеры должен быть представлен один человек. Победительница конкурса будет досрочно выпущена на свободу. Выдвигать кандидата может сама камера. И что тут началось! Бабы зашевелились, и с утра до вечера только об этом и был разговор. Конечно, каждой хотелось поучаствовать и победить. Цена уж больно высокая! Как тут не захотеть? Но и шансы для этого есть не у каждой. После трех дней спора бабы выбрали меня.

— Вы что, с ума сошли? Ну, какая я королева красоты? — взбунтовалась я. — Да и не нужно мне это... У меня и так скоро срок закончится. Вон давайте лучше Лариску Лаптеву выберем. Она девка красивая, да и сын ее у старой матери живет...

Все переглянулись. Такая вдруг тишина нависла! Никто не смеялся, не шутил.

— А что, она действительно подойдет, — согласилась Раиса Юфрякова. — Давайте, девки, сделаем хоть раз доброе дело! Кто за то, чтобы была Лариска?

Все подняли руки, кроме ее товарки — Вики Лазаревой. Никто этого не ожидал. Такие подруги, и вдруг..

— А что вы на меня смотрите? — попыталась она всех взять на оттяжку. — Может, я тоже хочу? Почему она?

— Не кипятись понапрасну. Все уже проголосовали, — заключила Раиса.

С тех пор между нашими подругами словно черная кошка пробежала. Всё выжгла. Молчала Лариска, молчала и Вика. Ситуация в камере становилась всё тяжелее. Лариска сидела, как загнанная мышь. Ей и самой хотелось испытать свой шанс, и было неудобно перед подругой. А может, она ее боялась?

— А что, девки, может, повторим? — не то в шутку, не то всерьез предложила она однажды. — Так, сломаем ей какую-нибудь косточку... Каждой дам по косухе. А если выскочу отсюда — королевские передачи будете от меня получать!

Такого не ожидал никто. Все замерли. Приготовились. Поднялась Валька Зыбина:

— Мы не дадим девку в обиду, — жестко произнесла она. — Ты чего, совсем сдурела?! Да какое ты имеешь право! У нас у многих тут руки в крови. За что нас и посадили. И это правильно. А вот то, что творишь ты, это неправильно. Мы еще не совсем совесть потеряли! Так что оставь Ларку в покое. Иначе дело будешь иметь со мной...

И молча все разошлись.

Но дело на этом не закончилось. Однажды Вика под села ко мне. Разговор начался издалека.

— Ну что, подруга, скоро на волю?

— Вроде...

— Там сейчас жизнь требует больших денег, — проинформировала она меня, будто только оттуда заявила. — Могу помочь хорошую деньгу заработать. Тысяча долларов, вот так, из рук в руки. согласишься помочь?

— Что сделать-то надо?

— Да совсем ничего. Дам тебе небольшую бутылочку, а ты ночью приснешь из нее на лицо нашей королеве... — Она заглянула мне прямо в глаза.

— Ты совсем, Вика, с ума сходишь!? Да разве можно так с человеком? Ты ведь ее инвалидом можешь сделать на всю жизнь! Одумайся!..

— Да пошутила я... Пошутила... Чего дрожишь, словно ягненок? Говорю: пошутила!

Но я-то понимала: не шутила она! Всерьез предлагала... А что, если уговорит кого? Вот беда-то будет! Лучше бы не было этого конкурса!.. Может, мне самой уговорить Лариску отказать, а то ведь у ее «подруги» рука не дрогнет!..

*Ты, подружка, заповай,
Но меня не задевай.
Если хочешь поругаться,
Поругаемся давай.*

Лариса Лаптева

Ночью у меня такое ощущение, что тишина стучит в висках. Рассматриваю руки и плечи, перебираю пальцами надвигающуюся тьму.

Что принесет мне эта ночь? — ноет всё у меня внутри.

И кажется, что сквозь эту пустоту кто-то осторожно крадется к моей постели. Я вздрагиваю от напряжения, осматриваюсь вокруг. Никого. С чего это всё мне кажется? Прямая мания преследования! Какая-то мысль змеей шевелится в мозгу, мысль о том, что меня хотят убить или что-то сделать со мной. Поворачиваю голову в сторону своей подружки —

Вика спит. Пока спит. Она может в любую минуту выпрямиться, как пружина, и кинуться на меня. Мы уже неделю, как не разговариваем. Началось всё с того, как женщины нашей камеры выбрали меня кандидатом на конкурс красоты, который может дать мне шанс освободиться.

Боже! Если Ты это сделаешь, я обещаю Тебе стать другой женщиной, послушной и доброй. И посвятить свою жизнь только воспитанию ребенка. Я выращу из него настоящего, честного человека. И он никогда не повторит мою жизнь. Мне не нужно мое богатство, которое досталось через чужое горе, чужую кровь... Всё это продам, а деньги пожертвую Церкви, бедным людям. Господи! Ты только помоги мне!..

У меня обязательно это всё получится. Я верю себе. Я верю в себя. И я даже не задаю себе вопрос: а получится ли у меня жить на свободе честно, жить так, как живут тысячи людей? Получится! Надо только не бояться. Просто жить. Найти свой правильный путь в жизни, и она обязательно что-нибудь предложит мне взамен. Вначале, конечно, будет тяжело. Но жизнь — это поток, и он обязательно вынесет к чистому и светлому берегу.

Дура, какая я дура, что проболталась Вике про свои сбережения! Ей осталось до освобождения полгода, а я, если выиграю титул, могу выйти из тюрьмы через месяц-два... Вот и взбесилась моя подружка. Всё свое нутро показала. А я ей так доверилась! Нет, я должна, я обязана победить! Это мой единственный лотерейный билет. Больше такого никогда не будет.

Моя главная опасность сейчас — это, конечно, Вика. Она готова теперь на любую подлость. Она и женщин всех обхаживает, ищет себе союзницу. Я ведь всё вижу! Но бабы молодцы! Я вижу, как они встают и демонстративно отходят от этой лисы. Я однажды не выдержала и спросила Людку Седову:

— О чем она с вами шепчется? Заговор какой-нибудь готовит против меня?

— Да ты, Лариса, не беспокойся. Ведь мы люди... Мы тебя в обиду не дадим. Но и ты будь осторожна. Особенно по ночам. Я ничего больше тебе сказать не могу. Знаешь, что за такие дела может быть...

— Спасибо и на этом. Вы меня, бабы, извините, что я так несправедлива была к вам. Вы настоящие. А я вот — сука! Но я обязательно стану другой, мне бы только вырваться отсюда. Но если что со мной случится, — от этой гадины можно всего ожидать, — возьми вот адрес мой. Найди моего сына и всё ему расскажи, как я раскаялась, как я стремилась к нему... Обязательно расскажи!

— Да что ты, Лариса... Всё будет хорошо. Мы еще всей камерой будем тебя провожать домой!

— Дай-то Бог..

И тяжкий сон сомкнул мои глаза.

*Встань-ка, маменька, пораньше
Да послушай на заре:
Не твоя ли дочка плачет
На чужой на стороне?*

Раиса Альперина

Сегодня выход нашей королевы! И не просто на помост, а в новую, другую жизнь! Вчера мы ей давали наставления, передавали письма и адреса на волю. Мы все были уверены, что нашей Лариске повезет больше всех!

Чтобы не разбудить ее, мы всё утро ходили на цыпочках, перешептывались. Пусть спит! У нее сегодня самый тяжелый день. И от него зависит во многом ее дальнейшая судьба. Господи! Поддержи ее, дай ей силы победить!

Уже принесли утреннюю баланду, а Лариска всё дрыхла.

— Девочки, я, пожалуй, ее разбужу, — не выдержала Вера Фролова и пошла к Ларискиной кровати.

Мы все затихли и устремили взгляды в ее сторону. Фрольчиха, раскинув руки, словно для равновесия, на цыпочках, как балерина, приближалась к спящей Лариске. Улыбка была на наших лицах. Мы видели, как она, наконец, подошла, оттопырила пальчиком угол одеяла и стала его медленно поднимать. И вдруг она, как пружина, сорвалась и отбежала к двери и стала бешено ее колотить:

— Откройте! Откройте! Я не могу больше здесь находиться!

Кто-то побежал к ней, но большая часть женщин подошла к Лаптевой. Наша девочка лежала с ножом в груди — самодельным, выточенным из столовой ложки. И лицо ее было такое красивое, какого мы при жизни у нее никогда не видели.

— А ведь у нее остался мальчик, — всхлипнула Раиса Юфрякова. — К нему она так стремилась... Вот тебе и конкурс красоты! Неужели кто-то из нас мог оказаться на ее месте?

В груди нашей красавицы торчал нож Валентины Зыбиной. Мы все его очень хорошо знали. Только особым счастливым она давала его подержать. Ножик в тюремном хозяйстве — штука драгоценная. Что-нибудь смастерить, или подрезать, или открыть — на всё сгодится. Поэтому мы завидовали Вальке, как она умудрилась ложку припрятать и заточить лезвие. С любовью было сделано, есть чему позавидовать. Но только не теперь.

Мы все повернули головы в ее сторону.

— Вы что, девки? Думаете, я это сделала? Я не убивала ее! Зачем мне это?! Я вам клянусь! Это же подстава голимая!

Она подбегала к каждой из нас и хватала за плечи. Мы все молчали. Тогда она подбежала к Вике Лазаревой:

— Это ты ее убила, сука! Ты давно хотела ее смерти! Погань подзаборная! Дрянь!

Она вцепилась в нее и, схватив за грудки, начала в истерии бить ее головой о стену. Мы еле разорвали этот смертельный клубок.

Наконец дверь распахнулась, и вбежали конвойные. Они положили Ларису на одеяло и вынесли. Через несколько минут в камеру влетел Редиска.

— Боже мой, что вы за люли! — кричал он на нас. — Вы нелюди! К вам нельзя по-человечески относиться! Вас надо держать, как собак, на цепи!..

Он присел на скамейку, вытянув руки на столе и сжав их в кулаки, опустил голову. Потом поднял ее, взглянул на нас и приглушенно спросил:

— Кто это сделал?

Все молчали. Потом нас весь день водили на допрос. После шмона в тумбочке Валентины Зыбиной были обнаружены Ларискины вещи. Вечером в камеру не вернулись Лазарева и наша старушенция Зыбина. Но нам всем был понятен этот спектакль. Мы ждали возвращения Валентины...

Уже давно рассвело, и прямо в глаза конвоиров, которые несли службу на вышках, бил красный свет восхода. До солнца, конечно, было еще далеко, но небо на востоке уже так накалилось, будто там работал кузнечный горн, раздувались меха для тяжелой работы.

Застучали двери, заходили во дворе охранники; слышны были какие-то команды, заиграло радио. Запахло кухней, свежее испеченным хлебом.

К воротам тюрьмы подъехала новенькая «Ока», постояла у ворот, а потом свернула вправо и остановилась около забора. Долго из машины никто не выходил. Но, наконец, дверца распахнулась, и первым из кабины выскочил мальчонка лет двенадцати. Отбежал от машины, попрыгал, разминая затекшие ноги и, увидев памятник на площади, пошел к нему. Посреди клумбы высилась скульптура матери с идущим ребенком.

Следом открылась шоферская дверь, и из нее вышел мужчина. Похлопал по карманам, нащупал пачку сигарет и закурил. Взглянул на часы и пошел к подростку. Обнял маль-

чишку за плечи и что-то ему сказал. Мальчик поднял голову, взглянул на мужчину и согласно кивнул головой.

Недалеко от них, на скамейке, сидела пожилая женщина. Необычно выглядела она. Темное и не по моде длинное пальто, белый платок повязан по-старинному.. Скорби легли тенями на ее лице, чем-то напоминающем древние образа. Но большие глаза, синие, точно весеннее небо, смотрели с детской ясностью. Бесконечное терпение и доброта исходили от ее фигуры. Как будто сама Россия пришла к этим железным воротам, чтобы поскорбеть и помолиться о своих дочерях...

Долго приезжие ходили по тюремной аллее, потом тоже сели на скамейку.

— Ждете кого-нибудь? — спросил мужчина.

— Да, дочь сегодня должна освободиться. А вы кого ждете? Жену?

Мужчина улыбнулся и обнял мальчика:

— Вроде бы так...

— Что значит «вроде бы»? — не поняла женщина.

— Мы с Полиной познакомились по переписке. А это ее сын.

Женщина улыбнулась.

Тут разговор их прервался. Дверь проходной открылась, и вышла женщина.

— Мама! — сидя на скамейке, закричал мальчишка, потом вскочил и побежал по бетонной дорожке.

Следом за ним пошел мужчина.

А пожилая женщина встала и в спину перекрестила их обоих.

Александр АМУСИН (г. Саратов)

ОРДЕН ДЛЯ ВНУКА

Рассказ

Старик Евсеев сидел с внуком Владом на берегу речки и ворчал:

— Студент, вымахал под два черенка лопаты, институт заканчиваешь, а к нам три года носа не казал. И сегодня к обеду появился, а к вечеру — в бега! Сенца бы подкосили, дровец порубили, крылечко починили, в баньке попарились, за жизнь поговорили, к чему торопыжничать?

— Надо, дед! Надо! Проблем выше крыши. За нас не дергайся, житуха в масть, правда, бывает и кидалово, но выкручиваемся, не зря с детства учили — хочешь жить, умей вертеться.

Старик сорвал одуванчик, тоскливо посмотрел на цветок, на небо, затем, усмехаясь, остановил свой взгляд на тугих, налитых как алое яблоко щеках внука.

— Вертеться, опять вертеться, ну и сколько можно, не на войне же! Что ни говори, Владик, а раньше знал, пошто живу, за что кручусь. Как бы власть ни ругали, а смысл в жизни оставался. Родной смысл, по сердцу. Ты думаешь, я партийный или в коммунизм верил? Нет, Владик. Я веровал в то, что живем правильно, по совести. Мы нужны стране, и она нам. А как воевали! Как бились! Жизни своей не жалели за каждый овраг, за всякую кочку, потому как знали — страна наша.

Старик взмахнул одуванчиком, как шашкой, выругался, поправил правую штанину брюк, из-под которой выглядывал протез.

— А сейчас чего творится. Прихватилизировала эту землю кучка бандюганов, со всем тем, что мы отвоевали на ней, отстроила и, на нас не глядя, похохатывая промеж себя, поделила, присвоила... И никого не спросила. Словно мы в стране своей рабы бессловесные. Дожились. Я слышал, в городе даже место под могилку покупать надо. Это что же получается, воюй за нее, за свою кровную, а коли убьют, так еще и яму в этой самой, родненькой, выкупи, чтобы в канаве воронью в утеху не валяться?

— Эх! Дед, дед! Не продвинутый ты. Орденов да медалей в атаках нащипал — не унести. Если взвесить, то в твоих железках килограммов окажется больше, чем в тебе. А толку-то от них. Лежат, ржавеют. А ты все ворчишь да ругаешься, все войну вспоминаешь, а жить-то надо сегодня. Продай бы несколько стоящих побрякушек, и жил бы по-человечески. Избушку отстроил, отопление провел паровое, протез прикупил новенький. Твой-то совсем не гнется. Дед, оглянись, за двором третье тысячелетие, а ты с топором не расстаешься, как неандерталец.

— Ты чего несешь? Сам-то соображаешь, что болтаешь? — Старик сердито отшвырнул одуванчик. — Совсем ополоумел в своем институте. Тебя чему там учат? Наукам или тому, как орденами торговать?

— Да при чем твои цацки, дед. Пойми, сейчас житуха наизнанку. За все, что имеешь, — надо платить. Даже за корки, то есть за диплом, за науку. Сколько заплатишь, на столько и выучат.

— А ежель денег нет?

— Ищи, тряси предков...

— Кого сотрясать, могилки?

— Да при чем тут могилы, ты прямо на них заиклился. Я про родителей говорю.

— Так какие же они предки, они живые. Да и сотрясать зачем?

— Чтoб денег дали на учебу, на шмотье, на все остальное.

— А что, нельзя по-людски попросить?

— Ну, дед. Ты точно из мезозоя. Кто ж тебе даст, кому ты нужен? Сейчас вся страна в попрошайках. Просят все, а получают единицы, только те, кто правильно трясти может, то есть добиваться любым путем. Дошел? Да, кстати, о транспортных проблемах. Отбывать скоро, а я тебе главного не сказал. Короче, дед, я по делу приехал. У тебя орден Ленина живой? Я, в смысле, не посеял, не потерял? И крестик этот ржавенький, который ты с фашистского офицера снял?

— А тебе-то зачем? Этот офицер, между прочим, меня убить собирался. Понимаешь, убить! А ежели б он одолел, ни твоей матушки, ни тебя не было бы! Не одного бы он меня погубил. Понимаешь? Я с ним в болоте за твою жизнь — врукопашную... На морозе. Под нами лед таял до тины от крови. Зубами меня фашист, что волчара, на ключья рвал. Потому и крест опосля снял я с него, чтобы помнить, долго помнить, с каким зверьем воевать пришлось. А ты? Крестик ржавенький...

— Ладно, дед, не дуйся. Клиент есть классный, хорошие бабки кидает. Вот я о тебе и подумал. Пенсия смешная, избенка рушится, да и мне поможешь в ликбез доходить.

— Так я же не продаю.

— Не ты, а я.

— А ты-то здесь... откуда? Орден-то мой!

— А я внук твой, внук. Должен я о тебе заботиться?!

— Выходит, ты награды мои приехал торговать?

— Не все, не все, дед, некоторые.

— А если не соглашусь? Не отдам?

— Ладно, дед, не кривись. Ничего ты не понял, хоть и родней числишься. Я доброе дело хочу сделать, помочь тебе. Эти медальюшки годами лежат мертвым капиталом, никакого дохода не приносят. Твои ордена — это раритет, и хорошо, что есть идиоты, которые готовы за них платить большие деньги. Радуйся! А пока пошли купаться, а то я вспотел твое счастье тебе втолковывать.

Дед, кряхтя, опираясь на жесткие кусты полыни, с трудом поднялся, отряхнулся.

— Ты окунись, действительно, что-то палит нынче, разозлилось солнышко. Позагорай, обсохни. А я домой побреду, посмотрю, что тебе из хлама отложить получше.

— А ты-то откуда им настоящую стоймость знаешь? Давай вместе оценим. Я уж не первый год на этом рынке канту-юсь. Кто меня обует — трех дней не проживет.

— Окупись, остудись, никуда от тебя твоя обувка не денется.

Пока внук купался, Матвей Данилович приковылял до-мой. Он взял лопату и в саду выкопал неглубокую яму. Затем принес из дома китель с орденами и старенькую шкатулку. Мундир с наградами тщательно обернул в несколько слоев целлофана и уложил в старенький чемоданчик. Подозвав жену и придерживаясь за ее руку, встал на колени, аккуратно спрятал чемоданчик в яме и стал горстями засыпать. Руки его тряслись, плечи подрагивали — дед плакал.

— Ну вот, мать, считай, что сегодня меня убили. Долго в меня осколки с войны метили. Долго. Нашли, догнали.

— Чего мелешь, старый, чего?..

Матвей Данилович, надрывно вздохнул, ухватился за руку жены, поднялся, вытер мокрые щеки землянистыми руками, перекрестился.

— Что бы ни случилось, Настенька, достанешь китель, как только я помру окончательно, по-человечески. В нем меня и похоронишь. А внуку скажем, что медали да ордена укра-ли, тем более врать нам нисколько не придется.

— Это как это нисколько, когда своими руками закопали, — удивленно спросила испуганная жена.

— Украли, Настенька, утянули так же, как и страну нашу, за которую мы сражались. Молодость нашу.. Украли, всё украли! И внуков наших...

Баба Настя хотела возразить, но, увидев серое отрешенное лицо мужа, безмолвно и покорно прижалась к его плечу. По-том дед достал из шкатулки черный крест, плюнул на него, усмехнулся, вытер о штанину и протянул жене:

— Отдадим внуку, когда придет, он его заслужил сегодня...

Давид ШЕМОКМЕДЕЛИ (г. Тбилиси, Грузия)

ИЗМЕНА

Рассказ

Я шел впереди и нутром ощущал, как она семенит, пытаюсь поспеть за мной. На один мой шаг приходились ее два. Я всё пытался натянуть кепку пониже на лоб. Маико вся тряслась.

То ли от холода, то ли от страха. Вся улица была погружена в беспросветный, тошнотворный мрак. Царила невыносимая, жуткая тишина, словно ночью на глухом кладбище. Палили: то одиночными выстрелами, то вдруг «заряжали» надолго. Редкие припозднившиеся прохожие передвигались короткими перебежками. Иногда я останавливался, прятал ее тщедушное тельце под полою плаща, прикладывал ладонь к ее ледяному лбу и спрашивал:

— Тебе страшно?

— Нет, — отвечала она и тут же вымученно улыбалась.

— Тебе холодно?

— Немного.

И снова мы продолжали путь.

Но, словно издеваясь над нами, дорога никак не кончалась, страх и холод превратили ее в катящийся клубок ниток...

Перед моими глазами движущимся кадром, как на киноленте, постоянно маячило: Майко вертит ключ в замочной скважине, еще несколько секунд — и мы в ее комнате, я поднимаю ее на руки и целую.

— Отпусти меня, — смеется она, — дай отдышаться.

Я поспешно запираю дверь.

— Сейчас найду спички.

— Не надо. Свечу зажечь? Вскипятим чаю, согреемся...

— Нет, — говорю я. Осторожно беру ее на руки и укладываю в постель...

Закончится же когда-нибудь эта улица, и надо будет свернуть налево. Одолеем небольшой подъем, а там — бетонные лестницы. Вспоминаю, как ровно месяц назад пошел первый таящий снег, а ночью он замерз и превратился в блестящее ледяное зеркало. Тогда, остановившись перед ступеньками, Майко почему-то очень серьезно сказала: «Возьми меня под руку, но если ты упадешь, знай — никогда больше не стану встречаться с тобой». Не знаю, что загадала она в ту минуту, но помню, с каким сердечным трепетом я благополучно достиг последней ступеньки. Я крепко поддерживал ее за локоть, и чувствовал, что исполнение загаданного, да и вся ее судьба находятся в эти минуты в моих руках.

Вот и этим вечером мы подошли, наконец, к бетонной лестнице. Рядом, из киоска, какие-то вооруженные автоматами типы выносили бутылки шампанского. Их ждали визгливо смеявшиеся в «Жигулях» девицы. Из магнитофона разносились звуки дешевой песенки, давно прожужжавшей всем уши.

Не успели мы пройти и нескольких шагов, как погруженный во тьму квартал внезапно вспыхнул электрическим светом.

— Ууу! — взорвались дома радостным воплем.

Еще секунда, и город, погруженный во мглу, встрепенулся и ожил, будто воскресший из мертвых. Жажда жизни вернулась к нему.

Лифт в подъезде, конечно, не работал. Мы почти бегом поднялись по лестнице и... оторопели, заметив свет в дверном «глазке».

— Я отлично помню, что утром, выходя, выключила свет, — сказала изумленная Маико.

Дверь в это время распахнулась, и на пороге появился парень лет двадцати пяти.

— Гела! — закричала Маико и бросилась в его объятия. — Познакомься. Это мой брат. А это Заза, — представила она меня. — Случайно на улице встретились. Он сказал, что страшно мне будет бродить в такой темноте — и проводил.

— Пожалуйста, — пригласил меня парень.

— Спасибо, но уже поздно, — растерявшись от неожиданности, ответил я. Торопливо попрощался и устремился вниз по лестнице.

— Слава Богу, минувшей ночью ты что-то писал. А то я уже стала забывать, что ты у нас писатель, — сказала Медико, сунув нос в разбросанные на столе листы и погрузившись в чтение.

Я не отводил от нее глаз. Медико всегда с каким-то детским любопытством, с волнением и скрытым чувством гордости читала каждую мою новую рукопись. И была по-настоящему счастлива, когда что-то ей действительно нравилось, а если такового не находилось, печалилась столь же искренне. Теперь же она с небывалым интересом вчитывалась в новую рукопись, да так, что потеряла всяческий контакт с внешним миром. Я видел, как поминутно напрягалось ее лицо, и в душе появились дурные предчувствия. Любопытство одолело меня, и глаза невольно скозились на собственные черновики:

«Я шел впереди, и нутром ощущал, как она семенит, пытаясь поспеть за мной. На один мой шаг приходились ее два...» Кажется, она что-то поняла. Настроение, и без того плохое, стало теперь хуже некуда. Единственное, что меня выводило из себя в общении с Медико, — это ее «тибетское ясновидение» — от этой женщины ничего невозможно было скрыть, и — по ниточке, от нерва к нерву, изучила она меня, как облупленного.

Медико встала, молча, не глядя, сложила рукопись в стопку и прошла в кухню. Я слышал, как она открыла и закрыла кран и принялась чистить картошку. Нет, такого раньше не бывало — всякий раз по прочтении новой рукописи она с ходу высказывала свое мнение. А теперь женская интуиция подсказала ей — это не выдуманный рассказ, в его основе лежат реальные события.

Проснулась малышка Теона.

— Мамаа! — таким слабеньким голосом позвала она, что Медико и не расслышала.

Зато захлопал ресницами наш сын Ачиико, и детские голоса нарушили воцарившееся в доме молчание.

— Мне нужно на работу, дело там неотложное, — нашел я выход из положения.

Жена ничего не ответила. Я быстро переоделся и через десять минут уже был на улице. Измученный народ стоял на подступах к станции «Варкетили» в ожидании, когда заработает метро. Разнесся слух, что сотрудники забастовали. Забастовки тогда были делом обычным и никого удивить не могли. На душе у меня кошки скребли, и никаких сил моих не было оставлять наедине со своими мыслями. Я смешался с толпой, где всюду бушевали жаркие политические диспуты и с разных сторон раздавались жалобы на житье-бытье. Какой-то дядька средних лет наградил собеседника подзатыльником за альтернативные политические высказывания. Милиции нигде, конечно, не оказалось, и разнимать повздоривших пришлось случайным прохожим.

— Совсем с ума посходили, скоро передуют друг друга, — покачала головой старушка, стоявшая рядом со мной.

— Не обойтись здесь без кровопускания, кого прикончить надо, кого — пинком под зад вышвырнуть, и не мешкая. Не решимся на это — хуже будет, — сказал, как отрезал, мужчина лет шестидесяти, у которого на лице стояла печать большого стажа на начальственных должностях.

Спустя несколько минут метро заработало. В открывшиеся двери хлынул мощный людской поток. Я оказался в самой его гуще. Сзади и с боков на меня давило с такой страшной силой, что я начал задыхаться. Не в силах противиться этой могучей волне, от беспомощности я возненавидел себя. От мысли, что я могу быть размазанным, душа ушла в пятки. Наконец меня чудом вынесло к эскалатору. Так, претерпев сполна все мучения, к полудню появился я на работе.

Начальника на месте не было. В такой ситуации, разумеется, и сотрудники все разбежались кто куда. Осталась одна старенькая бухгалтерша Александра. Но сейчас мне было явно не до сплетен и пересудов с ней. Я прошел в свой кабинет и присел на диван. Слегка покалывало в голове.

«И все-таки, как, каким это загадочным женским чутьем Медико всё раскусила?» — не давала мне покоя навязчивая мысль. И чем глубже я вдумывался в эту головоломку, тем больше понимал, что женское чутье тут ни при чем. Я вспомнил свой роман, который начал писать года три назад да забросил в самом начале. Хотя тогда я оставил неизменными даже имена прототипов этого незаконченного романа, потому что мне всегда казалось, что ничто так не выражает характер личности, как имя.

Вчерашняя рукопись — продолжение брошенного романа. И, как видно, Медико мгновенно поняла это. Теперь меня

уже распирало любопытство — не терпелось вернуться домой и засесть за рукопись.

Вскоре я вернулся в родную обитель. Сердце захолонуло — никто меня не встретил. Медико сложила вещи в чемоданы и ушла. Как помешанный, я схватил телефонную трубку и набрал номер тещи. В мембране раздался голос жены. Я спросил почти умоляющим голосом:

— Объясни мне, что всё это значит? Почему ты ушла?

— С сегодняшнего дня у тебя нет семьи!..

— Чтоо?! Как это?! — Голос мой сбился на крик. Но в трубке раздавался только прерывистый зуммер.

С утра голова у меня раскалывалась, будто со страшного похмелья.

— Ты с чего это вдруг всю ночь бредил моим именем? Неужто так меня любишь? — услышал я из смежной комнаты голос Медико.

И тут радость осознания того, что всё это был сон, захлестнула меня и привела в чудесное расположение духа. Сердце от счастья просто рвалось из груди. Я заглянул в спальню. Теона и Ачико мирно спали.

— Алло! — услышал я голос Медико. — Это какая-то женщина. Тебя спрашивает, — обернулась она ко мне.

Я услышал голос Маико.

— Это с работы звонят, — сказал я очень уверенно и серьезно.

Перевод с грузинского Владимира САРИШВИЛИ

Наталья ВЕДЮШЕНКО (г. Рязань)

ВАСИЛЬКОВЫЕ ДНИ

МАМЕ

Васильки, ромашки, незабудки,
Помнишь, собирали мы с тобой?
С громким криком пролетали утки
Высоко у нас над головой...

Помнишь? Солнце тихо заходило
За полоску леса вдалеке.
Вечер шёл, помахивал кадиллом,
И туман стелился по реке...

Я живу теперь в другом районе,
Знаю запах хризантем и роз
И цветы сажаю на балконе,
Не воспринимая их всерьёз.

Только, знаешь, иногда замечу —
Солнце сядет за ближайший дом,
И придет на память давний вечер,
Васильки, и мы с тобой вдвоем...

ГРОЗА

Гроза, как в детстве — дрожь по телу,
И замороженно смотрю,
Как небо лупит оголтело
По лавкам, крышам, фонарю.

А мне бы выбежать из дома
Под этот ливневый каскад,
И пусть мальчишка незнакомый
Покрутит пальцем у виска.

Насквозь промокнуть — будь что будет! —
И удивленно постигать:
Как может солнечное блюдо
Такие тучи выпекать?

И видеть: по аллеям мокрым
Прохожие, кому не лень,
Ругают ливень — невдомек им,
Что у природы — банный день!

* * *

Над деревней кружит ненастье,
Не слышать во дворе собак.
Лишь сосед собирает снасти —
Он первейший у нас рыбак.

Не спеша снаряжает спиннинг,
Проверяет в руке: каков?
И шумит над рекой осинник:
Славный будет, видать, улов!

Нашу кошку терзает зависть:
Ей, должно быть, приснился сон,

Как из сада, ломая завязь,
Прямо в лапы плывет к ней сом.

День угаснет, дождлив, неярок.
А наутро кошачий бог
Бросит несколько рыб в подарок
Аккуратно на наш порог.

* * *

Как сложно сделать первый шаг,
Сказать «прости», признать ошибки...
Где взять терпение и такт,
Когда всё вкось и всё не так
И ссора тяжелее пытки?

Любовь... Дано лишь ей одной
Вести вперед, крушить преграды,
Прощать, испытывать тоской,
Готовить свадебный настой
Для тех, кто заслужил награду.

Так пусть она царит в веках!
А нам, ее покорным слугам, —
Нести сосуд любви в руках,
Не растеряв, не расплескав,
По капельке делясь друг с другом!

* * *

Мне снится осенью зима
И белое — в разводах — небо,
Печные трубы на домах,
Тепло укутанные снегом,

И черных липовых стволов
Потрепанные ветром руки,
И дальний звон колоколов
Под пение февральской вьюги.

Я встану ночью у окна,
Обрывки сна упрямо сбросив,
А за окном — горит луна
И в лужах остывает осень.

ПОЛЬСКИЙ ПЛЕН: КАК УНИЧТОЖИЛИ ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ РУССКИХ

Проблема массовой гибели красноармейцев, попавших в плен в ходе польско-советской войны 1919—1920 гг., долгое время не исследовалась. После 1945 года она и вовсе замалчивалась по политически мотивированным соображениям — Польская Народная Республика была союзником СССР.

Смена государственного строя в Польше в 1989 году и перестройка в СССР создали условия, когда историки наконец-то смогли обратиться к проблеме гибели пленных красноармейцев в Польше в 1919—1920 годах. 3 ноября 1990 года первый и последний президент СССР М. Горбачёв отдал распоряжение, в котором поручалось Академии наук СССР, Прокуратуре СССР, Министерству обороны СССР, Комитету государственной безопасности СССР «совместно с другими ведомствами и организациями провести до 1 апреля 1991 года исследовательскую работу по выявлению архивных материалов, касающихся событий и фактов из истории советско-польских двусторонних отношений, в результате которых был причинен ущерб Советской Стороне».

Согласно информации Заслуженного юриста Российской Федерации, председа-

ДОСЬЕ "МГ"

теля Комитета по безопасности Государственной Думы РФ В.И. Илюхина (в то время — начальника Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Генеральной прокуратуры СССР, члена коллегии генпрокуратуры и старшего помощника Генерального прокурора СССР), эта работа велась под руководством заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалина. Соответствующие материалы хранились в здании ЦК КПСС на Старой площади. Однако после августовских событий 1991 года все они якобы «исчезли», и дальнейшая работа в этом направлении была прекращена. По свидетельству доктора исторических наук А.Н. Колесника, Фалин восстанавливал поименные списки погибших в польских концлагерях красноармейцев еще с 1988 года, но, по словам самого В.М. Фалина, после того как в августе 1991 года в его кабинет ворвались «бунтовщики», собранные им списки, все тома, пропали. А тот сотрудник, который работал по их составлению, был убит.

Тем не менее проблема гибели военнопленных уже привлекла к себе внимание историков, политиков, журналистов и государственных деятелей Российской Федерации и других республик бывшего Советского Союза. То обстоятельство, что это случилось в момент снятия покрывала секретности с трагедии Катыни, Медного, Старобельска и других мест расстрела поляков, «придало этому естественному шагу отечественных исследователей видимость контрпропагандистской акции, или, как ее стали называть, «анти-Катыни».

Появившиеся в печати факты и материалы стали, по мнению ряда исследователей и ученых, свидетельством того, что польские военные власти, нарушив международные правовые акты, регламентирующие условия содержания военнопленных, причинили российской стороне огромный моральный и материальный ущерб, который еще предстоит оценить. В связи с этим Генеральная прокуратура Российской Федерации обратилась в 1998 году в соответствующие госорганы Республики Польша с просьбой о возбуждении уголовного дела по факту гибели 83 500 пленных красноармейцев в 1919—1921 гг.

В ответ на это обращение генеральный прокурор Польши и министр юстиции Ханна Сухоцкая в категорической форме заявила, что «следствия по делу о якобы истреблении пленных большевиков в войне 1919—1920 гг., которого требует от Польши Генеральный прокурор России, не будет». Отказ Х. Сухоцкая обосновала тем, что польскими историками «достоверно установлена» смерть 16—18 тыс. военнопленных по

причине «общих послевоенных условий», о существовании в Польше «лагерей смерти» и «истреблении» не может быть и речи, поскольку «никаких специальных действий, направленных на истребление пленных, не проводилось». Для того чтобы «окончательно закрыть» вопрос о гибели красноармейцев, генпрокуратура Польши предложила создать совместную польско-российскую группу ученых для «обследования архивов, изучения всех документов по этому делу и подготовки соответствующей публикации».

Таким образом, польская сторона квалифицировала просьбу российской стороны как неправомерную и отказалась ее принять, хотя сам факт массовой гибели советских военнопленных в польских лагерях генеральной прокуратурой Польши был признан. В ноябре 2000 года, накануне визита в Варшаву российского министра иностранных дел И.С. Иванова, польские СМИ в числе предполагаемых тем польско-российских переговоров назвали и проблему гибели военнопленных красноармейцев, актуализированную благодаря публикациям кемеровского губернатора А. Тулеева в «Независимой газете».

В том же году была создана российская комиссия по расследованию судьбы красноармейцев, взятых в польский плен в 1920 году, с участием представителей Министерства обороны, МИД, ФСБ и архивной службы Российской Федерации. В 2004 году на основе двустороннего соглашения от 4 декабря 2000 года была предпринята первая совместная попытка историков двух стран найти истину на основе детального изучения архивов, прежде всего польских, так как события происходили преимущественно на польской территории.

Результатом совместной работы стало издание объемного польско-российского сборника документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.», позволяющих уяснить обстоятельства гибели красноармейцев. Рецензию на сборник подготовил астроном Алексей Памятных — кавалер польского Креста Заслуги (награжден 04.04.2011 года президентом Польши Б. Коморовским «за особые заслуги по распространению правды о Катьни»).

В настоящее время польские историки пытаются представить сборник документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.» в качестве своеобразной «индальгенции» для Польши в вопросе о гибели десятков тысяч советских военнопленных в польских концентрационных лагерях. Утверждается, что «достигнутое согласие исследователей в отношении количества умерших в польском плену красноармейцев... закрывает возможность политических спекуля-

ций на теме, проблема переходит в разряд чисто исторических...»

Однако это не соответствует истине. Говорить о том, что согласие российских и польских составителей сборника «в отношении количества красноармейцев, умерших в польских лагерях от эпидемий, голода и тяжелых условий содержания» достигнуто, несколько преждевременно.

Во-первых, по ряду аспектов мнения исследователей двух стран серьезно разошлись, вследствие чего результаты были изданы общим сборником, но с разными предисловиями в Польше и России. 13 февраля 2006 года, после телефонного разговора координатора международного проекта «Правда о Катыни» историка С.Э. Стрыгина с одним из составителей сборника, российским историком Н.Е. Елисейевой, выяснилось, что «в ходе работы над сборником в польских архивах было выявлено существенно больше официальных документов о внесудебных расстрелах польскими военнослужащими военнопленных советских красноармейцев. Однако непосредственно в сам сборник были включены лишь три из них. С остальных выявленных документов о расстрелах были сняты копии, которые в настоящее время хранятся в Российском государственном военном архиве. В ходе подготовки издания возникли очень серьезные противоречия в позиции польской и российской стороны. (По образному выражению Н.Е. Елисейевой «...дело доходило до рукопашной».) В конечном итоге эти разногласия устранить не удалось и пришлось делать два принципиально разных предисловия к сборнику — от российской и от польской стороны, что для подобных совместных изданий является уникальным фактом».

Во-вторых, между польскими участниками группы составителей сборника и российским историком Г.Ф. Матвеевым сохранились большие расхождения по вопросу о количестве пленных красноармейцев. Согласно расчетам Матвеева, неясной осталась судьба не менее чем 9—11 тысяч пленных, которые не умерли в лагерях, но и не вернулись в Россию. В целом Матвеев фактически указал на неопределенность судьбы около 50 тысяч человек из-за: занижения польскими историками числа пленных красноармейцев, а вместе с тем и числа погибших пленных; расхождения данных из польских и российских документов; случаев расстрела польскими военными пленных красноармейцев на месте, без отправления их в лагеря для военнопленных; неполноты польского учета гибели военнопленных; сомнительности данных из польских документов времен войны.

В-третьих, второй том документов и материалов по проблеме гибели узников польских концлагерей, который дол-

жен был выйти вскоре после первого, не издан до сих пор. А «тот, который был опубликован, лежит забытый в Главной дирекции государственных архивов и Федеральном архивном агентстве России. И никто не торопится доставать эти документы с полки».

В-четвертых, по мнению некоторых российских исследователей, *«несмотря на то, что сборник «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.» составлялся при доминирующем мнении польских историков, большинство его документов и материалов свидетельствуют о таком целенаправленном диком варварстве и бесчеловечном отношении к советским военнопленным, что о переходе этой проблемы в «разряд чисто исторических» не может быть и речи! Более того, размещенные в сборнике документы неопровержимо свидетельствуют о том, что в отношении военнопленных советских красноармейцев, прежде всего этнических русских и евреев, польские власти проводили политику истребления голодом и холодом, розгой и пулей»*, т.е. *«свидетельствуют о таком целенаправленном диком варварстве и бесчеловечном отношении к советским военнопленным, что подобное следует квалифицировать как военные преступления, убийства и жестокое обращение с военнопленными с элементами геноцида»*.

В-пятых, несмотря на проведенное советско-польское исследование и имеющиеся по проблематике публикации, состояние документальной базы по этому вопросу по-прежнему таково, что какие-либо точные данные о количестве погибших красноармейцев просто отсутствуют. (Не хочется верить, что польская сторона их тоже «потеряла», как это было сделано с документами о катынских событиях, полученными якобы из российских архивов в 1992 году, после того как появились публикации о том, что данные материалы — изготовленные в годы «перестройки» фальшивки.)

Тезисно ситуация с гибелью красноармейцев выглядит следующим образом. В результате начатой Польшей в 1919 году против Советской России войны польской армией было захвачено свыше 150 тыс. красноармейцев. Всего в совокупности с политическими заключенными и интернированными гражданскими лицами в польском плену и концлагерях оказалось более 200 тысяч красноармейцев, гражданских лиц, белогвардейцев, бойцов антибольшевистских и националистических (украинских и белорусских) формирований. В 1919—1922 гг. красноармейцы уничтожались следующими основными способами:

1. *Массовыми убийствами и расстрелами*. В основном до заключения в концлагеря их: а) уничтожали во внесудебном

порядке, оставляя ранеными на поле боя без оказания медицинской помощи и создавая гибельные условия транспортировки в места заключения; б) казнили по приговорам различных судов и трибуналов; в) расстреливали при подавлении неподчинения;

2. *Созданием невыносимых условий.* В основном в самих концлагерях с помощью: а) издевательств и избиений, б) голода и истощения, в) холода и болезней.

Вторая Речь Посполитая создала огромный «архипелаг» из десятков концентрационных лагерей, станций, тюрем и крепостных казематов. Он раскинулся на территории Польши, Белоруссии, Украины и Литвы и включал в себя не только десятки концентрационных лагерей, в том числе открыто именовавшихся в тогдашней европейской прессе «лагерями смерти», и т.н. лагеря интернированных, в качестве которых польские власти использовали в основном концлагеря, построенные немцами и австрийцами в период Первой мировой войны, такие, как Стшалково, Шиптюрно, Ланьцут, Тухоль, но и тюрьмы, сортировочные концентрационные станции, пункты сосредоточения и различные военные объекты вроде Модлина и Брестской крепости, где было сразу четыре концлагеря.

Острова и островки архипелага располагались в том числе в польских, белорусских, украинских и литовских городах и весях и назывались: Пикулице, Коростень, Житомир, Александров, Луков, Остров-Ломжинский, Ромбертов, Здунская Воля, Торунь, Дорогуск, Плоцк, Радом, Пшемьсл, Львов, Фридриховка, Звягель, Домбе, Демблин, Петроков, Вадовицы, Белосток, Барановичи, Молодечино, Вильно, Пинск, Ружаны, Бобруйск, Гродно, Лунинец, Волковыск, Минск, Пулавы, Повонзки, Ровно, Стрый, Ковель... Сюда же следует отнести т.н. рабочие команды, работавшие в округе и у окрестных помещиков, формировавшиеся из узников, смертность среди которых временами превышала 75%. Наиболее смертоносными для узников были концлагеря, расположенные на территории Польши, — Стшалково и Тухоль.

В начале 1920-х годов польские власти пытались отвлечь внимание мировой общественности от массовой гибели советских военнопленных из-за бесчеловечного обращения, переклотив внимание на содержание польских военнопленных в советском плену. Однако сравнение оказалось очень выгодным для советской стороны. Несмотря на намного более тяжелые условия — гражданскую войну, иностранную интервенцию, разруху, голод, массовые эпидемии, отсутствие средств, **польские военнопленные в России находились в гораз-**

до более комфортных для выживания условиях. К тому же их содержание курировали родственники высокопоставленных большевиков-поляков вроде Ф. Дзержинского.

Сегодня польская сторона признает факт массовой гибели заключенных польских концентрационных лагерей. Однако стремится преуменьшить цифру, отражающую реальное количество погибших в плену. Это осуществляется в том числе и с помощью смысловой подмены.

Во-первых, численность взятых в плен красноармейцев существенно занижается с целью уменьшения итогового количества погибших. Во-вторых, при подсчете погибших пленных речь идет только об умерших во время заключения. Таким образом, не учитывается около 40% военнопленных, погибших до заключения в концлагеря — непосредственно на поле боя либо во время транспортировки в концлагеря (и из них — обратно на родину). В-третьих, речь идет только о гибели красноармейцев, благодаря чему за пределами внимания оказываются умершие в неволе белогвардейцы, бойцы антибольшевистских и националистических формирований и члены их семей, а также политические заключенные и интернированные гражданские лица (сторонники советской власти и беженцы с востока).

В целом польский плен и интернирование унесли более чем 50 тыс. жизней русских, украинских и белорусских узников: около 10—12 тыс. красноармейцев погибли до заключения в концлагеря, порядка 40—44 тыс. — в местах заключения (примерно 30—32 тыс. красноармейцев плюс 10—12 тыс. гражданских лиц и бойцов антибольшевистских и националистических формирований).

Гибель десятков тысяч русских узников и гибель поляков в Катыни — это две разные проблемы, не связанные между собой (за исключением того, что речь в обоих случаях идет о гибели людей). Массовая гибель советских военнопленных не является табу в современной Польше. Ее просто пытаются подать так, чтобы не дискредитировать польскую сторону.

В России, Белоруссии и на Украине тема Катыни массово распропагандирована еще с позднесоветских времен, а о гибели десятков тысяч соотечественников в польских концлагерях почти ничего не известно. **Сегодня основная, общая проблема исследований Катыни и «анти-Катыни» заключается в том, что русские историки ищут истину, а польские — выгоду для своей страны.**

Поскольку замалчивание проблем явно не способствует их решению, хотелось бы призвать не только ученых-исто-

риков и русскоязычных астрономов, награжденных польскими крестами «за Катынь», но и правоведов Польши и России провести совместное полное и объективное расследование по вопросу о судьбе «исчезнувших» в польском плену десятков тысяч красноармейцев. Бесспорно, польская сторона имеет полное право на расследование всех обстоятельств гибели своих сограждан в Катыни. Но и ее восточные соседи имеют точно такое же право на расследование обстоятельств гибели красноармейцев в польском плену. И на составление, точнее, восстановление уже имевшихся к началу 1990-х гг. списков погибших в польских концлагерях соотечественников. Запустить данный процесс можно, возобновив работу совместной комиссии ученых, которая формально никем не распускалась. Причем включив в нее, помимо российских и польских историков и правоведов, представителей белорусской и украинской сторон. Заслуживают пристального внимания предложения российских блогеров о введении официальной даты поминовения бойцов Красной армии, погибших в польском плену в 1919—1922 годах, а также предложение кемеровского губернатора Амана Тулеева о создании российского Института национальной памяти, который займется расследованиями преступлений, совершенных, в том числе и на чужбине, против советских и российских граждан.

НАТО: СДЕЛАНО НАЦИСТАМИ

Это неправда, что критерии существования и применения силы блоком НАТО будто бы когда-то были чёткими и ясными, а начиная примерно с югославской войны (1999 г.) вдруг стали расплывчатыми и спорными. Нет, они **всегда** были самыми обыкновенными двойными стандартами, которыми так славится «матушка» Америка.

В договоре 1949 года первых стран — участниц альянса было сказано о коллективной обороне и сохранении мира и безопасности. Правда, эти самые мир и безопасность по Североатлантическому договору с годами распространились далеко за атлантические пределы. Интересы НАТО присутствуют нынче и в Европе, и в Центральной Азии, и в Африке. Везде НАТО несёт людям мир. Бросая бомбы и давая очереди из крупнокалиберных пулемётов, альянс ратует за безопасность. Сейчас безопасно в Косово, в Ливии, в Ираке, в Сирии. В ООН, которая в 2008 году подписала Декларацию о сотрудничестве с НАТО, думают о безопасности и мире вполне солидарно с «северными атлантами». Вероятно, в ближайшем будущем для простоты дела нужно ООН и НАТО объединить. Тогда никто из критиков не станет утверждать, что цели деятельности Альянса — какие-то «не такие».

ДОСЬЕ "МГ"

Стремления натовских миротворцев просты и отвечают задекларированным в Договоре целям. Да, мир, да, безопасность. Но только для миротворцев. Например, чтобы американцы жили мирно и безопасно, нужна война в Ираке. А после войны и там настанет мир. Удобный для такого большого и важного члена НАТО, как США.

Организация Североатлантического договора была создана 4 апреля 1949 года. Помимо заявленной в Договоре «коллективной обороны» негласной целью организации было противостояние растущей мощи СССР — победителя во Второй мировой войне. Инициатива СССР о вступлении в «оборонный» блок НАТО в 1954 году была предсказуемо отвергнута; в ответ для противостояния Западу Москва создала организацию Варшавского договора. Это известные витки холодной войны.

Однако СССР нет уже более двух десятков лет, а НАТО существует и расширяется. Это даёт критикам повод указать альянсу, что его миссия исчерпана. Неправда: а как же мир и безопасность на планете? Тем более что Стратегическая концепция НАТО, выработанная в 2010 году, сообщает и о такой цели, как «кризисное регулирование». Эта цель, согласитесь, так и просится в Сирию. Впрочем, с Сирией история сложнее, там Россия и Китай играют в «вето»: поэтому там пока действует более подходящая ООН.

Что за люди стояли у истоков НАТО? И почему эти борцы за мир и безопасность упрямо не желали дружить с русскими? Ведь как раз русские за четыре года до создания Альянса одолели гитлеровскую армию. Между прочим, одолели в союзе с Западом. Взяли бы да приняли СССР в НАТО. Разве СССР был против мира и выступал за войну? Это после Великой Отечественной-то?.. После Нюрнбергского процесса?.. Но все вопросы отпадают, если знаешь, что за люди были первыми начальниками в НАТО.

Вот, к примеру, Рейнхард Гелен. С 1940 года этот герр, будучи высокопоставленным служащим германского Генштаба, руководил восточной группой оперативного отдела, а с апреля 1942 года полковник Гелен возглавлял 12-й отдел Генштаба со сферой деятельности: Советский Союз, Скандинавия, Балканы. Именно этот полковник убедил сотрудничать с Германией генерала Власова.

Кроме того, Гелен работал с VI управлением РСХА: разработывал тактические указания для диверсионных групп и методы саботажа в тылу противника. Он участвовал в подготовке операций по заброске агентов по ту сторону фронта.

Герр Гелен, нацист и антикоммунист не за деньги, но по духу, знал очень много. Не был он и дураком. Неудивительно, что во

время войны он понял: дух духом, но война когда-нибудь будет проиграна. Можно предположить, что первые мысли о близком конце гитлеризма пришли ему в голову в 1944 году: именно в это время Гелен решил продаться — тому, кто заплатит подороже. При этом святое духовное продавать не пришлось: ведь платить-то будут американцы. Не русские же, в самом деле!

В апреле 1945 года, когда третий рейх доживал последние деньки, Гелен подговорил своего помощника Герхарда Весселя и экс-шефа русского бюро абвера Германа Бауна. Они решили сообщать отправиться к американцам. Отправиться к ним не с пустыми руками, но ценным товаром — накопленным архивом. Гелен полагал, что американцы с удовольствием примут как его секретные картотеки, так и их щедрых дарителей, к русским коммунистам относящимся так же скверно, как и любой истинный американец, считающий капитализм раем, а тоталитаризм сталинского образца — адом. Пока же новые друзья Америки дезертировали и спрятались близ Элендзальма, на альпийских лугах. Там же были закопаны и архивные документы.

22 мая 1945 года генерал-лейтенант Гелен сдался 7-й армии генерала Паттона. Он знал, что ему делать и что говорить. Попросив организовать ему встречу с контрразведкой, Гелен предложил американцам своих людей, сеть агентов и архивные материалы — всё это в обмен всего лишь на свободу. Причём на свободу активную: Гелен будет помогать американцам в их борьбе с коммунизмом.

В американском лагере для военнопленных немец разговаривал с Эдвином Лютером Сибертом, бригадным генералом, шефом военной разведки в американской оккупационной зоне Германии. С этим мистером герр Гелен и поделился идеями о совместной борьбе против Советского Союза.

Сиберту идея понравилась. Он и сам подумывал о чём-то таком. Американец представил немца Уолтеру Беделлу Смитту, ещё одному лютому антисоветчику и начальнику штаба Эйзенхауэра. После беседы с этим милым человеком Гелен вместе с шестью своими помощниками вылетел в США. А уж за океаном это антисоветское отделение из отборных нацистов встретил сам шеф американской военной разведки генерал-майор Джордж Стронг. Было это в сентябре 1945-го. Гелену была поставлена задача организовать отдел ЦРУ, который бы специально занимался русскими вопросами.

Советский Союз требовал экстрадиции Гелена и передачи его материалов, но в Пентагоне решили по-своему. Гелен говорил то, что хотели услышать американцы, и располагал и людьми, и документами, и огромным опытом разведки. Такой человек не просто бы пригодился американцам; он был им необходим. Выдать его русским? Ну уж нет.

В 1946 г. герра Гелена вернули в Германию. С этого момента вместо одного русского отдела на Западе работало два: один в США, второй в Германии. Оба имели одну цель — уничтожение коммунистического Советского Союза.

Сотни офицеров вермахта и СС были освобождены из лагерей для военнопленных и перевезены в штаб Гелена в горном массиве Шпессарт, как о том заранее договорились американцы и Гелен. Костяк организации составляли 350 офицеров, отобранных самим Геленом. Среди них выделялся Алоис Брюннер, в дни войны ответственный за лагерь для интернированных в Дранси под Парижем и за смерть 140 тысяч евреев.

К началу 1950-х гг. «предприятие» Гелена («Геленорг») насчитывало более 4000 офицеров и размещалось в Мюнхене под вывеской «Организация индустриального развития Южной Германии». Агентурная сеть Гелена охватывала территорию от Кореи до Каира и от Сибири до Сантьяго де Чили. С 1956 по 1968 г. Гелен руководил Федеральной разведывательной службой Западной Германии, за основу которой была взята «Геленорг». С этого поста он ушел в отставку только в 1968 году. На финансирование Гелена из бюджета США выделялось 6 млн. долл. в год. Это неудивительно: «Геленорг» была отличной возможностью для ЦРУ знать, что происходило на советской стороне Германии и в СССР. При этом власти США не могли не знать, что герр Гелен мечтает о восстановлении «Великой Германии»...

Это он почти убедил американцев в 1948 году, за считанные месяцы до создания НАТО, что СССР собирается наступать на Запад — и советовал нанести превентивный удар. Поняв, что его рекомендации пропали втуне, в начале 1950-х он завёл новую страшилку — об опережающем военном строительстве в Советском Союзе. Всё это нравилось слушать цээрушникам.

В 1949 г. был создан Североатлантический альянс, а в 1954 г. Западная Германия, управляемая Аденауэром, вошла в этот блок. Герр Гелен из Германии поддерживал тесные связи с Алленом Даллесом, который должен был стать главой ЦРУ. Бывший фашистский генерал, долгое время занимавшийся русскими вопросами и очень пригодившийся Америке и её союзникам по холодной войне, сыграл важную роль в назначении высокопоставленных служащих НАТО. Многие из тех, кого он подобрал для дружной профессиональной команды натовцев, были нацистами.

Один из них — Ханс Шпайдель, участник антигитлеровского заговора 1944 года, освобождённый 29 апреля 1945 года войсками западных союзников. В 1955 г. он был назначен начальником управления вооружённых сил министерства

обороны ФРГ, в 1957 году произведён в генеральский чин. С 1957 года с подачи Гелена герр Шпайдель стал командующим Объединёнными сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе, со штаб-квартирой в Фонтенбло. Эту должность он занимал до 1963 г.

Ещё один протеже Гелена — Фридрих Гуггенбергер, бывший офицер-подводник, капитан-лейтенант. За время военных действий он потопил 17 кораблей и судов американцев и британцев. 19 июля 1943 года американцы потопили и его лодку. Раненого Гуггенбергера подняли на борт эсминца «Бернегейт». Бывший подводник находился в американском плену в Аризоне, бежал, был пойман, снова бежал. В 1946 г. его перевели в лагерь в Нью-Йорке, а затем вывезли в британскую зону оккупации Германии. В августе 1946 года он был освобождён.

В 1956 году Гуггенбергер поступил на службу в ВМФ ФРГ. После окончания Военно-морского колледжа в Ньюпорте (США) он с лёгкой руки Гелена, раздававшего в то время в Германии хорошие должности, в течение четырёх лет занимал пост заместителя начальника штаба командования Объединёнными силами НАТО в Северной Европе.

Следующий сотрудник «Геленорг», сделавший со временем карьеру в НАТО, — герр Адольф Хойзингер, как и Гелен — немецкий генерал-лейтенант. Его карьера поистине впечатляет: во время Второй мировой войны — начальник оперативного отдела Генерального штаба сухопутных сил Германии; после войны — генеральный инспектор бундесвера; далее — председатель Военного комитета НАТО.

Чуть подробнее: в 1948—1950 гг. он сотрудничал с «Геленорг», в 1950-м работал советником по военным вопросам первого федерального канцлера ФРГ Аденауэра, в июне 1955 года были организованы вооружённые силы ФРГ (бундесвер), и Хойзингер вернулся на службу и в 1957 году сменил генерала Ханса Шпайделя на посту начальника управления вооружённых сил (а Шпайдель переехал в Фонтенбло); в этом же году Хойзингера произвели в звание полного генерала и сделали первым генеральным инспектором бундесвера. С апреля 1961 года этот герр-карьерист был назначен председателем военного комитета НАТО (в Вашингтоне).

«Так, личный назначенец Гитлера и главный стратег поверженного третьего рейха, — пишут В. Крашениникова и А. Росс, — чудесным образом избежавший Нюрнбергского процесса, возглавил Постоянный военный комитет НАТО. Его офис в Пентагоне под номером 3-Е 180 располагался среди офисов самых высокопоставленных чинов вооружённых сил США. Нацистская Германия была отомщена самым изощрённым образом».

Что касается Аденауэра, то он оправдывал назначения бывших нацистов на ключевые военные посты следующим образом: у немцев нет другого выхода, ведь «командование НАТО никогда не утвердит на генеральских постах восемнадцатилетних юнцов».

СССР требовал от США выдачи военного преступника Хойзингера в 1961 году, но безуспешно. Советский «Огонёк» в то время писал: «В отличие от эсэсовских палачей генерал Адольф Хойзингер действовал не револьвером, не плёткой, не «Циклоном-Б». В его приказах были только слова и цифры, но они превращались в карательные операции, в сожжённые дома, в пули и виселицы. Только за одну ночь с 1 на 2 марта 1943 года в украинском городке Корюковка по приказу Хойзингера эсэсовские каратели расстреляли 6700 человек... Эсэсовцы врывались в дома, полупьяные палачи, озверевшие от крови, расстреливали из автоматов детей и женщин. Если собрать кровь убитых в Корюковке, то Адольф Хойзингер утонул бы в ней».

И ещё один персонаж того же круга. «Доктор Эберхарт Тауберт, — пишет Роберт Родвик, — вступил в национал-социалистическую партию в 1931 году и вскоре получил повышение до звания штурмфюрера, последовав за Геббельсом в министерство пропаганды. После войны Тауберт ускользнул в Южную Африку, где находящиеся у власти в Йоханесбурге и занятые проектированием системы апартеида неонацисты создали ему комфортные условия. В 1950 году он вернулся в Германию и встретил своего старого нацистского друга Рейнхарда Гелена, поступив на службу BND. На своём новом посту в BND—ЦРУ Тауберт стал председателем пользующейся поддержкой ЦРУ «Национальной ассоциации за мир и свободу» и советником министра обороны ФРГ экс-нациста Франца Йозефа Штрауса, а затем был определён им в НАТО в качестве советника «департамента психологической войны». Геббельсовское министерство правды обрело вторую жизнь для того, чтобы скормить христианским фундаменталистам кое-какие свежеиспечённые, но старые и узнаваемые страшные сказки в новой обёртке».

А кто-то говорит — цели у НАТО расплывчатые... Никакие не расплывчатые, а вполне ясные: насаждение диктатуры фашистского типа по всей планете. Под демократическими лозунгами о мире и безопасности, которые легко дешифруются ключом двойных стандартов: натовец, вещающий о мире и безопасности где-нибудь посреди разбомбленной Югославии, на деле сообщает о войне и агрессии. И эхом в наше время ему вторит ООН...

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(ПРАВДА О ГИБЕЛИ АПЛ «КУРСК»)

Сегодня, не рискуя сильно ошибиться, мы можем назвать причину гибели «Курска» — его потопили американцы! К такому выводу пришли все специалисты, осмотревшие характер разрушения корпуса лодки. Да и сами американцы, по всей видимости, в этом признались, позвонив Путину. Этим и объясняется, что он не выехал к месту катастрофы, из Сочи. И Госдума никак не прореагировала. А созданная ею (спустя месяц) комиссия по расследованию причины трагедии была распущена, так и не собравшись ни на одно заседание.

12 лет нас вводили в заблуждение, сочиняя различные версии, одна нелепее другой. И даже когда два в высшей степени порядочных человека, бывший командующий Черноморским флотом адмирал В.П. Комоедов и заместитель Комитета Госдумы по международным делам Ю.А. Квицинский, обратились с вопросами к Генеральному прокурору В.Устинову и главному военному прокурору С.Фридинскому, то последние не сочли нужным на них ответить. Растоптав тем самым Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы».

ДОСЬЕ "МГ"

По рекомендации адмирала В.П. Комоедова, чтобы восстановить события того времени, я обратился к опытному подводнику, капитану 1 ранга Анатолию Павловичу ИЛЮШКИНУ и попросил ответить на вопросы.

Но сначала представлю его читателям.

Родился в 1946 году. В 1969 году окончил Высшее военноморское училище подводного плавания. Через 8 лет стал командиром атомной подводной лодки. После окончания Военно-Морской академии был заместителем командира 11-й дивизии атомных подводных лодок Северного флота, занимался подготовкой экипажей подводных лодок. С 1989 по 1997 год служил уполномоченным Балтийской группы государственной приемки кораблей, руководил государственными испытаниями атомных подводных лодок, строившихся на Северном машиностроительном предприятии в Северодвинске.

Мой первый вопрос Анатолию Павловичу:

— О подводной лодке «Курск» написано много. Усилиями власти и подконтрольных ей СМИ в сознание людей вбита мысль, что гибель лодки и ее экипажа произошла от взрыва собственной торпеды. Вы подводник-профессионал, досконально знающий устройство п/л и ее вооружение. Были участником ввода в эксплуатацию и командиром головной серии п/л, к которой принадлежал «Курск». Расскажите, сколько на борту лодки было ракет и торпед? Сообщалось, что на вооружении лодок этой серии состояли торпеды, работающие на электроаккумуляторных батареях. Кому и когда пришла идея вооружать лодки торпедами с двигателями, работающими на жидких компонентах топлива? Их тактико-технические данные лучше электроаккумуляторных?

— Лодки проекта 949А, к которому принадлежал «Курск», несут на борту 24 крылатые ракеты конструкции В.Н. Челомея и имеют ракетно-торпедный комплекс, состоящий из 18 электроаккумуляторных торпед калибра 533,4 мм УСЭТ-80 и 10 ракет-торпед калибра 650 мм. Их производил машиностроительный завод им. Калинина в Свердловске (МЗИК). В силу того, что запас ракет-торпед закончился (они работали на твердом топливе), а МЗИК остановился и ничего нового уже не производил (развал промышленности был всеобщим), было принято решение об изменении боекомплекта, т. е. ракет-торпеды калибра 650 мм заменялись жидкостными торпедами, работающими на смеси перекиси водорода и керосина (тип 65-76). Эти торпеды стали поступать на вооружение подводных лодок с 2000 года.

— Читая книгу «Правда о Курске» В.Устинова, который занимался расследованием причин гибели «Курска», создается впечатление, что на п/л были только жидкостные торпеды. На «Курске» были оба типа торпед?

— В.Устинов не способен различать не только торпеды, а для него одно и то же, что болт, что гайка. На борту «Курска» были оба типа торпед.

— Народ не знал и от него почему-то скрывали, что п/л вышла на учения с полным комплектом боевых торпед. Действительно ли это так?

— Атомные подводные лодки постоянно находятся в боевой готовности и всегда загружены оружием. А выходя на учения, выгружают не весь боекомплект, а только столько единиц, сколько задействовано в учениях.

— Говорили, что лодка шла на перископной глубине и готовилась к торпедной атаке. Команду «Приготовиться к стрельбе» отдает командир лодки самостоятельно или согласовывает свои действия с руководством учения?

— Команду на подготовку торпедного комплекса к стрельбе отдает командир п/л после получения разрешения на выполнение боевого упражнения и обнаружения условного «противника».

— Пропагандисты версии взрыва торпеды утверждают, что произошла утечка компонентов топлива из баков торпеды, но не сообщают, когда это произошло. Неужели торпедисты этого не заметили? Может ли такое быть, чтобы торпедный аппарат заряжался неисправной торпедой?

— Такого просто не может быть. С момента выхода в море торпеда находилась в торпедном аппарате и была в исправном состоянии. Утечка топлива — это выдумка. Подготовка торпедного аппарата к стрельбе занимает около 5 минут. Но торпеда из торпедного аппарата не выходила, так как лодка не успела выйти в район стрельб.

— Все химики знают, что смесь перекиси водорода с керосином не самовоспламеняется. А бывший Генеральный прокурор Устинов в книге «Правда о «Курске» утверждает, что именно взаимодействие этих компонентов топлива привело к столь трагическим последствиям. Видимо, он, сочиняя это, рассчитывал на неосведомленность простого обывателя. А как Вы считаете? Ведь Вы с торпедами имели дело.

— Устинов на то и Устинов. Ему бы в школу немного походить да элементарную химию хотя бы освоить.

— Попробуем поверить Устинову. Могут ли образовавшиеся в торпедной головке газы разорвать корпус торпеды и выбить крышку торпедного аппарата? Я, как инженер, не могу пред-

ставить, как эта крышка могла пролететь от носовой части лодки до второго отсека и пробить стенку 2-го отсека. В одном случае Устинов говорит, что крышка «сварилась» в стенку 2-го отсека. Тогда непонятно, как погиб экипаж. В другом случае один из его приспешников по фамилии Мулов показывал по телевидению хвостовую часть (стабилизатор) торпеды. Как она могла попасть во 2-й отсек? Задом она, что ли, влетела во 2-й отсек? Такое возможно только, если торпеда пробьет борт лодки. Хотелось бы знать Ваше мнение.

— Это полная чушь. Торпедные аппараты, так же как ракетные шахты и контейнеры, рассчитываются так, что при взрыве и повышении давления вырывается или отжимается передняя крышка, которая находится вне прочного корпуса. Хвостовая часть торпеды могла попасть во 2-й отсек в результате взрыва всего боекомплекта. Переборка между 1-м и 2-м отсеками очень прочная, выдерживает давление 40 кг/см². Если бы взорвалась торпеда (что практически невозможно) в торпедном аппарате, то вышибло бы переднюю крышку аппарата, которая выдерживает избыточное давление всего 0,5 кг/см². При превышении избыточного давления она отжимается. Детонация бризантного взрывчатого вещества — процесс физический, и для его подрыва используют первичные детонаторы, в которых применяют инициирующее ВВ.

— Почему у «Курска» отрезали носовую часть (первый отсек) и взорвали его? Видимо, что-то хотели скрыть? Объяснений со стороны власти не было. Устинов же в своей книге невнятно пролепетал, что «возможно остались неразорвавшиеся торпеды». Как будто обследовавшие «Курск» водолазы не могли это определить. Что Вы могли бы сказать по этому поводу?

— Я не понимаю, для чего это было сделано. Неразорвавшиеся торпеды по своему устройству абсолютно безопасны.

— Когда «Курск» (без носовой части) подняли, подняли и улику — на корпусе лодки, в районе 2-го отсека, обнаружили круглое отверстие с вмятиной вовнутрь. Все специалисты без исключения заявили — это характерный след, который может оставить только торпеда. Устинов же ни словом не обмолвился о появлении этого отверстия. Мало того, его кто-то сфотографировал на фоне пробоины. Этот след позволяет утверждать, что по «Курску» была выпущена торпеда, которая, пробив корпус лодки, разорвалась внутри 2-го отсека. Лодка мгновенно была обесточена, атомный реактор автоматически был остановлен. Торпеда попала в жизненно важ-

ный отсек, где сосредоточена большая часть экипажа. Лодка продолжала движение по инерции. Но маловероятно, что от этого взрыва могли взорваться торпеды, лежащие на стеллажах в другом отсеке — первом. Второй, более мощный взрыв, можно объяснить тем, что по лодке была выпущена вторая торпеда, которая попала в хранилище торпед. Что подтверждается интервалом между взрывами в 2 мин. 15 сек. От второго попадания и последовал детонационный взрыв всех торпед, с которыми «Курск» вышел на учения. Взрыв был настолько мощный, что разрушил все основные отсеки — с первого по пятый включительно. Корпус носовой части лодки был разорван, и лодка пошла на дно. Правильны ли мои рассуждения?

— Выпущенная по «Курску» торпеда прошла легкий и прочный корпус лодки и взорвалась внутри 2-го отсека. Это неоспоримый факт. Но этот взрыв не мог разрушить другие отсеки лодки. Они были разрушены вторым взрывом — после взрыва всего боекомплекта торпед, который находился на «Курске». Это второй неоспоримый факт. Отсюда вытекает и третий факт — по «Курску» было выпущено две торпеды.

— Наши торпеды еще с советских времен имеют калибр (диаметр корпуса) 533,4 мм. Новые торпеды, о которых упоминалось в прессе — 650 мм. Диаметр отверстия в корпусе «Курска» — 480 мм. Такой калибр имеют американские торпеды МК-48. Об этом писала газета «Аргументы недели» 9—15 августа 2007 года. А французы, пробравшись к затонувшей лодке, пока она год лежала на дне, даже сняли документальный фильм, назвав его «Курск»: подводная лодка в мутной воде». Выходит, что «Курск» потопили американцы — «стратегические партнеры» (выражение Путина) новой российской власти. Когда во втором отсеке обнаружили хвостовую часть, то на ней обнаружили клеймо — Made in USA. Устинов ни словом об этом не обмолвился в своей книге. А его сотрудник Мулов, показав по ТВ хвостовую часть, тем самым подставил Устинова. Мулов попросту перестарался.

По указанию из Вашингтона (это от нас даже не скрывали) власти (сейчас говорят — «российская сторона»), как и следовало, спрятали «концы в воду» и объявили: «Погибшая атомная подлодка никогда не откроет причину катастрофы» (правительственная «Российская газета» от 12 августа 2010 года). Путин же назвал все это «роковым стечением обстоятельств». Ссориться с американцами новой российской власти было бессмысленно. Этим, видимо, объясняется, что заключения правительственной комиссии о причинах гибели

«Курска» до сих пор нет. Да и расследования как такового не было. Все было ясно еще до подъема «Курска». Народ попросту обманывали, как обманули с «выборами» Ельцина в 1996 году. Как, по-вашему, это произошло? Нечаянно или преднамеренно американцы потопили «Курск»?

— Я не думаю, что это произошло преднамеренно. Более вероятно, что это организационная случайность. Зная американцев, при преднамеренном применении оружия в мирное время против подводной лодки, кто-нибудь из носителей информации давно бы ее использовал в коммерческих целях.

— Во всей этой истории странным выглядит снятие со своих постов высших офицеров Северного флота. Как будто все они были виноваты в гибели «Курска». Притом ни один из них не спросил президента, в чем заключается их вина. Получается, что руководство Северного флота (командующий Попов и начальник штаба Моцак) и командующий ВМС Куроедов знали всё, но молчали. Играли в политику? Дали подписку не разглашать тайну гибели «Курска»?

— Я не знаю условий, в которые они были поставлены.

— И последний вопрос. Операция по спасению экипажа также оказалась омрачена неразберихой и ошибками, сделав катастрофу еще трагичнее, особенно для родственников членов экипажа, которые теперь не верят командованию, подозревают его во всех смертных грехах — вплоть до того, что оно специально затягивало спасательные работы, чтобы всю вину свалить на погибших. Только в воскресенье, 13 августа, спасателям удалось обнаружить разбитую подводную лодку. И лишь в понедельник пресс-служба ВМФ сообщила о трагедии. Чиновники заявили, что с «Курском» установлена радиосвязь, что по кабелям на лодку поступают электричество и кислород. Они говорили неправду. Спасатели трудились вовсю, но напрасно. В среду, 16 августа, примерно в то время, когда по ТВ сообщили о том, что с «Курска» перестали поступать акустические сигналы, и после телефонного разговора Путина и Клинтона, власть согласилась принять помощь Британии и Норвегии. Почти неделю спасательные службы Северного флота — сначала на свой страх и риск, а потом в ожидании британских и норвежских спасателей — безрезультатно пытались спасти экипаж «Курска». «Курск» лежал на дне под углом примерно 20 градусов. Упорство спасателей, пытавшихся добраться до экипажа единственным способом — попаданием водолазного «колокола» в кормовой люк, вероятно, достойно похвалы. Норвежские водолазы за сутки работы приблизились к подвод-

никам ближе и узнали о них больше, чем наши спасатели за семь дней*. Когда открыли люк в кормовой части лодки, стало ясно, что спасать некого — лодка была затоплена водой. Вся история со спасением оставшихся в живых членов экипажа показала, что спасательная служба флота в очень плохом состоянии. К 2000 году (за десять лет господства демократов) она практически была уничтожена. В этом прямая вина власти. Ваше мнение?

— Думаю, что это результат бардака, устроенного перестройщиками, отсутствие четкой организации и неспособность нынешних должностных лиц к действиям в экстремальных условиях. Все приличные люди, верой и правдой служившие Отечеству, были изгнаны с флота, а остались длинноязычные, недалекие люди и угодники.

Закончив изложение нашей беседы, считаю уместным привести высказывание давнего недруга нашей страны Збигнева Бжезинского: «Россия — побежденная держава. Была Россия, названная Советским Союзом... Россия будет раздробленной и под нашей опекой». Поэтому неудивительно, что новая российская власть вот уже более 20 лет не может освободиться от этой опеки. Трагедия с «Курском» наглядно это показала.

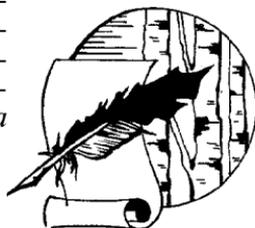
* Кремлю были не нужны живые члены экипажа, потому что в случае спасения они могли сказать правду.

СОФЬЯ ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА И «НЕИСТОВЫЕ РЕВНИТЕЛИ»

От редакции

Софья Андреевна Толстая-Есенина, внучка Л.Н. Толстого и последняя жена С.А. Есенина, прожила сравнительно недолгую, но яркую жизнь. Главным событием в её судьбе стала встреча с поэтом Сергеем Есениным. Их любовь, отразившаяся в ряде его стихотворных шедевров, была недолгой, но оставила неизгладимый след в душе Софьи Андреевны. После гибели мужа она считала своим долгом уберечь для современников и потомков поэтическое наследие Есенина. Вступив на этот подвижнический путь, Толстая и представить себе не могла, какие ее ждут тернии. До конца своих дней она будет подвергаться моральным пыткам, оскорбительным инсинуациям и лживым сплетням. Это сформированное недоброжелателями мнение преследует Толстую до сих пор и, словно по инерции, всё так же присутствует в некоторых публикациях и книгах о ней.

Автор предлагаемой статьи заслуженный работник культуры РФ Любовь Подсвилова на основе исторических источников и личного архива С.А. Толстой-Есениной, хранящегося в Государственном музее Л.Н. Толстого, впервые предприняла

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

попытку создать объективный образ этой незаурядной женщины. Результатом научного и художественного исследования явилась книга «Софья Толстая-Есенина. Семья. Окружение. Судьба» (Издательский Дом «Ясная Поляна», 2011). Подготовленная для нашего журнала публикация Л.Ф. Подсвировой содержит малоизвестные и неизвестные факты о роли С.А. Толстой-Есениной в собирании и сохранении творческого наследия и архива великого русского поэта.

Весной 1925 года Софья Андреевна Толстая знакомится с Сергеем Есениным. Встретились они в очень сложный период жизни поэта. Он метался по Москве, пытаясь вырваться из заколдованного богемного круга. Случайная встреча дала Сергею Александровичу надежду на то, что Софья Толстая — это именно та женщина, которая одна его поймет и поможет ему. Полюбив поэта жертвенной, как говорила её мать, «идолопоклоннической любовью», Софья Андреевна, как в омут, ринулась его спасать. Свои чувства она выразила так: «Я встретила Сергея. Я поняла, что это большое и роковое... Я знала, что иду на крест, и шла сознательно, потому что ничего в жизни не было жаль. Я хотела жить только для него. Я себя всю отдала ему. Я совсем оглохла и ослепла, и есть только он один...»

В ту пору ей было 25 лет. Высокая, худощавая, она внешне походила на своего знаменитого деда: тот же острый сосредоточенный взгляд серых глаз из-под чёрных бровей, но стоило ей заговорить и улыбнуться, она становилась очень женственной и милой. Главным её достоинством был ум. Собеседники отмечали широту взглядов и интеллект Толстой. Она многим нравилась. Один из друзей Есенина, Н.Н. Никитин, вспоминал:

«С.А. Толстая была истинная внучка своего деда. Даже обликом своим поразительно напоминала Льва Николаевича. Она была человеком широким, вдумчивым, серьёзным, иногда противоречивым, умела пошутить, всегда с толстовской меткостью и остротой разбиралась в людях.

Я понимаю, что привлекло Есенина, уже уставшего от своей мятежной и бесшабашной жизни, к Софье Андреевне. Это были действительно уже иные дни, иной период его биографии. В этот период он стремился к иной жизни».

К иной, более духовной жизни стремилась и сама Софья Андреевна. В архиве ГМТ хранится её настольный календарь за 1925 год — уникальный документ, где хронологически чётко прослеживаются события последних месяцев жизни поэта. Это краткий дневник горькой и прекрасной любви Софьи Андреевны к поэту. Она сознательно посвятила себя

бескорыстному служению музе поэта, и во многом русская литература обязана ей бережным сохранением наследия С.А. Есенина.

Декабрьским вечером 1925 года поэт покинет квартиру Толстой и уедет в Ленинград навстречу своей гибели. Узнав о его смерти, Софья Андреевна 29 декабря выедет в Ленинград за телом мужа и 31 декабря будет стоять у его гроба в Доме Печати в Москве.

За несколько дней до гибели поэта (19 декабря 1925 г.) Толстая-Есенина пишет матери письмо, где есть слова, к которым, на мой взгляд, нечего добавить:

«Если вы любите меня... то я прошу вас ни в мыслях, ни в словах никогда Сергея не осуждать и ни в чём не винить. Что из того, что он пил и пьяным мучил меня. Он любил меня, и его любовь все покрывала. И я была счастлива, безумно счастлива... Благодарю его за все и всё ему прощаю. И он дал мне счастье любить его. А носить в себе такую любовь, какую он, душа его, родили во мне, — это бесконечное счастье».

У Толстой со смертью Есенина завершился весьма важный в духовно-нравственном отношении период, явившийся серьёзной подготовкой к её дальнейшей жизни. Испытав счастье, разочарования и потери, Софья Андреевна много сил отдаст литературно-общественной деятельности и увековечению памяти С.А. Есенина.

В первую годовщину гибели поэта параллельно с вечерами памяти началась беспрецедентная кампания по развенчиванию «есенинщины». В августе 1926 года состоялось закрытое заседание ЦК ВКП(б), в повестку которого был внесен вопрос о большой опасности произведений Есенина для «крестьянских масс». Намечались грандиозные планы по реформированию деревни, а фактически назревало уничтожение векового уклада, бытовых и культурных традиций «земледельческого народа». Поэзия Есенина не вписывалась в такие «преобразования», в ней слышался «плач» по русской деревне — неуместный и вредный с точки зрения «реформаторов». И последовал залп тяжёлой большевистской артиллерии. «Любимец партии и советской молодёжи» Н. Бухарин разразился «Злыми заметками», назвав Есенина «осквернителем национальных святынь». Абсурднее этого обвинения трудно было что-либо придумать. Ярлык «есенинщина» с тех пор долго будет использоваться «неистовыми ревнителями». Повсюду начали организовываться диспуты-разоблачения, уничтожали книги поэта, сочиняли пропитанные ненавистью к нему стихи.

Полной неожиданностью для Толстой-Есениной стало выступление Луначарского, громившего «есенинщину» с пылкостью античного оратора. Она помнила их с Сергеем дружеский визит к нему осенью 1925 года. И вот сейчас Есенин и его стихи, по словам наркома, — это олицетворение «хулиганства, уныния, пессимизма и наркомании». Софье Андреевне впору было схватиться за голову. 6 мая 1927 года она сообщает А.Ф. Кони¹: «...Печать и руководящая общественность подняла дикую травлю на имя и творчество моего мужа, и сверх моральной тяготы это отражается практически, так как мешает мне развивать и расширять главную мою работу — в Есенинском музее. Эта работа кропотливая, трудная, но единственная моя радость. Отвечая на Ваш вопрос — я пишу воспоминания о моём муже, но не знаю, когда решусь их печатать. Пока это носит характер «сенсации», мне не хочется выступать, да и вообще мне очень трудно отдать в толпу то, что я имею. Кроме того, это очень сложно и ответственно, так как клеветы много, она очень глубока и задевает ряд вопросов, о которых не вполне удобно говорить. Главное же, что люди, у которых душа раскрыта ему, его творчеству, не поверят клевете. Остальных всё равно не убедить».

Вскоре в Москве заговорили о полном запрещении в печати Есенина. Оценив сложившуюся обстановку, Толстая решительно захотела выяснить «наверху», есть ли официальный запрет. Она добилась приёма у «Всероссийского старосты» М.И. Калинина. 18 июня 1929 года Софья Андреевна записывает в дневнике: «...Нас пустили в какую-то совсем другую приёмную. Свешникова, его секретарша, красавица, как русская купчиха. Очень Михаил Иванович мил. Принимает стоя, говорит быстро, сразу всё понимает. <...> Об издании (Есенина. — Л.П.) говорит, что Мейерхольд² ему писала, но что в ЦК и Халатов³ ему сказали, что вовсе Есенин не запрещён. Велел официальную бумагу принести. До чего просто и по-человечески с ним».

После визита Толстая-Есенина подготовила письмо на имя Калинина, где напоминала: «В дополнение к личным моим переговорам с Вами (18.VI. 29 г.) и в подтверждение того, что Собрание сочинений С.А. Есенина действительно запрещено для печати, прилагаю при сём справку от издательства «Федерация». Запрещение издания книг Есенина лишает его семью (родителей, сестёр, детей) единственного средства к существованию и порочит имя Сергея Есенина как советского поэта. Поэтому я прошу Вас оказать мне содействие в получении разрешения на издания всех перечисленных в справке книг».

Воспользовавшись тем, что А.М. Горький находится в Москве, Толстая-Есенина летом 1929 года решила прибегнуть к помощи человека и писателя, имеющего влияние на партийные круги. Дружеская переписка с ним давала ей надежду на успех. Предыстория этой переписки такова. Разбирая личный архив Есенина, Толстая обнаружила письмо Сергея, написанное Горькому 3 июля 1925 года и не отправленное в Италию. 15 июня 1926 года Софья Андреевна отослала копию найденного письма Алексею Максимовичу и объяснила, что когда Есенин узнал о желании Горького иметь его книги, то очень обрадовался и начал разыскивать по магазинам свои сборники, но они все были распроданы, а у себя он ничего не нашёл. Под руки попала только одна книжка — «Персидские мотивы», и поэт сделал на ней дарственную надпись. В спешке, уезжая на Кавказ, Есенин не отослал книжку, а, вернувшись оттуда, решил не отправлять почту, дожидаясь выхода в Госиздате собрания сочинений и отослать его Алексею Максимовичу. Исполняя волю покойного мужа, Софья Андреевна отправила Горькому вышедшие два тома, а третий и четвёртый тома обещала прислать позже.

Изложив перипетии этой истории, Толстая-Есенина писала: *«Дорогой Алексей Максимович, я знаю, что Вы любите Серёжу, и поэтому я надеюсь, что Вам дорог и нужен мой рассказ и Вы поймёте, почему я решилась писать Вам».*

Далее Толстая рассказывала о деятельности Комитета по увековечению памяти С.А. Есенина и готовящемся к годовщине его гибели сборнике воспоминаний: *«За это время, после его смерти, о нём написано очень много. И почти всё очень плохо. Этим сборником мы хотим по возможности дать настоящее лицо Сергея, каким оно сохранилось в воспоминаниях людей, его знавших и любивших. Я не знаю, доходит ли до Вас вся та спекуляция и всякая мерзость, которая поднялась вокруг его имени и которая побудила Комитет выступить в печати с этим сборником. Если бы Вы захотели написать что-нибудь о Сергее, о своих встречах с ним, это было бы очень, очень ценно для нашего сборника. Это к Вам, Алексей Максимович, очень большая просьба, и не моя личная, а от всего Комитета. Материал мы хотим собрать к осени, чтобы в декабре выпустить. Пожалуйста, ответьте несколько слов на мою просьбу, если это не затруднит Вас. Шлю Вам большой сердечный привет.*

Искренне преданная Вам С.Есенина».

С ответом Горький не заставил себя долго ждать и сообщил Софье Андреевне, что он напишет о двух встречах с Есе-

ниным, но просил её прислать в Сорренто «наиболее бесстыдные и плохие книжки» о поэте, чтобы он мог высказаться по их поводу.

Надеясь на поддержку Алексея Максимовича, Толстая гневно жаловалась ему: «Вы не можете себе представить, что пишут в провинции и что говорят на диспутах. И всё это с лёгкой руки Сосновского⁴ и Бухарина. Сергей уже стал «фашистом» (!), по отзыву особо ретивых!»*

Узнав о намеченном визите Толстой к Горькому, Екатерина Есенина попросила взять её с собою. С надеждой и волнением, даже с робостью поехали они в Машков переулок на встречу с человеком, от которого ждали помощи и разъяснения того, что же происходит вокруг имени Есенина и почему он теперь неугоден, а его произведения подвергаются шельмованию. Хотелось услышать от большого писателя правду, заручиться его поддержкой.

Диалог с Горьким записан в дневнике Толстой-Есениной: «В чём дело?» — «Пришли просить совета и помощи». Сделал вид, что ничего не знает. «Как запрещены, на словах или официальная бумага?» — «Вычеркнуто из плана «Федерации». — «Навсегда или временно?» — «Временно, но насколько — неизвестно». — «До осени ничего нельзя сделать». Указала на положение семьи и на требование читателей. «Главлит и Лебедев-Полянский⁵ совершенно самостоятельны, коллегия НКПр (наркомата просвещения) ничего не сможет сделать», — это он в ответ на то, что Луначарский принял близко к сердцу. Я спрашиваю его: что это — ЦК или Главлит? «ЦК ничего не запрещает, а может только Керженцев⁶ ругать книгу до выхода её, в своих выступлениях. Это результат кампании, поднятой Бухариным против Есенина». — «Во время травли вышло два издания, а сейчас эта волна схлынула». — «Травля не прекратилась, ещё на днях я читал где-то». — «Это единственный случай». — «Ну всё равно. Тогда пропустили эти два издания, по ошибке, по недосмотру цензуры. Есенину навредили очень и его друзья — Мариенгоф⁷, Кручёных⁸». — «Это враги». — «Ну, да я говорю вообще о тех, кто писал о нём. На днях я уезжаю, вернусь через 6—7 недель. В августе можно будет начать хлопоты и тогда может удастся, потому что ожидаются перемены цензурные. <...> Есенин не единственный случай — целый ряд книг ошибочно запрещён, вот и пьесы почему-то не разрешают». Об избранном. «Не разрешат ни в коем случае. Это будет квинтэссенция. Кто его будет составлять?» — «Издательство хотя бы». — «Разве можно доверить издательству?»

* Как это нам знакомо! — Ред.

Они сделают такой выбор, что по всем городам молодёжь будет валяться на улицах, разложенная Есениным» (попытка остроты). И опять: «Ждите до августа». Уходим. Вслед Кате: «А на брата-то совсем не похожа». — Она молчала, злилась ужасно. Говорила мне, что нужно было сразу уйти, а мне хотелось распознать его».

Результатом этих хождений стал маленький сборник «Стихи и поэмы» объёмом в десять печатных листов и тиражом 10 тысяч экземпляров, вышедший в 1931 году. Анна Берзинь вспоминала: «...издательство «Федерация» выпускает небольшой сборник, из которого по предписанию Главлита удаляется ножницами портрет поэта. <...> Кроме этого сборника, было выпущено ещё три... Все эти издания печатались небольшим тиражом и раскупались в день появления на книжных прилавках».

Наступят и худшие времена, когда произведения Сергея Есенина окажутся под строжайшим запретом, а его имя попытаются вычеркнуть из истории русской литературы. Софья Андреевна сделает всё, чтобы сохранить наследие великого поэта для потомков.

Работая во Всероссийском музее советских писателей, она вела подготовку к созданию музея С.А. Есенина. В обществе утвердилось мнение, что Толстая является достойной духовной наследницей поэта. Продолжавшаяся посмертная травля Есенина только придавала ей уверенности и мужества. Встал вопрос о сохранности архивных материалов, посвящённых поэту, и экспонатов, составлявших обширную коллекцию. Заведующий Музеем советских писателей Д.Д. Благой, человек опытный, осторожный, профессионально ревнивый, всячески затягивал открытие музея Есенина, считая, что экспонаты, собранные Толстой и сотрудниками для Есенинской экспозиции, должны войти в общий фонд Музея советских писателей. Толстая решительно воспротивилась этому и, проявив настойчивость, добилась выделения материалов в отдельный Есенинский фонд. Она же и была назначена его хранителем. Отныне Софья Андреевна на законных основаниях могла собирать, хранить, описывать и научно обрабатывать архив поэта. Это была её большая победа. В дневнике она записала: «Теперь я спокойна. Мой Музей, моё дорогое дело».

В своей маленькой рабочей комнате с книгами Есенина, его портретами, автографами она находила успокоение и защиту от того яростного мира, что шумел за стенами старого дворянского особняка на Тверском бульваре. Отсюда протягивались невидимые нити, связующие творчество русского

поэта со всем миром. Письма, бандероли, посылки будут приходить сюда в конце 20-х годов из Европы, США, Японии и других стран. В ответ каждый приславший получит искреннее, доброе, благодарное письмо вдовы поэта и хранительницы его музея.

Узнав, что у давней знакомой Есенина Л.Л. Мацкевич есть неизвестные фото и автографы поэта, Софья Андреевна просит передать их в музей. И когда материалы пришли, записывает в дневнике: «Получила рукописи 3-х неизвестных стихотворений Сергея и письмо. Господи, вот это моя радость до дна чистая».

С каким-то мистическим ужасом читала она юношеские стихотворения Есенина — как пророчество его гибели и слова в них, будто обращённые к ней:

*Безумный мир, кошмарный сон,
А жизнь есть песня похорон,
И вот я кончил жизнь мою,
Последний гимн себе пою.*

*А ты с тревогою больной
Не плачь напрасно
Надо мной.*

К писателю М.Ионкаве, жившему в Токио, Толстая обращается с просьбой о переводе есенинских стихов на японский язык. Он выполнит просьбу, и в 1929 году в журнале Японо-советского художественного общества будут напечатаны стихи, а в 1936 году в токийском издательстве «Сиромася» выйдет «Избранное» Сергея Есенина.

Пополняя фонд, Толстая собирает сведения о частных коллекциях есенинских материалов. Учтивая, что владельцы не так легко расстанутся с ними, она просит разрешить сделать копии с оригиналов. Много материалов хранилось у Д.Богомильского⁹, которого Софья Андреевна уговорила позволить ей поработать в его архиве. Получив согласие, она чувствовала, как «сжималось сердце» при виде рукописей поэта. Отдельные копии, сделанные ею в частных архивах, остались единственными первоисточниками для исследователей и издателей. (Впоследствии, широко пользуясь ими, авторы не считали нужным даже ссылаться на Толстую-Есенину.)

Официально открывшийся в 1928 году Музей С.А. Есенина был очень популярен. Но скоро музей закроют для посетителей. За Софьей Андреевной останется только долж-

ность хранителя, которая в связи с реорганизацией Музея советских писателей будет упразднена в 1938 году. Было принято решение передать архив Есенина из Союза писателей в ИМЛИ. По этому поводу Толстая-Есенина писала секретарю Правления Союза писателей В.П. Ставскому:

«Среди материалов, хранившихся в Доме советского писателя, есть материалы, относящиеся к жизни и творчеству Сергея Есенина.

Около восьмидесяти процентов этих материалов были собраны мною. Я передала в архив материалы, лично мне принадлежавшие. При передаче материалов я обусловила то, что я останусь пожизненной хранительницей архива. В 1929 г. состоялось постановление правления ВССП о том, что я назначаюсь хранительницей есенинских материалов.

Ввиду того, что в настоящее время все архивы передаются в ведение т. Ужскальниса¹⁰, прошу Вас дать соответствующее распоряжение о том, чтобы есенинские материалы были оставлены мне для хранения. Так как помещение Дома советского писателя не приспособлено для хранения ценных материалов, прошу Вас разрешить мне взять все есенинские материалы для временного хранения с тем, что я обязуюсь возвратить их по первому Вашему требованию. В эту просьбу я не включаю те материалы, которые принадлежали Союзу советских писателей до начала моей работы в Союзе. Владимир Петрович, я решаюсь обратиться к Вам с этой просьбой, потому что мне очень дороги эти материалы и, главное, потому что я хотела работать над ними для подготовки их к печати, для составления библиографии, биографии и т. д. 11 января 1938 г. С.Есенина-Толстая».

Письмо написано намеренно казённым языком, но в вежливом тоне. И в подписи фамилия «Есенина» поставлена впереди «Толстой». Таким же казённым, вежливо-однозначным пришёл ответ из секретариата Правления ССП от 5 февраля 1938 года: *«Ввиду того, что есенинские материалы являются общественным достоянием, подтвердить прежнее решение о передаче их в Институт литературы им. Горького. Разрешить т. Есениной в любое время преимущественное пользование этими материалами».*

Вопреки чиновникам от литературы Толстая-Есенина сумела сохранить в личном архиве многие раритеты, связанные с жизнью и творчеством С.А. Есенина, которые после её смерти поступили в Государственный литературный музей.

Безуспешные попытки издать книги и собрание сочинений С.Есенина временами вызывали у Софьи Андреевны приступы отчаяния, безысходности. После неудач, бывая на

могиле мужа, она фиксировала в дневнике своё состояние: «Стыдно, мутно перед ним, перед собой, перед людьми. Странно, я очень люблю эту могилу, очень, и мне никогда не хочется уходить отсюда».

Есенин часто снился ей, и тогда она ходила такая радостная, светлая, как будто это вовсе был и не сон: «Видела во сне Сергея, живого, что он воскрес. Во сне он такой же со мной, какой бывал в жизни, когда трезвый, — удивительный, ласковый, тихий, ясный. И я во сне любила его так же, как тогда, так же бесконечно, безумно и преданно. Пришли сёстры, и всем нам было хорошо и весело. Нынче весь день ношу в себе сияние от него, от своей любви к нему. <...> Господи, Серёженька мой! Как я могу жить без него и думать, что я живу, когда это только гнилая, затрёпанная оболочка моя живёт, а я ведь с ним погибла».

Чтобы лучше понять литературную атмосферу 30-х годов, обратимся к дневникам Толстой-Есениной этого периода:

«29 июля 1932 г. Была у Воронского¹¹, говорила об издании Есенина. Кипяткевич¹² предлагал ему редактирование. Он будет настаивать на полном (собрании сочинений. — Л.П.) и говорит, что ни за что Есенина не будет причёсывать. Просил у меня разные материалы, неопубликованные. Хочет сделать что-то вроде Академического. Сказала, что дам, если добьётся полного. Буду зиму с ним работать над дорогим моим делом. Я счастлива ужасно».

«1 августа 1932 года. Утром ездила в Академию. Говорила с Ежовым¹³ об издании бабушкиных писем. Потом в ГИХЛ, к Воронскому. Оставила ему доверенность на подписание договора и переговоры об издании Есенина. Потом в Дом Герцена. А главное, встретила Цыпина¹⁴. Говорит, что непременно хотят издать Есенина. Настаивает: «Только избирать будем сами». — «То есть Вы назначите редактора?» — «Да, мы думаем — Багрицкого или Асеева». Я в ужас пришла, сказала, что невозможно. «Тогда Пастернака, он сам настаивает издавать Есенина». Я говорю: «Асеев чужд Есенину». А Цыпин: «Есенин всем нам чужд». Потом стал говорить, как я похожа на Льва Николаевича».

«1932, 15 декабря. В Толстовский музей приходил взволнованный и смущенный мальчик. «Я знаю, что Вы жена Есенина, что Есенин запрещён, я страшно его люблю, он для меня — всё. Я прошу, чтобы Вы разрешили мне читать его и делать выписки. Нас много товарищей. Я с преподавателем очень спорил». Он с такой отчаянной мольбой и страхом смотрел на меня, что я назначила ему придти в Музей (Союза писателей. — Л.П.)».

«30 декабря 1932 г. Утром была у Енукидзе¹⁵. Енукидзе обещал поговорить с Томским, чтобы полного Есенина издали».

«Апрель 1933 г. Встретила Казакова¹⁶. Говорит, что Ленинградское издательство писателей хотело напечатать полного Есенина, но ЦК запретило на 1933 г. Разрешено только в 1934 г.

Луначарский написал предисловие к «Избранному» Есенина для МТП (Московского товарищества писателей. — Л.П.). Я зашла туда и просила прочесть. Ужасно. Я шла по улицам и почти плакала. Экземпляр я сохранию в музее. Там же бросилась к Евдокимову¹⁷. «Ах, предисловия никто читать не будет!» А с Луначарским МТП ссориться не будет. В Доме Герцена ужасно набросилась на Наседкина¹⁸. «Раз ты редактор, никто не вмешивался, что же ты наделал? Какое мы имеем право получать деньги за то, что над Сергеем издеваются?» Ездил к Вольпиной¹⁹. Она: «Пусть. Это будет большой скандал только для Луначарского!» Сказала о тоне (статьи. — Л.П.) Гронскому²⁰. Он — «Это совершенно не годится. Непременно дайте мне прочесть». Просила Герасимова²¹ выступить в МТП. Он принял к сердцу, говорил с Тарпановым²². На заседании редколлегии Наседкин докладывал, подчёркивая самые плохие места. Острогорский и Березовский ругали Есенина, что он вообще плох, вреден и никому не нужен. Беспартийные (трое) были за то, чтобы снять предисловие. Партийные (шестеро) пополам — три на три, плюс беспартийные. Предисловие сняли окончательно. Дадут или от издательства или Ефремова».

Запись от 2 июля 1933 года: «Была на приёме у Фадеева в Оргкомитете. Просила его поддержать просьбу матери Сергея о налогах. Он учинил мне целый допрос о её жизни и благосостоянии. Позже мне прислали такую бумагу: «ВЦИК. Оргкомитет поддерживает ходатайство матери поэта Сергея Есенина об освобождении от *части* налогов». Секретари написали просто «налогов», рукой Фадеева чернилами сверху вставлено: «части».

10 мая 1940 года Софья Андревна обращается с просьбой в Президиум Союза писателей СССР о защите авторских прав наследников поэта: его матери Татьяны Федоровны Есениной, детей Татьяны, Константина и Александра Есениных, сестер Екатерины Александровны и Александры Александровны. Поводом для этого ходатайства стала вышедшая без их ведома и согласия в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» книга избранных стихов поэта:

«О том, что это издание готовится, наследники узнали случайно, — пишет С.А. Толстая-Есенина. — Никаких переговоров о договоре с наследниками издательство не вело. В ответ на наш протест издательство сообщило, что ему не было из-

вестно о существовании наследников и выслало гонорар по одному рублю за строку. На наше письмо с просьбой выслать авторские экземпляры издательство ответило полным молчанием. В то же время я получила письмо от одного из редакторов Большой Библиотеки Поэтов с просьбой представить имеющиеся у меня неопубликованные произведения Есенина для нового издания его произведений, которое готовится в Большой Библиотеке Поэтов. В этом письме нет ни слова о возможности переговоров с наследниками и принципах самого издания.

Считаю, что такие действия издательства возмутительны по отношению к семье умершего писателя и, кроме того, являются грубейшим нарушением закона об авторском праве».

Следует отметить, что в 1940 году истёк срок авторских прав наследников поэта. В течение 15 лет со дня смерти Есенина его книги издавались крайне редко. Было выпущено в свет лишь небольшое количество изданий, за которые наследники получили мизерные суммы гонорара. Большинство членов семьи Есенина находились в очень трудном материальном положении. От имени наследников все хлопоты по продлению срока авторского права взяла на себя Софья Андреевна. Пользуясь своим авторитетом и уважением среди писателей, она просит вмешаться в это дело Секретаря Президиума Союза писателей СССР А.А. Фадеева, других влиятельных лиц. Вопрос был решен положительно.

После окончания Великой Отечественной войны в тяжелейших бытовых условиях оказываются мать и младшая сестра поэта. И вновь им на помощь приходит Софья Андреевна. Вместе со старшей сестрой поэта Е.А. Есениной она обратилась в 1945 году к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину:

«Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Иванович!

В Рязанской области, в Рыбновском районе, в селе Константинове, на родине С.А. Есенина, живёт его мать, Татьяна Фёдоровна, 82-х лет, одинокая, больная и в очень трудном материальном положении. Она получает 300 рублей пенсии, 500 граммов хлеба и больше никакого снабжения. Она настолько слаба, что не может даже обрабатывать огород. Она страдает от постоянного острого недоедания и совершенно обносилась, ходит в рваной одежде и обуви. Дочери её, с детьми разных возрастов, живут в Москве и по своему материальному положению не могут помочь матери.

Обращаемся к Вам с убедительной просьбой обратить внимание на положение Т.Ф. Есениной и оказать ей помощь в питании и одежде.

В Москве живёт сестра Есенина — Александра Александровна с мужем и 4-мя детьми на площади 8 метров. Несмотря на указание Правительства, сделанное ещё в 1940 г., до сих пор ей не предоставлена увеличенная площадь. Дети школьного возраста, малолетние, тяжело больной муж и сама А.Есенина находятся почти в непосильных условиях.

Мы верим, что литературные заслуги Сергея Есенина дают нам право просить о внимании к его престарелой матери и сестре.

В октябре 1945 г. исполняется 50 лет со дня рождения Сергея Есенина, а в декабре 1945 г. — 20 лет со дня его смерти. Может быть, Вы найдёте возможным в связи с этими датами помочь его близким, находящимся в тяжёлом бытовом положении...»

Решение по этому письму было принято в 1946 году. Публикуем его полностью:

«Всесоюзному Управлению по охране авторских прав.
Совет Министров СССР.
Распоряжение N 6930-р
от 29 мая 1946 г. Москва, Кремль.

1. Сохранить пожизненно, в виде исключения, право на получение авторского гонорара в размере 50% за издание и исполнение произведений поэта С.А. Есенина за его матерью — Т.Ф.Есениной и женой — С.А.Толстой-Есениной.

2. Обязать Мосгорисполком в месячный срок предоставить жилую площадь в г. Москве матери поэта С.А. Есенина — Т.Ф. Есениной и его сестре А.А. Ильиной.

Зам. Председателя Совета Министров Союза ССР Л.Берия».

Доверенным лицом Татьяны Фёдоровны Есениной по авторским правам была Софья Андреевна, о чём свидетельствует документ с личной подписью Т.Ф. Есениной, хранящийся в архиве Толстой-Есениной.

И ещё несколько слов о судьбе Есенинского архива, сохранённого Софьей Андреевной. Журнал «Новый мир» (1959, №12) напечатал сообщение под заголовком «Из архива С.Есенина». В нём сообщалось, что в 1958 году Государственный литературный музей получил архив С.Есенина, принадлежавший Толстой-Есениной:

«Архив этот собирался на протяжении ряда лет. Здесь рукописи произведений поэта, корректурные листы с его правкой, письма его и к нему, неопубликованные воспоминания современников.

В архиве имеется большой печатный материал. Это прижизненные и посмертные публикации стихотворений Есенина в газетах и журналах, стихи, посвящённые поэту, многочисленные отклики на его смерть. Здесь собраны не только центральные и местные газеты Советского Союза, но и иностранные: немецкие, английские, французские, чешские, польские.

Среди вещей, полученных от С.А. Толстой, — маска С.Есенина, слепок его руки, ряд редких фотографий, ручка, которой он писал в 1925 году.

Наиболее ценной частью этого обширного собрания являются неопубликованные стихи поэта, черновые автографы и новые комментарии к его произведениям.

Среди материалов, относящихся к подготовке издания сочинений С.Есенина, много стихов, переписанных рукой С.А. Толстой. Все они вошли в Собрание сочинений (изд. 1926 года). <...>

Много нового и ценного материала о жизни и творчестве С.Есенина дают комментарии С.А. Толстой. Они составлялись совместно с Е.Н.Чеботаревской²³ для сборника «Стихи и поэмы» и были закончены в июне 1941 года. В связи с началом Великой Отечественной войны сборник не вышел, а комментарии так и остались в архиве и не были использованы при последующих изданиях произведений поэта. А между тем в них есть ряд новых данных о первых публикациях, точные указания о времени написания многих стихов 1925 года. Например, С.А. Толстая указывала, что стихотворения «Я красивых таких не видел...», «Ах, как много на свете кошек...», «Ты запой мне ту песню, что прежде...», «В этом мире я только прохожий...» — созданы утром 13 сентября 1925 года и продиктованы жене одно за другим в этом порядке. <...>

Широко использует С.А. Толстая в своих комментариях письма Есенина, варианты его стихов, вводя тем самым читателя в творческую лабораторию поэта. Вот письмо Есенина к начинающему поэту: «Не упускайте чувств, но и строго следите за расстановкой слов. Не берите и не пользуйтесь избитых выражений. Их можно брать исключительно после большой школы, тогда в умелой рамке в руках умелого мастера они выйдут по-другому».

Очень интересно и полно дана история создания поэмы «Чёрный человек»...

Материалы архива и особенно комментарии С.А. Толстой должны быть непременно использованы при создании полного собрания сочинений Есенина, которое готовится Институтом мировой литературы».

Последний дар Софьи Андреевны Толстой-Есениной — её бесценный Есенинский архив — был отдан на вечное хранение. В историю литературы и музееведения она вписала замечательные страницы и является символом бескорыстного служения памяти великого национального поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кони А.Ф. (1844—1927) — писатель, юрист, друг семьи Л.Н. Толстого.

² Мейерхольд З.Н. (1894—1939) — жена Есенина Зинаида Райх.

³ Халатов А.Б. (1894—1938) — председатель Правления Госиздата в 30-е годы.

⁴ Сосновский Л.С. (1896—1937) — руководитель Агитпропа ЦК, редактор газеты «Беднота» в конце 20-х годов.

⁵ Лебедев-Полянский П.И. (1882—1948) — председатель Пролеткульту в 20-е годы.

⁶ Керженцев П.М. (1881—1940) — один из руководителей Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП) в 20-е годы, руководящий работник Наркомпроса.

⁷ Мариенгоф А.Б. (1897—1962) — писатель, автор книги о Есенине.

⁸ Кручёных А.Е. (1886—1968) — поэт, оставил злые заметки о Есенине.

⁹ Богомильский Д.К. (1887—1967) — издательский работник.

¹⁰ Ужжальнис — руководитель ИМЛИ в 30-е годы.

¹¹ Воронский А.К. (1884—1943) — главный редактор журнала «Красная новь».

¹² Кипяткевич — издательский работник.

¹³ Ежов И.С. (1880—1959) — издательский работник.

¹⁴ Цыпин Г.Е. (1899—1938) — редактор и издатель в 30-е годы.

¹⁵ Енукидзе А.С. (1877—1937) — секретарь Президиума ЦИК СССР в 30-е годы.

¹⁶ Казаков М. — писатель из Ленинграда.

¹⁷ Евдокимов И.В. (1887—1941) — писатель, редактор Госиздата в конце 20-х годов.

¹⁸ Наседкин В.Ф. (1895—1938) — поэт, друг Есенина, муж Е.А. Есениной.

¹⁹ Вольпин Н.Д. (1900—1998) — литератор, знакомая Есенина, мать его сына Александра.

²⁰ Гронский И.М. (1894—1985) — один из руководителей Союза писателей в 30-е годы.

²¹ Герасимов М.Ф. (1889—1939) — член редколлегии издательства Московского товарищества писателей (МТП).

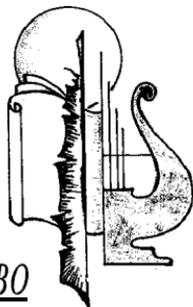
²² Тарпанов — редактор издательства МТП.

²³ Чеботаревская Е.Н. (1892—1965) — литературовед, подруга и соратница Толстой-Есениной.

СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА ИЛИ ЗАКАЗУХА?

«Либеральная интеллигенция» то и дело подвергает диффамации нового министра культуры Мединского, который делал робкие попытки ограничить разрушительный эффект от деятельности этой самой «интеллигенции». Например, за **просьбу** министра к руководству телеканала НТВ перенести показ фильма «Служу Советскому Союзу!» на другой день, не связанный с днем памяти о начале Великой Отечественной войны. Чем «другой» день был бы лучше для показа такого гнусного фильма, мне абсолютно непонятно. Фильмы, подобные вышеназванному, и тем паче такие, как «Четыре дня в мае», вообще подлежат запрету, какой бы вой ни поднимали ценители свободы творчества. И Мединский, если бы он был последователен, должен добиваться именно этого, а не писать жалкие открытые письма.

За последние годы у многих нормальных людей не раз возникал вопрос: какие идеологические цели преследуют современные авторы фильмов-фальшивок о величайшей трагедии XX века? И тут скорее всего речь идет даже не об оскорблении ветеранов, как пишут некоторые возмущенные граждане.

ИСКУССТВО

«Либеральная интеллигенция» их давно списала со счета и готова скорее упрекать их в защите советского строя, а не возвеличивать их подвиг. Современные геростраты метят в подрастающее поколение, чтобы задушить в подсознании молодежи дух нации-победителя.

В отличие от нас, победителей, немцы к 60-летию поражения в войне создали достойный фильм о своей национальной катастрофе. В русском прокате фильм прошел под названием «Бункер». На просмотр этого фильма немецкие школьники ходили целыми классами, а Интернет был взорван восхищенными отзывами потрясенных зрителей. Лучшие сцены этого фильма действительно знаменуют поворот в немецком историографическом кинематографе и заставляют о многом задуматься.

Нарушение табу

В конце 1944-го война достигла пределов германского рейха. Советские войска стремительно наступали с востока, союзники с запада, бомбёжки англичан и американцев превращали немецкие города в развалины. В ожесточённых боях противнику противостояли остатки вермахта, войска СС, ополчение и гитлерюгенд. Гибель была неизбежна, город за городом, деревня за деревней переходили в руки победителей, пока 8 мая в Берлине окончательно не смолкла грандиозная битва с поверженной Германией.

Карл Рихтер, историк и публицист журнала «Nation und Europa» — главного теоретического и стратегического органа немецких правых — вызвал много шума в немецкой печати, опубликовав репортаж о своих съёмках в фильме «Бункер» в качестве адъютанта фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. Редакция заранее продумала возможные последствия съёмок правого публициста в фильме о последних днях жизни Гитлера. Чтобы избежать цензорских ножниц или вообще призывов к бойкоту фильма, репортаж решили опубликовать только после премьеры. Эффект был сенсационный. Большинство немецких газет откликнулось на эту публикацию, некоторые напечатали фотографию Рихтера в униформе вермахта. Большого шума вокруг обыкновенного статиста, которых в фильме было около 3 тысяч, скорее всего не будет за всю историю кинематографа.

Карл Рихтер довольно живо описал и кастинг, и некоторые эпизоды съёмок. Например, при отборе адъютантов агент киносъёмочной группы Пако, чилиец по происхождению, отверг впереди стоящего кандидата со словами: «Ты выгля-

дишь хорошо, парень, но в тебе нет ничего немецкого. Посмотри вот на этого, это другое дело», и указал на Рихтера. Подозрение вызвала только короткая стрижка Рихтера: «Дело в том, что мы бы не хотели, чтобы в фильм попали правые. Это ведь будет настоящий фильм о нацистах». Рихтеру удалось скрыть свою причастность к правому изданию, и он получил униформу и Железный крест, далее последовал инструктаж исторического консультанта и обучение гитлеровскому приветствию. Съёмки фильма проходили в Петербурге, Берлине, Мюнхене и на площадках «Баварии-фильма» под Мюнхеном, где построили бункер под Рейхсканцелярией в натуральную величину.

Последние дни бункера точно запротоколированы. Историки по свидетельствам очевидцев реконструировали час за часом. Одним из источников для сценария послужила книга секретаря Гитлера Траудль Юнге, которая хорошо передаёт атмосферу в бункере, а также личные впечатления о Гитлере, отечески заботившемся о девушке до последних дней. «Обычно задают вопрос, — говорил в интервью Берндт Айхингер, продюсер фильма, — как такой дряхлый человек 55 лет, который выглядел как восьмидесятилетний, вообще мог так очаровывать». Документы Юнге, а теперь и фильм «Бункер» дают на это ответ и находят подтверждение в других свидетельствах.

По словам продюсера Айхингера, его мечтой было опередить Голливуд, который преуспел в стереотипном изображении Гитлера как припадочного придурка. В «Бункере» мы видим человека из плоти и крови, сильного и слабого, отталкивающего и притягивающего до последней минуты, когда он сам становится жертвой своих политических экспериментов. Британские СМИ усмотрели в «очеловечивании» Гитлера нарушение табу. Режиссёр Оливер Хиршбигель возражает на это: «Дьяволизация действует мне на нервы. Поэтому я хотел по возможности правдиво отобразить эту личность».

Швейцарскому актёру Бруно Ганцу перевоплощение удалось настолько, что на режиссёра он произвёл ещё на пробах «пугающе правдоподобное» впечатление. На съёмках он и во время паузы шёл в буфет согбённым диктатором, дрожащей рукой нервно откидывая волосы со лба. Одну из сцен в бункере Карл Рихтер описывает так: «Около 20 человек плотно стоят вокруг стола с картой: Геббельс, Геринг, антураж как из учебника по истории. Я не верю своим глазам: вот сидит Гитлер. Объявляется перерыв в съёмках. Бруно Ганц сидит, уставившись в одну точку, постукивая дрожащей рукой по столу. Призрачная, захватывающая атмос-

фера, пластичная настолько, что хочется потрогать рукой. Это состояние передаётся всем, находящимся в помещении. Статист, который должен подать стакан воды фюреру, так взволнован, что не может справиться с собой. Чтобы разрядить обстановку, Бруно Ганц улыбается и шутит, но по-прежнему с раскатистым «р» и австрийским тембром. «Где Вольдемарр?» — когда он требует к себе гримёра, выглядит так, будто это отдан приказ армии Венка. Но и другие, похоже, больше не могут отключиться. Кейтель, а я его адъютант, хочет, чтобы я называл его за обедом «господин фельдмаршал». Даже режиссёр Хиршбигель, прирождённый циник, поддаётся настроению, приходит в восторг, если сцена удаётся особенно хорошо... Однажды, когда новый статист в форме СС попадает в кадр, у него вырывается вопрос: «Теперь уже и турки могут служить в СС?»

22 апреля становится ясно, что окружение Берлина неизбежно. Правительственный квартал простреливается советской артиллерией. Функционирует лишь небольшая повреждённая взлётная полоса, на которую лётчице Ханне Райч удаётся посадить своего «Аиста». Гитлер категорически отказывается покинуть Берлин. Ещё 20 апреля, в день своего 56-летия он заявляет: «Я должен здесь, в Берлине, добиться перелома — или погибнуть». Ему противна мысль, что его найдут в каком-нибудь сарае и грязного, обросшего выставят на позорище, как, например, в наши дни Саддама Хусейна или Муаммара Каддафи.

Вечером 27 апреля время в бункере остановилось — снова одна из призрачных сцен, прощание с фюрером. С усталым взглядом, без слов, Бруно Ганц движется вдоль маленькой шеренги офицеров. Уходит. Занавес опускается. Кто-то сумеет выжить в эти последние дни катастрофы, чтобы предстать перед Нюрнбергским трибуналом, пережить позор и закончить свои дни на виселице. Многие покончили счеты с жизнью добровольно.

Магда Геббельс принадлежала к сорту людей, которые до конца остаются верны своим убеждениям. Перед смертью ей удалось переправить из бункера письмо старшему сыну от первого брака с крупным промышленником Понтером Квантом. Сын воевал на западном фронте и в апреле 45-го находился в английском плену. Чудом письмо достигло адресата, в нём были такие строки: *«Наша великая идея гибнет, а с ней и всё, что в моей жизни было прекрасного, достойного восхищения, благородного и доброго. Мир, который наступит после фюрера и национал-социализма, не стоит того, чтобы в нём жить, поэтому я взяла детей с собой. Они слишком хороши для*

той жизни, которая наступит после нас, и милостивый Господь поймёт меня, если я сама спасу их. Ты будешь жить дальше и у меня к тебе единственная просьба: никогда не забывай, что ты немец, никогда не делай того, что противоречит чести, и постарайся, чтобы ты своей жизнью не сделал нашу смерть напрасной... Мой милый сын, живи для Германии!» Чтобы понять, что руководило этой женщиной, необходимо получить хотя бы долю правдивой информации о той Германии, которую пытались создать нацисты.

Творец экономического чуда?

Простые обыватели не участвовали в подготовке военных планов и не совершали преступлений. Они были жертвами войны. Виновными были и всегда будут политики. Они оказались несостоятельными в Веймарской Республике, и без катастрофического провала их политики Гитлер не пришёл бы к власти. Избиратели выбирали между красными и коричневыми, и последние оказались более убедительны.

В начале 90-х мой приятель из небольшого городка на западе Германии подарил мне ксерокопию семейной хроники, написанной его родителями для своих сыновей. В 33-м его матери было 19 лет, работала она продавщицей в Померании, отторгнутой впоследствии от Германии в пользу Польши. Вот что эта пожилая женщина без ложной политкорректности писала в 1988 году о тех временах: «В январе 1933 года к власти пришёл Гитлер. У людей снова появилась надежда. Адольф Гитлер заботился о работе для всех слоёв населения. У нас в магазине также произошли изменения. Руководство должно было часто вопреки своему желанию многое делать для служащих и рабочих. Мой отец получил новую работу на целлюлозном комбинате. Во всём наблюдался подъём, безработных становилось всё меньше. Люди были веселы и всем довольны... В любое время суток на улице было безопасно, не так как теперь, когда средь бела дня на тебя может напасть иностранный сброд, шатающийся повсюду в нашей прекрасной Германии, которая некогда была великой и гордой».

В 2005 г. в Германии вышла в свет книга известного историка Гётца Али «Народная держава Гитлера», в которой подробно описываются успехи нацистского режима в экономической и в социальной политике. Гётц Али не ревизионист. В своих прежних публикациях он 12 лет национал-социализма сводил к концлагерям, преследованиям евреев и коллективной вине немцев за развязывание войны. В новой книге немцам и национал-социалистам, которых автор иначе как

бандой разбойников не называет, также достаётся по полной программе. Каждое третье предложение в книге несёт негативную оценку режиму, именно поэтому, возможно, автор считает возможным допустить и некоторую объективность: 95% немцев, по мнению учёного, были облагодетельствованы Гитлером к началу войны. Следует подчеркнуть: к началу войны, а не в ходе войны. «Они воспринимали национал-социализм не как систему подавления и террора, а как режим социальной справедливости, как вид диктатуры благоденствия» («Шпигель», № 10/05).

Было ли экономическое чудо тридцатых годов действительно достижением Гитлера? Есть основания ответить на этот вопрос положительно. В январе 1933 года, когда Гитлер стал рейхсканцлером, в Германии было 6 млн. безработных, 3 года спустя, в 1936 г. (хочется и здесь подчеркнуть: до начала войны), царил полная занятость. Переход от экономической депрессии к подъёму был совершён без инфляции, при стабильных зарплатах и ценах. Этого не удалось достичь даже Людвигу Эрхарду в послевоенной Германии с его теорией социальной рыночной экономики. Похоже, истинным автором «социальной экономики» был Гитлер. «Она ориентировалась на благополучие народа», — делает вывод Али. Повальная нищета и бедность уступили место скромному, но стабильному достатку. Но что особенно важно: вместо беспомощности и безнадёжности наступила уверенность в завтрашнем дне. Гитлер ещё в 20-м году возвестил, что в рядах его партии нет места для рабочих, сознающих себя как класс, точно так же, как нет места для буржуа, сознающих себя как сословие. И это не было пустым лозунгом. Классовые и сословные противоречия были преодолены, оказывалась щедрая поддержка семье. С июня 1933 г. каждая вновь создаваемая семья получала беспроцентную ссуду размером до 1000 рейхсмарок. Погашение ссуды сокращалось на 25% при рождении каждого ребёнка. В 1939 г. в рейхе повысились выплаты на детей на 25%, в 1940-м — на 28%, в 1941-м — на 56%. Национал-социализм заложил основу автомобилизации населения, народного туризма, удвоил количество выходных дней. «Основы аграрной политики Евросоюза, правила дорожного движения, обязательное автострахование, детские пособия, налогообложение, а также основы защиты окружающей среды восходят к тем годам» — таков вывод историка.

На память приходят и великолепные автобаны. 23 сентября 1933 года недалеко от Франкфурта-на-Майне Гитлер заложил символический камень в строительство первого автобана в Дармштадт и Гейдельберг, обратившись к рабочим с

такими словами: «Никто нам не поможет, если мы сами себе не поможем». В 1936 году на строительстве автобанов работало уже 125 тысяч человек, еще столько же на предприятиях-поставщиках. До сентября 1939 года было построено 3300 км, еще 1900 км остались незавершенными. Параллельно развивалось автомобилестроение: с 561 тысячи автомобилей в 1932 году до 961 тыс. в 1936-м.

Гётц Али объясняет фантастические успехи национал-социалистов двумя причинами. Одна из них: нещадная эксплуатация оккупированных стран. И хотя описанные достижения относятся к довоенному периоду, спорить не хочется. Победитель всегда диктует условия, а побеждённый расплачивается. Сегодня, проиграв в Третьей мировой войне, мы ощущаем это на себе, а Германия — дважды за прошлое столетие.

Второй причиной роста благосостояния немцев в третьем рейхе Али считает ограбление евреев. Однако до войны в Германии было всего около полумиллиона евреев. Было ли их богатство действительно столь несметным, чтобы на десятилетие обеспечить подъем экономики и процветание 60 млн. немцев? Не распространяет ли Али, возможно, сам не желая того, антисемитские предрассудки о евреях, как о самой богатой нации? Так или иначе, но по поводу еврейских денег автор утверждает: «От общих военных доходов, полученных Германией с 1939 по 1945 г., они составляют не более 5 процентов». Тут необходимо отметить явные диспропорции в послевоенных компенсационных выплатах. Есть основания предполагать, что финансовая помощь Германии Израилю не прекратится до скончания веков.

Али достаточно тонко чувствует дух времени, чтобы понимать, что он ступил на тонкий лёд со своим тезисом «диктатуры благоденствия». Несмотря на антифашистские заклинания, можно легко навлечь на себя подозрения в апологии режима и тем самым навредить своей научной репутации. И всё-таки он приходит к следующему выводу: «Кто не хочет говорить о благополучии миллионов простых немцев, тот пусть помолчит о национал-социализме и холокосте».

Да, дело не в реабилитации Гитлера и национал-социализма. Объективные исследования помогают понять, почему большинство немцев и немалое количество иностранцев восхищались Гитлером. И не только благодаря экономическому чуду, но и в целом, оценивая всю внутреннюю политику. «Неслыханное достижение — менее чем за 10 довоенных лет объединить вокруг себя всю нацию — и не с помощью простой демагогии, но благодаря конкретным успехам», — писал в

1978 г. историк Себастьян Хафнер. Йоахим Фест, автор многочисленных произведений о нацизме и Гитлере, одно из которых послужило сценарием для фильма «Бункер», также полагает, что «если бы Гитлер в конце 1938 г. погиб в результате покушения, лишь немногие бы помедлили признать его одним из величайших немецких государственных деятелей, возможно, завершителем их истории».

1938 год был зенитом славы Гитлера. Сегодня в это трудно поверить. Дифференцированное отображение истории и исторической личности, как у нас в стране, так и в мировой историографии, почти полностью исчезло. Плакатное упрощение национал-социализма и его главного идеолога можно понять, но подобное предубеждение не служит пониманию этого сложного явления, стоившего человечеству 50 млн. жизней.

Никогда не забывай, что ты русский...

Магда Геббельс, будучи горячей патриоткой, справедливо считала, что национал-социалисты спасли Германию от унижительной роли второстепенной державы, вынужденной после поражения в Первой мировой войне покорно следовать указаниям мировой закулисы. Однако за триумфом последовала катастрофа. И если мы, победители, несмотря на бесчисленные жертвы, вышли из войны окрепшими, упрочившими свое положение в мире, то для немцев второе поражение за один век обернулось не только экономической кабалой, как в 18-м году, но гораздо более губительными последствиями, затрагивающими душу нации.

Так какое же будущее пугало Магду Геббельс? Не думаю, что речь идет о разрухе, лишениях, голоде, т.е. о том, что связано с поражением в войне. Германия с помощью американских денег довольно быстро оправилась экономически, но это была уже другая Германия, до сего дня идущая в фарватере американской политики и фактически до сих пор оккупированная, т.к. в отличие от российских властей американцы и не думают выводить свои базы с территории Германии.

Что же ощущали немцы в мае 1945-го? Освобождение? Возможно. Во всяком случае, закончился бомбовый террор, который каждый день мог стоить жизни, можно было радоваться, что удалось выжить. Заодно Германия была «освобождена» от трети своей территории. Однако праздничные речи немецких политиков об «освобождении» — это одно, действительная политика — совсем другое. Немецкие солдаты в нарушение конституции снова на Балканах, в Азии и

Африке. Гиндукуш объявлен зоной немецких интересов. От пацифистских заклинаний послевоенного времени почти ничего не осталось. И теперь не левые, так называемые «антифашисты», а правые представляют политику национального самоограничения. Они извлекли из истории правильный урок. Только вот симпатий, как у немецких левых, так и у правых, к России и русским как не было, так и не просматривается в ближайшем будущем. Причина тому в нашей великой победе, которую они нам не в силах простить. Отсюда и потоки нескрываемой ненависти, которые, вразрез с официальной линией благодарности за освобождение от фашизма в адрес освободителей, выливаются ежегодно в мае со страниц всех немецких СМИ. В ход идет все: и неизменная фотография, на которой советский солдат пытается (скорее всего, безуспешно) отнять у дамы велосипед на улице немецкого городка, и фальсифицированные планы нападения СССР на Европу, позволяющие выдать агрессию за «превентивный удар», и каждый год увеличивающееся число изнасилованных немок. И хотя советская армия была многонациональна, а преступления солдат в отношении мирного населения сурово карались, пишут почему-то о зверствах именно русских солдат и только в правых изданиях встречаются редкие материалы о том, что зачастую западные союзники превосходили в жестокости советскую оккупационную власть.

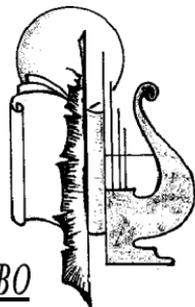
Нам, русским, никогда не следует забывать, что мы — русские. Что мы разгромили множество великих завоевателей: и Гитлера, и Наполеона, и прочих шведов. Нам бы только победить своего внутреннего врага и установить такую власть, которая бы наконец-то озаботилась бедственным положением собственных подданных, нищетой большей части населения, ползучей заменой русской нации мигрантами, бездорожьем, беспорядком, безысходностью. Если фашистская Германия от полной разрухи в 1933 году к началу развязанной в 1939 году войны создала мощную армию, модернизировала промышленность, консолидировала нацию, то почему мы за 20 лет не сдвинулись с места, даже если СССР, как утверждают «эксперты», потерпел экономический крах? Почему наша армия утратила былую мощь, промышленность в руинах, а о модернизации только сотрясают воздух? Может быть, объяснит кто-нибудь, почему правительство наш «стабилизационный фонд» с громадными потерями размещает за рубежом вместо того, чтобы создавать рабочие места в России для русских, а потом с протянутой рукой просит иностранных инвестиций, распродавая национальные богатства? Уж не стоит ли вспомнить слова Гитлера: «Никто нам не поможет, если

мы сами себе не поможем». Может быть, объяснит кто-нибудь, откуда на бедную Россию посыпались все эти олигархи, растащившие народное достояние? Откуда взялся, к примеру, «Прохоров», а не «Иванов», «Абрамович», а не, скажем, какой-нибудь «Шустерман»? Может быть их «назначила» быть олигархами мировая закулиса, чтобы через них Россия выплачивала репарации за поражение в Третьей мировой войне? Так и объяснили бы это народу. В конце концов, если мы побеждены, то никуда не денешься, надо платить, и по законам оккупированной страны должны терпеть не только материальные, но и духовные страдания в виде фильмов, показывающих наших дедов садистами и насильниками. Тогда остается лишь надеяться, что нация найдет силы преодолеть поражение и привести к власти свое национальное правительство. Надежда, как известно, умирает последней.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

ТАТЬЯНА СЕМУШИНА:
«ПЕСНЯ — ПУТЬ К МЕЧТЕ»

Так считает замечательная молодая певица, обладательница чистого, проникновенного голоса, помогающего найти собственную певческую тропинку к сердцам слушателей. У каждого человека в детстве есть мечта. Для многих она ею и остаётся, а для кого-то становится целью жизни. Особенно это относится к творческим людям, наделённым тем или иным талантом. И тогда такому человеку надо либо ждать, когда он проявится (можно и не дожидаться), либо с детства, с юношеских лет трудиться и трудиться над собой, над исполнением своей мечты. Именно такой путь избрала Татьяна Семушина. Она выступала на юбилейном вечере журнала «Молодая гвардия», посвящённом его 90-летию и проходившем в театре «Содружество актёров Таганки», запомнилась самобытным голосом. Родилась певица на Дальнем Востоке в семье военного лётчика. Поёт с четырёх лет. Училась в музыкальной школе по классу вокала, в Кировском училище искусств, в музыкальной академии имени Гнесиных в Москве. В настоящее время является солисткой Москонцерта и вокального трио «Лада», сотрудничает с оркестрами народных инструментов. Выпустила несколько музыкальных альбомов. Параллельно преподаёт

ИСКУССТВО

в Государственном музыкально-педагогическом институте имени М. М. Ипполитова-Иванова. Является лауреатом международных и всероссийских конкурсов.

— *Татьяна Владимировна, когда вы всерьёз поняли, что станете певицей?*

— Не могу сказать, что передо мной стоял мучительный выбор профессии... Почему-то и мне, и моим близким было понятно, что русская песня и сцена меня сами выбрали.

— *На вечере «Молодой гвардии» запомнилось ваше исполнение в стиле «a cappella» песни на слова поэта-классика Виктора Бокова «Вы куда летите, лебеди?» Почему выбрали именно такой стиль?*

— По-моему, этой песне подходит именно такой стиль и подходит наилучшим образом. Это тот случай, когда музыка может мешать, заслонять, если можно так выразиться, красоту и напевность поэтического слова, его восприятия. Хотя эту песню я исполняю и в музыкальном сопровождении, а музыку для неё написал замечательный композитор Александр Аверкин. Часто стиль зависит от аудитории. Исполняя эту песню, всякий раз вспоминаю её создателей, она для меня как память о них.

— *Кто из педагогов повлиял на вас особенно сильно?*

— Мне очень повезло с ними! Так сложилось, что педагогами стали четыре очаровательные женщины. Каждая вложила в меня своё мастерство и любовь. Именно любовь! Я уверена, что это так. Совсем маленькой я попала в заботливые руки Татьяны Леонидовны Отинко. Молодой педагог, она привела меня в профессиональное пение и подарила возможность жизни на сцене. Вторая гениальная женщина — Любовь Александровна Конанькина. Её ласковый, красивый голос, тонкое, заботливое отношение и музыкальный вкус определили моё направление в творчестве и жизни. А Галина Александровна Насонова стала второй мамой: оберегала, наставляла, учила и просто поддерживала в трудные минуты и периоды жизни. Профессор, заслуженная артистка РФ Светлана Конопьянова Игнатьева — мой наставник вот уже 14 лет со времени моего появления в столице и счастливого вхождения в класс этого знаменитого педагога. Сейчас мы уже и коллеги, и подруги, чем очень горжусь.

— *С кем из поэтов и композиторов вам приходилось сотрудничать? С кем сотрудничаете сейчас?*

— Как уже было сказано, посчастливилось, пусть немного, но прикоснуться к гению русского песенного слова — Виктору Фёдоровичу Бокову. Так случилось, что мне пришлось спеть ему по телефону. А песня на его стихи была положена на музыку Александром Петровичем Аверкиным, композитором незабываемых певучих посланий. Виктор Фёдорович впервые услышал эту песню и порадовал меня своим благословением. Песня «Вы куда

летите, лебеди?» стала моей визитной карточкой. Много могу говорить о композиторе Викторе Ивановиче Темнове — это настоящий классик, мастер русской песни! В моём репертуаре около десяти его песенных монологов. До чего хороши его заводные «Весёлая кадриль» и «Грибы-грибочки»!.. Есть и ещё песни-судьбы: «Над рекой туман» и «Вербы». И песни русской души: «Странная страна», «Русский вальс» и другие... Каждая песня занимает особое место в моём репертуаре и прошла высокую цензуру самого автора. Лелею надежду записать диск с чудесными произведениями Виктора Темнова.

— *Как начиналась ваша концертная деятельность? С кем предпочитаете работать, и есть ли среди «избранных» особенно любимые коллективы?*

— Есть фотографии, где девочка лет семи в русском сарафане поёт на огромной сцене — это я... Наверное, это и было началом концертной деятельности. Ещё в школьные годы я была солисткой одновременно трёх коллективов. С детским инструментальным ансамблем «Костёр» (ныне «Скерцо») связаны мои первые творческие успехи и гастрели, начинавшиеся с поездок на поездах, сразу ставших моим любимым видом транспорта. Я была готова ехать куда угодно и сколько угодно долго! Особенно если это счастье подкреплялось осознанием участия в двух взрослых вокальных коллективах «Россияночка» и «Сударушка». Совместные выступления дали прекрасную закуску и опыт ансамблевого и сольного пения. С тех пор времени прошло немало, я окончила Государственную музыкальную академию имени Гнесиных, стала солисткой Москонцерта, да и творческих друзей у меня прибавилось. С удовольствием продолжаю сотрудничать с оркестрами народных инструментов городов Ярославля, Кирова, Костромы, а также с Государственным оркестром России НАОРНИ имени Н.П. Осипова, ансамблем «Россия» имени Л.Г. Зыкиной и национальным оркестром Калмыкии. Уже 14 лет являюсь солисткой вокального трио «Лада», который создала и которым руководит С. Игнатьева. Самые наилучшие слова, эмоции и поклон моим друзьям — ярославскому муниципальному оркестру народных инструментов «Струны Руси» под управлением Евгения Агеева. С этим коллективом меня связывает давняя дружба и сотрудничество. Оба мои диска записаны при непосредственном участии этих замечательных музыкантов.

— *Известно, что, помимо концертной деятельности, вы преподаёте. Не мешает ли это, если так можно сказать, главному призванию?*

— У каждой медали есть две стороны.... Но то, что педагогическая деятельность именно медаль, если не орден, даже не подвергаю сомнению. Конечно, это занимает немало времени, сил и эмоций, но и возвращается любовью студентов, радостью за наши общие успехи. Особенно хочется отметить, что это и мой профессиональный рост как исполнительницы, ведь не секрет, что объяснив что-

то несколько раз, и сам начинаешь понимать по-иному, бывает, и учишься вместе со своими чудесными студентами.

— *Среди своих творческих достижений какое бы выделили?*

— Наверное, выпуск двух дисков... Оказалось, что мне не просто сделать запись в студии. Было ощущение, что это «пустое» исполнение, на «стены»... Благодаря совету и настойчивости друзей была предпринята попытка записать живой концерт, и она увенчалась успехом. Совсем недавно я выпустила второй свой диск, названный «*Душа поёт любовь*», записанный именно на концерте, и рада представить слушателю новые песни. В программу вошли и любимые мелодии советской песенной культуры, и народные песни, и замечательные, трогательные романсы. Понимаю, что не у каждого есть возможность ознакомиться с моими дисками, но в наше время почти в каждой семье есть Интернет, и с помощью этой всемирной сети, как её ни ругай, можно найти то, что по душе. В том числе и песни в моём исполнении.

— *К чему стремитесь теперь?*

— Планы «наполеоновские». Очень люблю певучий язык и трогательные поэтические песни наших соседей из Украины. Мечтаю создать программу, объединяющую русские и украинские песни с помощью украинских друзей, замечательного коллектива... Но пока не буду раскрывать все тайны, а пожелаю читателям «Молодой гвардии» прекрасного настроения, личного счастья и светлых песен. А песня, как сказал поэт, «строить и жить помогает»!

ДМИТРИЙ ШВЕД: «ЛУЧШЕ НЕТ РОДНЫХ ПЕСЕН»

В этом уверен певец и композитор, один из лучших исполнителей песен на стихи Сергея Есенина — Дмитрий Швед, выступавший на том же «молодогвардейском» вечере. Об этом певце отзываются только в превосходных степенях. Однажды побывав на его эмоциональных выступлениях, нельзя не проникнуться ответным чувством и, тем более, забыть его голос, его проникновенную интонацию. На концертах он поёт для слушателей, а слушатели поют для него. Так было и на юбилейном вечере «Молодой гвардии».

— *Дмитрий Иванович, зная вашу любовь к Сергею Есенину, думается, каждому читателю и слушателю важно понять, каким образом пришло к вам желание быть исполнителем песен на его стихи. Когда у вас проявилось это увлечение, ставшее смыслом жизни?*

— Песни на слова Сергея Есенина для меня, действительно, как народные... А к «музыке» я прикоснулся в раннем детстве,

когда начал осваивать гармошку, подаренную дядей. Потом был баян. Потом окончил музыкальную школу в Рязани. Позже, зная музыкальную грамоту, самостоятельно научился игре на гитаре. Участь в музыкальной школе, начал выступать в клубной художественной самодеятельности. С шестнадцати лет играл в дуэте баянистов, потом стал солистом вокально-инструментального ансамбля, исполнял эстрадные песни того времени — было это в середине семидесятых годов. После окончания школы поступил в ГИТИС на факультет «Актёр театра и кино». Успешно окончив этот вуз, служил в армии, потом вновь служил, но уже в театре имени Гоголя в Москве, один сезон в Рязанском ТЮЗе, а после в Музыкально-драматическом театре при Московской областной филармонии. В настоящее время — в Москонцерте.

— *Внесколько предложений вы ввели всю свою творческую биографию. Но начиналось-то всё, видимо, с родителей, с их под- сказки и поддержки. Кто они?*

— Мама — школьная учительница. Родом из Кадома, а жи- вёт в Рязани. Отец — брянский, в свое время работал директо- ром швейной фабрики. Они поощряли моё увлечение музыкой и пением и строго следили, чтобы я не валял дурака.

— *У кого вы учились?*

— Учителей было много, но особенно запомнился преподава- тель по классу баяна в рязанской музыкальной школе Юрий Ге- оргиевич Куприянов, отличавшийся необычайной требователь- ностью. С ним было трудно, не все выдерживали, но кто оставал- ся, тот становился профессионалом. Нельзя не вспомнить про- фессора Всеволода Порфирьевича Остальского из ГИТИСа, по- тому что он относился с особой симпатией к моему неуёмному стремлению совершенствоваться. На одном из моих сольных твор- ческих вечеров он, будучи приглашённым в качестве гостя, вы- шел на сцену и сказал: «Я хотел бы отметить правильную речь, великолепную дикцию этого молодого певца, что, несомненно, влияет на лучшее восприятие песни». Эти заботливые, душев- ные слова запомнились навсегда.

— *Ваша специальность «Артист театра и кино», но вы, тем не менее, рискнули пуститься в опасное сценическое плавание сольного певца. Это, видимо, неспроста?*

— Видимо, да. С некоторых пор я почувствовал, что в профессии актёра меня смущает то, что нужно лицедействовать, надевать на себя маски других людей или, говоря профессиональным языком, проживать на сцене жизнь чуждых тебе персонажей, не всегда поло- жительных. А мне очень хотелось заниматься музыкой, петь, поэто- му и посвятил себя исполнительской деятельности. По-моему, у артиста, выступающего с сольными программами, больше шансов добиться успеха, а главное, — мне это приятно, доставляет радость.

— *Чему отдаете предпочтение?*

— Популярным старинным и современным романсам, ду- ховной музыке, романсам и песням на стихи Есенина, а также

песням на стихи современных поэтов России. Создаю и собственные, авторские. Во всех случаях тяготею к текстам душевным и образным, имеющим смысл.

— *Пристрастие к поэзии великого земляка — случайность или настоящая любовь?*

— Случайности нет и не может быть, ибо любой грамотный человек, к кому попали стихи Есенина, поэта мирового масштаба, не может относиться к ним равнодушно, тем более родившийся на рязанской земле. Около Рязани есть станция Дивово, с которой Есенин отправлялся в Москву и на которую прибывал из столицы, добираясь до своего села Константиново. На этой станции в последние годы ему установили бюст, а саму станцию обновили, проложили дополнительные пути для стоянок экскурсионных поездов. Здесь словно попадаешь в музей под открытым небом, сразу вспоминаешь бессмертные строки таких стихотворений, как «Клён ты мой опавший», «Не жалею, не зову, не плачу», «Над окошком месяц». Когда эти стихотворения-песни звучат на моих концертах, то они не оставляют никого равнодушными, заставляют заново почувствовать всю их прелесть, энергетику. В первые моменты зрители буквально замирают, а потом не могут сдерживать эмоций. На концертах это хорошо видно, когда зал начинает подпевать, прихлопывать в такт — создается такое впечатление, что я пою для слушателей, а слушатели поют для меня.

— *На последних концертах второе отделение вы посвящаете «гусарской» тематике, для которой, кстати, словно рождены, имея импозантную, «гусарскую» внешность. Это что — своеобразный шансон, ставший модным?*

— Нет. Не гонюсь за модой, особенно в годовщину событий двухвековой давности. Это гусарские романсы и полковые песни времён Отечественной войны 1812 года, которые я интерпретирую по-своему, не меняя мелодий и слов, а также мои авторские. Когда только начинал профессиональную деятельность, то увлекся гусарским романсом, пытался найти подлинные, но их сохранилось очень мало, и тогда решил написать целую программу собственных романсов, сшил гусарские костюмы и для себя, и для артистов, выступающих со мной. Очень ценю этих людей: гитариста Алексея Сидорова, пианиста и клавишника Арсения Колесника, скрипача Александра Бронвейбера, аккордеониста Сергея Осокина. Выступление с ними радует и обогащает. Это высокопрофессиональные музыканты и отзывчивые люди.

— *Как часто бываете в Рязани? Не жалеете, что перебрались на жительство в столицу?!*

— На родине нельзя бывать редко, тем более если представляется такая возможность. Жалею ли, что перебрался в Москву? И да, и нет. В столице больше возможностей для творческого человека, хотя душой я всегда в милой Рязани, где родился и вырос, где живёт мама. А чтобы почаще вспоминать родную

землю, навещаю Рязанское землячество в Москве. Совместно ходим на концерты, в музей. Последнее посещение — музей Есенина в Строчановском переулке, где жил великий земляк в первые годы столичной жизни.

— *И последний вопрос, традиционный: что в ближайших творческих планах?*

— Сначала мне бы хотелось сказать о том, что сделано важного для моих слушателей за прошедшие несколько лет. Это программа песен на стихи Сергея Есенина «Ещё я долго буду петь» в сопровождении Государственного Академического Рязанского русского народного хора им. Е.Попова. Программа старинных вальсов и маршей «Романсы и вальсы весны» в сопровождении Губернаторского оркестра Московской области — художественный руководитель и главный дирижёр Олег Лебединский. Программа популярной зарубежной и российской классической эстрады «Я тебе весь мир подарю» в сопровождении оркестра «Престиж-классик» под управлением Натальи Силкиной. Все эти программы были представлены в Концертном зале им. П.И. Чайковского и Международном Доме музыки. За эти годы мною выпущено четыре компакт-диска: два из них — старинные романсы XIX и XX веков, диск авторских романсов и диск духовных романсов и песнопений. В планах — концертная программа в сопровождении эстрадно-симфонического оркестра, где будет исполнено всё лучшее, что написал за четверть века работы. Наверное, будет 25 песен и романсов. Работа предстоит большая, увлекательная и необходимая: нужно будет делать аранжировки для оркестра, подбирать исполнительниц для нескольких дуэтов. В планах также выступление в трудовых коллективах. На таких выступлениях бывает много молодежи. Это радует, наполняет оптимизмом. Значит, моя работа нужна людям, находит отклик в их душах. Это и есть настоящее счастье для артиста.